

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

6 1990

Исторические причуды

"Сделан шаг к переориентации истории второй мировой и Великой Отечественной войн по рецептам западной историографии".

Н. А. АНДРЕЕВА

Ленд-лиз: взгляд из США

"...Вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки... по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу советского народа и Красной Армии в этой войне".

Джон Н. ХАЗАРД,
профессор
Колумбийского
университета, США

Штрафники

Документы спецслужб Геббельса на советском экране.

Иуды

"Власов и его ближайшее окружение не идейные борцы. В них столько же идейности, сколько ее имеет флюгер, послушно поворачивающийся за ветром".

А. Ф. КАТУСЕВ

ВЪ ПОГОНЮ ЗА ДЕНЬГАМИ

(Песня японцев).

„Дело Саяма“ — богатъ деньгами
И считать вась дурманя...
Но не воевать вась воевать.
А безъ денегъ вась не въ войну...”

Мы сокрани вое, что было...
Васю рика — зреть такъ много...
Во, ахъ, воевать не воевать,
Такъ что вась воевать воевать...

ВИТЯЗЬ

60 коп.

Индекс 70137

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами "Союзпечати" без каких-либо ограничений и на любой срок.

В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно.

Подписная цена: на год – 7 р. 20 к.;

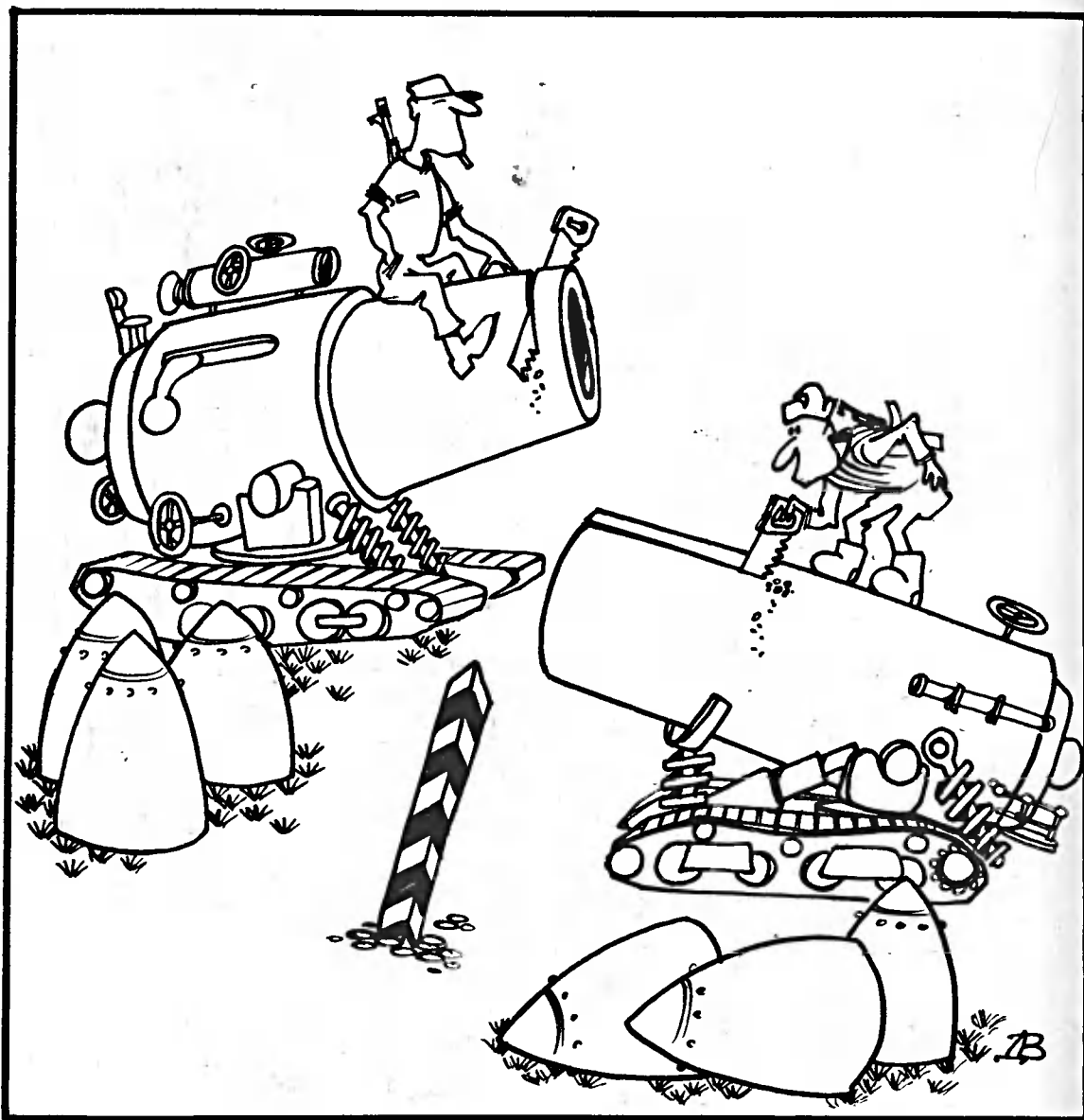
на 6 месяцев – 3 р. 60 к.

В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

ISSN 0321-0626

6 1990

1-96

"Частичное разоружение..."

Художник В. Д. ДОРОШЕНКО. 1990 г.

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

Издается
ежемесячно

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 6 1990 ЖУРНАЛ

Главный редактор
В. И. ФИЛАТОВ.

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный секретарь),
А. В. БЕТХТИЦ,
И. Н. ВЕНКОВ,
В. С. ГРИЧУК,
А. Г. ЕВДОШЕНКО,
В. Т. ИМИНОВ,
С. Г. ИЩЕНКО
(заместитель
главного редактора),
П. Н. ЛАЩЕНКО,
В. Н. ЛОБОВ,
А. М. МАЙОРОВ,
С. В. ОГОРОДНИК,
В. Г. ОППОКОВ,
Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ,
К. Б. РАШ,
О. Д. ФЕДЮНИН.

Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.

Художественный
редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95
296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 9.04.90
Подписано к печати
8.06.90
Г-45509
Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,4+0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Тираж 212 000 экз.
Зак. 945
Цена 60 коп.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317.
Хорошевское шоссе, 38.
© «Военно-исторический
журнал», 1990.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1990.

ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО

Ю. А. ГОРЬКОВ — У истоков оборонительной доктрины 3
П. П. ЛЕБЕДЕВ — Государственная оборона 4

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

Н. А. АНДРЕЕВА — Исторические причуды 10

ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Кого мы должны помнить?
(Публикация В. Р. ЖУРАВЛЕВА, Б. Е. ПЕСТОВА, Н. Ч. ЕМЕЛЬ-
ЯНОВОЙ) 17

ИЗ ТАЙНЫХ АРХИВОВ СПЕЦСЛУЖБ РЕЙХА

Палачи (Публикация Г. Г. АЛОВА) 23

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

П. С. ПЕТРОВ — Фантическая сторона помощи
по ленд-лизу 34
Джон Н. ХАЗАРД — «...На защиту американских
интересов» 40

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

Л. Г. ИВАШОВ — От «юнkersа» 1941 года к «цесне»
1987-го 43

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Нюрнбергский бумеранг
(Публикация Ю. Н. ЗОРИ, А. С. ПРОКОПЕНКО) 47

ВНИМАНИЕ! ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ!

В. П. КРИКУНОВ — Штрафники 59

ИССЛЕДУЯ СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Ф. КАТУСЕВ, В. Г. ОППОКОВ — Иуды 68

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Л. Я. САЕТ — А. Ф. Редигер и его воспоминания 82
А. Ф. РЕДИГЕР — История моей жизни 83

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. А. КЛИМОВ — Ратная слава Отчизны 88

С. Р. СЕРКОВ — Орден Святого Станислава 90

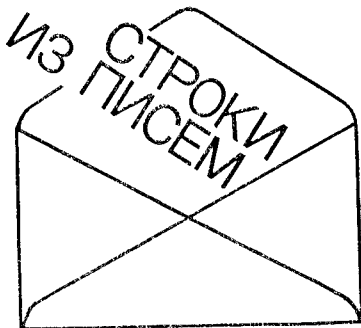
ЧИТАТЕЛЬ: УСЛЫШАТЬ, ПОНЯТЬ, ОТКЛИКНУТЬСЯ

«Мне с тобой, журнал, интересно...» 92

НАМ ПИШУТ

14,46,58,88

Читатель:

ВОЗМУЩАЕТСЯ

Просим вас (журнал.— Ред.) дать отпор националистическим взглядам, иначе получится, что мы их поощряем. А в Литве все больше и больше нагледут...

Н. А. ДЕЕВ (Оренбург)

ДОВОЛЕН

Рад читать статьи, разоблачающие нахальных и наглых. Был потрясен выступлением Е. Евтушенко на Съезде народных депутатов по поводу выступления генерала Суркова. Очень доволен, что нашелся такой человек, как В. С. Бушин, который дал отпор этому «молодому депутату»! Как люди избирают таких нахалов?.. Видимо, толпа... Жаль только, что «ВИЖ» знают немногие. Полностью одобряю ваши статьи в журналах № 11, 12 за 1989 год по поводу Сахарова. Ведь его хотели превратить в национального героя — «всемирный траур». Писал я Заславскому по этому поводу — молчит.

Хорошо, если бы вы и «путешественника» Ельцина покритиковали за Балтимор, ныряние с моста, торговлю Курильскими островами. Я писал и в Верховный Совет, и в «Комсомольскую правду». А толпа не видит, толпа в восторге, голосует...

В. И. КСЕНУШКО (Москва)

ОПОЗНАЛИ ЗЕМЛЯКА

В № 11 за 1989 год журнала прочитали статью «Георгиевские кавалеры». На фотографии (с. 29) мы опознали нашего земляка Близнюка Бориса. Он жив. В июне 1990 года ему исполнится 100 лет...

У себя в поселке мы разыскали еще одного Георгиевского кавалера — Ключку Евдокима Прокофьевича, но он умер в 1970 году. Очень вас просим помочь нам связаться с Центральным государственным военно-историческим архивом СССР. Мы хотим собрать материалы для нашего краеведческого музея.

Члены группы «Поиск»
средней школы № 1
(пос. Циркуны Харьковской обл.)

НЕДОУМЕВАЕТ

Только в марте 1990 года получил «Военно-исторический журнал» № 1, но до настоящего времени не получен журнал № 12 за 1989 г. Что, журнал конфискован из-за печатания статьи «Мы не рабы. Рабы нѣмы» Владимира Бушина? Или есть другая причина? Во всяком случае почта г. Воронежа отвечает, что «Военно-исторический журнал» № 12 (1989 г.) подписчикам не поступал. Прошу сообщить, есть ли возможность получить журнал № 12 за 1989 г. и когда будет доставлен указанный журнал мне как подписчику.

П. А. РУБАНОВ (Воронеж)

У ИСТОКОВ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

«ВРЯД ЛИ НАДО тратить время и бумагу на то, чтобы доказывать необходимость для всякого государства, а для нашего Союза в особенности, заблаговременной и всесторонней подготовки своей обороны». Задумайтесь, уважаемый читатель, над смыслом этих слов. Они почерпнуты из труда первого начальника Штаба РККА П. П. Лебедева «Государственная оборона»*, написанного в 1924 году. Но уместно ли напомнить о них сегодня? По нашему мнению, безусловно. Особенно сейчас, когда стержнем нашей военной доктрины продолжает оставаться оборона, а стратегическая группировка войск в Европе резко изменяется и уже ставится вопрос о расчленении Вооруженных Сил СССР по национальным квартирам.

Эти кампании в отношении армии не новы. Почти 70 лет назад, после гражданской войны, перед военной реформой шло огульное сокращение РККА. По настоянию Л. Д. Троцкого (бывшего Председателя Реввоенсовета Республики) и его соратников численность армии уменьшилась в 10 раз, с 5,5 млн. до 562 тыс. человек. И это в то время, когда на 1000 человек населения в странах Европы приходилось: во Франции — 200, Эстонии — 127, Румынии — 95, России — 41, а в других странах 80—100 военнослужащих. Кстати, это один из показателей милитаризации населения.

В настоящий период по многим причинам на страницах печати, в передачах телевидения и радио вновь, как и 70 лет назад, идет острая дискуссия по поводу размеров наших Вооруженных Сил, их предназначения, военного бюджета, о принципах военного строительства, военной доктрине и теории военного искусства.

Очень много появилось «знатоков военного дела», пытающихся показать свою эрудицию. Конечно, каждый волен выражать личную точку зрения. Но вряд ли все это даст какую-то пользу делу, если участники дискуссий и дебатов, авторы различных платформ не владеют элементарными познаниями в военном деле.

Для того чтобы революционная перестройка в Вооруженных Силах не осуществлялась поверхностно, чтобы вникнуть в глубину тех сложных процессов преобразования, которые необходимы для дальнейшего их развития, нужна определенная военно-теоретическая подготовка.

Особенно необходима она профессиональным военным, политическим и государственным деятелям, журналистам и писателям.

В самом деле, ведь изменения, происходящие в армии и на флоте, — это не простой косметический ремонт, не перетряска штатов, не простая смена должностных лиц, а процессы, в которых нужно хорошо разбираться.

Небезынтересно высказывание по данному вопросу специалиста в области стратегии А. А. Свечина: «В Германии в 1910 году из 260 военных писателей 143 окончили академию генерального штаба, 83 прошли курс большого генерального штаба, причем эта треть включала всех авторитетнейших писателей».

На страницах «Военно-исторического журнала» в этом году публикуется ряд статей о военной доктрине, стратегии и оперативном искусстве, идет дискуссия по урокам и выводам Великой Отечественной войны, особенно ее начального периода. Это полезно. В свою очередь предлагаю читателям журнала познакомиться с трудом П. П. Лебедева «Государственная оборона», написанным 1 августа 1924 года и опубликованным в том же году, правда, тиражом только тысяча экземпляров. Теперь эту очень важную работу, как говорится, днем с огнем не найдешь.

Работа была написана после гражданской войны. В то время она являлась как бы программой к действию.

С той поры сменилось несколько поколений советских людей, минули годы суровых испытаний Великой Отечественной войны, послевоенные годы совершенствования Вооруженных Сил, произошли колоссальные изменения в боевой технике и вооружении.

Но книга, как это ни странно, не потеряла своего значения и сейчас. Таков ее интеллектуальный потенциал.

Международная обстановка очень слож-

* Лебедев П. П. Государственная оборона. — М.: Государственное военное изд-во, 1924. — 47 с.

на и сегодня. Конкретные односторонние предложения и практические действия ЦК КПСС и Советского правительства по сокращению Вооруженных Сил, ограничению испытаний ядерного оружия не находят реальной поддержки со стороны США и стран НАТО. Прорабатываются и реализуются новые военные программы (по СОИ и стратегическим наступательным силам). В этих условиях нам нужны Вооруженные Силы в размерах достаточности, способные защитить нашу Родину.

В небольшом, но глубоком по содержанию труде «Государственная оборона» П. П. Лебедев раскрывает вопросы по подготовке обороны страны, что соответствует принятой в нашем государстве оборонительной военной доктрине, с одной стороны, а с другой — показывает миролюбие нашей внешней политики с момента зарождения.

П. П. Лебедев — первый начальник Шта-

ба РККА. Окончил Александровское военное училище (1892 г.) и Военную академию Генерального штаба (1900 г.). Участник первой мировой войны, генерал-майор русской армии, одним из первых встал на сторону Великой Октябрьской социалистической революции.

В период гражданской войны был начальником мобилизационного управления Всероссийского главного штаба, начальником штаба и командующим Восточным фронтом, начальником Полевого штаба Республики. С 1921 по 1924 год — начальник Штаба РККА, одновременно с марта 1924 г. — член Реввоенсовета СССР. Принимал деятельное участие в разработке и проведении операций по разгрому войск Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и буржуазной Польши.

*Публикацию подготовил
генерал-полковник Ю. А. ГОРЬКОВ*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБОРОНА

П. П. ЛЕБЕДЕВ

Общая организация подготовки к борьбе

Вряд ли надо тратить время и бумагу на то, чтобы доказывать необходимость для всякого государства, а для нашего Союза в особенности, заблаговременной и всесторонней подготовки своей обороны. Мы окружены широко раскрытыми ртами с отточенными зубами и волчьими аппетитами. Да и другие страны вряд ли в заметно лучших условиях. Еще в большей степени делает остро необходимой подготовку к борьбе то, что мы переживаем эпоху, когда классовая борьба переходит постепенно в открытую вооруженную борьбу классов. И не нам, конечно, оставаться сложа руки в преддверии к этой решающей судьбу человечества борьбе. Поэтому я буду исходить из мысли, что для всех очевидна неизбежность в современных условиях борьбы и необходимость подготовки к ней, и прямо перейду к вопросам, в чем должна выразиться эта подготовка и как ее организовать. Этими вопросами

занимаются давно, но полной ясности они еще не получили. Поэтому новое обсуждение их в печати мне кажется весьма полезным, тем более что затяжка в проведении их в жизнь недопустима, так как может привести к непоправимым бедам.

Цель подготовки к обороне, или, что то же, к борьбе, также, вероятно, ясна для всех и может быть сформулирована примерно следующими словами: обеспечить максимум успеха в борьбе путем планомерной и всесторонней подготовки к ней.

А для этого нужно:

1) подготовить страну к возможности извлечь из нее в нужное время максимальное количество средств (живых, материальных и духовных), не разрушая основ ее существования;

2) уметь организованно, с наибольшей продуктивностью использовать эти средства во время борьбы и

3) подготовить наиболее благоприятную обстановку для борьбы.

Но средства, требующиеся для

войны, столь же разнообразны, как средства самой жизни страны. Поэтому в подготовке ее к борьбе неизбежно участие всех органов управления, ведающих всеми сторонами ее жизни. Для того же, чтобы работа отдельных ведомств и их органов по подготовке получила необходимую целесообразность и планомерность, чтобы она вылилась в форму объединенного, организованного усилия всей страны, необходимо постоянное объединяющее руководство этой деятельностью отдельных ведомств. Это объединяющее руководство, естественно, лежит на высших установлениях правительственной власти каждого государства, в том числе и нашего Союза. Но величайшая важность, сложность, многообразие дела подготовки к неизбежной борьбе не могут не выдвигать перед государственной властью всякой страны основного вопроса: может ли она с должным успехом осуществлять руководство этим делом через существующие в стране высшие общегосударственные или для этого необходимо создание особого высшего органа, специально ведающего этой стороной жизни народа. При утвердительном же ответе на него возникнет вопрос о том, как, в какой форме должен быть создан этот руководящий оборонный орган и какими аппаратами он должен быть снабжен для выполнения своей задачи.

Жизнь уже дала некоторые ответы на эти вопросы. Два крупнейших буржуазных государства, Франция и Англия, давно создали у себя такие руководящие, объединяющие подготовку к войне органы (Высший Совет Национальной Обороны во Франции и Комитет Обороны Империи в Англии). Создала такой орган у себя и наша Советская республика в дни наибольшего напряжения борьбы в виде Совета Труда и Обороны, одной из главнейших задач которого было объединение и напряжение всех сил и средств молодой Республики на борьбу за ее существование.

Но этих примеров, как ни серьезно их значение, недостаточно для окончательных выводов, в особенности в отношении того, какие организационные формы следует дать это-

му руководящему оборонному аппарату, если бы он был признан необходимым, тем более что формы эти должны отвечать своеобразию условий жизни каждого государства. И мне кажется, что жизненные ответы на поставленные вопросы можно почерпнуть только из внимательного анализа того, из чего должна сложиться подготовка страны к обороне, какие задачи она выдвигает перед правительством в целом, перед отдельными ведомствами и группами их, в каком порядке эти задачи могут разрешаться и проводиться в жизнь. Когда будет ясным, что предстоит сделать и как это нужно делать, тогда выяснится само собой и та организация, которая наиболее отвечает успеху дела. К этому анализу задач по подготовке к борьбе и порядка их осуществления мы и перейдем.

Для того чтобы подготовка была целесообразной и планомерной, необходимо прежде всего ясно установить, к чему готовимся. Иначе говоря, нужно определенное и твердое задание.

Это задание, естественно, должно вытечь из условий переживаемой человечеством борьбы классов, из исторических задач государства, его международного положения и внутреннего состояния и вместе с тем должно строго соответствовать реальным материальным возможностям страны.

Ясно, что составлению такого задания должно предшествовать всестороннее и глубокое изучение всех этих условий. При этом необходимо не только изучение сегодняшних условий и средств, определяющих сегодняшние политические и материальные возможности государства, а и выяснение того, что необходимо и возможно изменить в политической обстановке, какие средства необходимо и возможно развить, дабы подготовку к борьбе довести до пределов, соответствующих историческим задачам государства.

В результате этого изучения должно быть выяснено:

1. С кем и при каких условиях борьба неизбежна как обязательный этап на пути к разрешению исторических задач государства.

2. Кем и при каких условиях государство может быть принуждено к борьбе. Посильна ли для государства эта борьба. Какие меры необходимы и возможны для уклонения от нежелательной или непосильной борьбы.

Решение этих вопросов в конечном счете должно установить основную часть задания: к борьбе с кем и в каких условиях надо готовиться.

Правильное решение этого основного вопроса представляет, конечно, исключительные трудности. Легко предвидеть, что многие будут склонны приравнять попытку решить их к гаданию на кофейной гуще и будут утверждать, что следует без всяких гаданий просто готовиться к тому, чтобы иметь возможность в пужное время дать для борьбы максимальные силы и средства, на выделение которых способна страна. И до известной степени они будут правы, так как в виде общего правила надо признать, что силы и средства всякого государства всегда значительно меньше того, что нужно для решения его исторических задач в том виде, как оно само их понимает, и потому максимально возможная подготовка к борьбе никогда не может быть признана излишне большой. Обратное, она всегда будет признаваться недостаточной.

Тем не менее этот упрощенный взгляд нельзя не признать просто близоруким. Материальная подготовка к войне всегда идет за счет развития других сторон жизни народа, и прежде всего за счет развития его производительных сил. Весьма обычно такое положение, при котором для государства жизненно необходимо всемерное сокращение масштаба своей военной подготовки, дабы развить свои производительные силы и тем создать необходимую базу для более широкой и прочной военной подготовки в будущем.

Или, легко себе представить, что нередко, а может быть и всегда, государство пойдет успешнее и легче по пути достижения своих исторических целей, расчленив их на этапы, овладение которыми будет более

посильным ему и не будет грозить полным истощением сил.

Нередко для государства будет более выгодным ограждать себя от вражеских ударов путем тех или других, иногда очень крупных жертв, чем гарантировать себя от этих ударов такой широкой и большой подготовкой, которая способна удушить его производительные силы. Словом, прямолинейная, упрощенная формула в виде обязательного максимального напряжения военной подготовки во многих случаях может оказаться пагубной для жизни государства, и потому необходимо более сложное, гибкое и жизненное решение этого вопроса. И правильное решение его будет зависеть, с одной стороны, от высоты гения людей, стоящих у высшей власти, а с другой — от того, как будет организовано прохождение этих вопросов, т. е. их постановка, изучение и порядок принятия по ним решений.

Современная война, тем более война классовая, ведется не только армиями борющихся государств, а вовлекает в борьбу все их силы и средства, захватывает все стороны жизни народов. Тем не менее сама борьба, раз дело дошло до открытой войны, т. е. до преодоления силою сопротивления противника, осуществляется вооруженными силами государства. Поэтому следующей конкретной данной общего задания по подготовке страны к войне должно быть установление размера ее вооруженных сил в военное время и их кадров мирного времени, а также состава тех и других по основным видам (сухопутная армия, морская и воздушная флоты).

В основу определения размера (численности и состава) вооруженных сил должны быть положены следующие условия:

1. Политические задачи страны, ее международное положение, т. е. указанное выше решение о том, к борьбе с кем и в каких условиях признано необходимым готовиться.

2. Силы, средства и внутреннее политическое состояние вероятных противников.

3. Характер предстоящей борьбы

как следствие из предыдущих двух пунктов.

4. Географическое положение своей страны.

5. Ее живые и материальные средства и внутреннее состояние.

Первые четыре условия определяют нужные (желательные) размер и состав вооруженных сил, а пятое ограничит их пределами реальной возможности.

Размер и состав кадровых вооруженных сил мирного времени в свою очередь определится следующими условиями:

1. Возможностью здорового развертывания кадров в вооруженные силы военного времени установленного размера.

2. Возможностью вести правильное боевое обучение.

3. Возможностью провести через военное обучение все то количество людей, которое нужно для развертывания вооруженных сил при мобилизации и пополнениях их во время войны.

4. Внутренним состоянием страны и

5. Денежными и материальными средствами страны.

И в этом случае первые четыре условия определяют нужный размер и состав кадровых вооруженных сил, а пятое ограничит их реальной возможностью.

Но установлением размера вооруженных сил не исчерпываются необходимые основные данные для заданий по подготовке к войне различных отраслей народного хозяйства. Не менее важное значение для этого имеет хотя бы грубое определение продолжительности войны, а также время, к которому должна быть закончена или доведена до известной степени развития подготовка к борьбе. Для определения этих данных снова придется учесть все перечисленные выше условия, политические и материальные, а также чисто военные, базирующиеся не только на глубоком и всестороннем знании военного дела и современных условий ведения войны, а и на учете их непрерывного прогресса.

Только после того, как будут выработаны перечисленные выше основные положения общего задания,

возможно составление целесообразных частных конкретных заданий по всем отраслям народной жизни, выполнение которых должно привести страну к готовности к борьбе в целом.

Уже из этого краткого очерка составления общего основного задания по подготовке, казалось бы, ясно, что одна эта, так сказать, вступительная часть подготовки вряд ли под силу тем обычным высшим государственным установлениям, которые без того нормально перегружены своей огромной правительственной работой. Только орган, специально занятый этим делом и обладающий надлежащим аппаратом для изучения и проработки этих вопросов, может справиться с ними с необходимым для дела успехом. Только при наличии такого органа верховная власть в государстве найдет действительно прочную основу для своих окончательных решений.

Это станет еще более ясным после того, как мы рассмотрим частные задачи по отдельным отраслям народной жизни и порядок их выполнения и обнаружим, в какой мере они переплетаются между собою, зависят друг от друга и потому не могут обойтись без постоянного авторитетного и отлично ориентированного объединенного руководства.

К рассмотрению этих частных задач мы теперь и перейдем.

Организация управления

Организация высшего управления в государстве во время войны имеет некоторые существенные особенности, и потому она должна быть заблаговременно продумана, проработана и подготовлена. Импровизация в этом случае крайне вредна, так как недочеты в высшем управлении сказываются на всем аппарате государственного управления, во всю его глубину, а между тем во время войны особенно необходима его отчетливая и бесперебойная работа.

В решительной борьбе участвует вся страна, а не только ее вооруженные силы. Управлять войной в

целом, естественно, будет то верховное правительство, которое правит страной и во всех других отношениях, а не высшая военная власть в государстве. Более того, было бы вредным, если бы верховная власть в своем управлении войной руководствовалась соображениями одной военной власти. Обратное, совершенно необходимо, чтобы верховное руководство войной базировалось на широком обобщении всех условий жизни страны. Поэтому верховная власть должна иметь в военное время специальный аппарат вневедомственного характера, способный сосредоточить у себя и прорабатывать весь многосторонний материал, необходимый для прочного обоснования высшего управления войной и страной во время войны. Необходим такой аппарат и для объединения работы всех ведомств, так как успех в решительной борьбе возможен лишь в том случае, если он станет единой, доминирующей над всем целью всей страны и если на достижении этого успеха будут сосредоточены ее объединенные и планомерные усилия. Организация этого аппарата и порядок его работы должны быть разработаны и подготовлены еще в мирное время, дабы он смог начать свою деятельность без всякой задержки, как только она потребуется. Если будет в стране тот аппарат по подготовке к войне, о котором говорилось выше, то он явится естественным кадром или даже почти готовым аппаратом по управлению войной.

Так же необходима заблаговременная подготовка организации высшего командования, в руках которого должна быть сосредоточена полнота оперативной власти и объединено командование всеми вооруженными силами государства.

Военная организация внутри страны во время войны, естественно, останется в руках того аппарата, который ведет это дело в мирное время. Но должно быть вырешено и вылиты в конкретные формы взаимоотношение этого аппарата с органами главкомандования. Интересы войны делают наиболее желательной формой этих взаимоотно-

шений полное подчинение внутреннего аппарата главкомандованию, так как внутренняя военная организация является готовой базой вооруженных сил и связью их со всей страной, как основной их базой. Работа внутренней военной организации носит в полном смысле служебный характер по отношению к действующим вооруженным силам, и только при подчинении ее главкомандованию можно быть уверенным, что она наиболее полно ответит запросам армии. Даже при прославленном диктаторстве над всей страной во время мировой войны германского верховного командования оно нередко и не без основания жаловалось на неудовлетворение его требований не подчиненным ему военным министерством и притом в таких случаях, когда фактически это министерство имело возможность выполнить эти требования и не выполняло их лишь в силу того, что находилось под влиянием других высших установлений государства, не менее авторитетных, чем главкомандование.

Но, с другой стороны, подчинение внутренней военной организации главкомандованию, несомненно, сильно загромоздит работу последнего. Поэтому возможна и другая форма их взаимоотношений, именно: их соподчинение высшей военной власти, как это было в нашей армии во время гражданской войны в лице Революционного Военного Совета. Во всяком случае, так или иначе этот вопрос должен быть вырешен и претворен в ясные, заранее разработанные положения.

Наконец, должны быть продуманы и разработаны и другие органы, обеспечивающие правильные взаимоотношения военного ведомства с теми из гражданских, от которых зависит удовлетворение наиболее важных потребностей армии; примеры необходимости в таких органах дала наша гражданская война, вызвавшая к жизни Чрезвычайную Комиссию по снабжению армии и Главное Управление по снабжению армии продовольствием (Чусоснабарм и Главснабпродарм).

В равной мере потребуются создание некоторых органов военного времени внутри тех гражданских

управлений, которые привлекаются к обслуживанию потребностей войны. Все эти организационные меры должны быть отработаны в мирное время, и мобилизация соответственных органов должна быть подготовлена так же, как мобилизация самой армии.

Внешняя политика

Внешняя и внутренняя политика в условиях классовой борьбы неразделимы, да и вне их связь между ними весьма тесная. Тем не менее для удобства исследования рассмотрим оба этих фактора в отдельности.

Связь между внешней политикой и войной, тем более классовой, такова, что они просто неотделимы одна от другой как в период подготовки к войне, так и во время самой борьбы. Влияние их друг на друга непрерывно. Отсюда постоянные споры, кто из них и когда должен иметь доминирующее, а кто подчиненное значение, постоянные нарекания, что один другому путает карты или тормозит работу. Не устраняют этих неувязок и попытки теоретических определений, вроде того что война есть продолжение политики другими средствами, и иные. Да и не могут устранить, пока не будет твердо установлено, что политика и война являются не отдельными, самостоятельными, самодовлеющими факторами, а лишь нераздельными сторонами одного общего дела, и пока ведение этого общего дела не будет реально объединено. Это объединение равно необходимо как в период подготовки к войне, так и во время нее.

Но такое объединение будет здоровым и плодотворным только в том случае, если в основе его будет лежать такое же глубокое понима-

ние обоих этих дел и знание обстановки, в которой развиваются события, какое доступно самим непосредственно ведающим ими органам; а для этого необходимо, чтобы это объединение осуществлялось в аппарате, обладающем соответственными силами и свободном от другой неотложной работы; иначе говоря, и для этого дела необходимо наличие в государстве аппарата, специально ведающего обороной страны в широком смысле слова в мирное и военное время. Попытки обойтись без такого аппарата и объединять политику и оборону в обычных заваленных работой высших правительственных установлениях, без предварительной глубокой проработки в специально для этого существующем органе неизбежно приведут к тому, что решения нередко будут носить случайный, недостаточно обоснованный характер или просто будут ошибочными, вызывая справедливую неудовлетворенность у органов, несущих всю тяжесть ответственности за возложенное на них дело.

Задачи, которые будут возлагаться органом, ведающим подготовкой к войне, на органы, ведающие внешней политикой, выразятся в следующем:

1. Изучение политических условий своего и всех иностранных государств.

2. Участие в выработке того основного задания для подготовки к борьбе, о котором говорилось выше и которое в значительной части базируется на политическом международном положении государства.

3. Создание выгодных для борьбы политических условий; устранение возможности вовлечения государства в невыгодную или непосильную борьбу.

4. Во время войны — облегчение условий, в которых протекает борьба, и использование результатов ее.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧУДЫ

Н. А. АНДРЕЕВА

ВСТУПИВШИЕ в старый, много видевший на своем веку Мемель (Клайпеда) советские войска нешли город лишенным жителей, которых, как подданных «тысячелетнего рейха», заблаговременно вывезли в Германию для продолжения уже безвозвратно проигранной «тотальной войны». Советская комендантура обнаружила во всем городе несколько семей и сирот, носивших литовские фамилии и имена, но настойчиво называвших себя немцами. По окончании войны им была предоставлена возможность выезда в Западную Германию, которой большинство и воспользовалось. Таковы наглядные результаты реализации «комплексной программы» онемечивания литовцев, намеченной еще псами-рыцарями в XV веке и завершенной 22 марта 1939 года оккупацией гитлеровцами Клайпедской области.

Такою же судьбу уготовил гитлеризм всем прибалтийским народам. Эта мрачная перспектива формулировалась одним из идеологов рейха Альфредом Розенбергом как германизация прибалтов, поддающихся ассимиляции в расовом отношении, и высылка нежелательных элементов в больших масштабах. Воодушевленный эйфорией первых, казавшихся необратимыми побед, фюрер, находясь в «волчьем логове», в июле 1941 года патетически заявил своим сподвижникам, что весь прибалтийский край должен быть включен в состав Германии. Касательно же «нежелательных элементов» в лице евреев, цыган, славян, коммунистов, антифашистов и всяких «интеллектуалов», то они до конца войны продолжали «высылаться» в атмосферу через ненасытные чрева печей освенцимов и майданеков. И кто мог предсказать в те времена, когда бы закончилось это «переселение»

так называемых «неарийских» народов? А ведь все могло быть...

Волны неумолимого времени перекачиваются через седеющие и редющие головы поколений, которые своими беспримерными ратными делами и самоотверженным трудом сумели переломить ход событий, спасти человечество от коричневой чумы. Не случись победы антигитлеровской коалиции, убеждена, некому было бы сейчас дискутировать о государственности, суверенитете, правах человека, национальной культуре, государственном языке, перестройке и т. п. Профессор Тюсонского университета Алекс де Джонг, автор недавно вышедшей в США книги «Сталин», пришел к выводу, что, «победи Гитлер СССР, уже не было бы русских. Но не было бы уже и французов, англичан, американцев»¹. Можно продолжить американского историка: не было бы и украинцев, грузин, армян, литовцев, эстонцев и других народов. Таково значение нашей победы в Великой Отечественной войне, которое ныне коекому хотелось бы пересмотреть.

Поскольку же такой пересмотр затруднителен, то всячески ищутся обходные пути. Одним из них является признание незаконности советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, что дает повод некоторым товарищам объявлять Советский Союз соучастником противоправной сделки с нацизмом, нападение же Германии на нашу страну не считать преступлением, а справедливейшую войну советского народа объявить схваткой соперников по международному разбою. Даже еженедельник «Аргументы и факты» в недавнем новогоднем обращении к читателям обратил внимание на постановление второго Съезда народных депутатов, осуждающее «политику агрессии сталинского руковод-

¹ Наш современник. — 1987. — № 5. — С. 157.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА АНДРЕЕВА родилась в 1938 году в Ленинграде в рабочей семье. Отец работал на порту, мать — слесарем на Кировском заводе. В годы Великой Отечественной войны

лишилась отца, старшего брата и сестры. Из Ленинграда вместе с двумя братьями-школьниками была эвакуирована в Углич. После снятия блокады в 1944 году семья Нины Александровны вернулась в Ленинград. Вскоре заболела и ушла на пенсию мать. Братья, оставив учебу, стали работать на заводе. Жили трудно, в небольшой комнате коммунальной квартиры.

Среднюю школу Нина Александровна закончила с золотой медалью, по окончании Ленинградского технологического института получила диплом с отличием, досрочно закончила заочную аспирантуру, защитила диссертацию. В 1966 году вступила в партию. После защиты диссертации работала в НИИ кварцевого стекла. За выступления на партийных собраниях с критикой имеющихся недостатков руководства института пыталось исключить ее из партии, но не получило поддержки рабочих-коммунистов. Тем не менее из-за сложившейся обстановки Нина Александровна вынуждена была перейти ассистентом кафедры физической химии в Технологический институт имени Ленсовета.

Возглавив группу народного контроля, Н. А. Андреева столкнулась с грубей-

шими нарушениями государственной и партийной дисциплины со стороны руководства института. Об этом сообщила в вышестоящие партийные органы. Руководство института организовало исключение Нины Александровны из партии, уволило ее с работы. Лишь тщательная проверка заявлений Н. А. Андреевой обкомом КПСС установила и подтвердила указанные в заявлениях факты, а Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в марте 1981 года в своем постановлении окончательно снял с нее все обвинения, дав принципиальную оценку деятельности руководителей вуза, которые вскоре стали «бывшими».

Нина Александровна была восстановлена на работе, но за «вынос сора из избы» долго занимала низшую преподавательскую должность. Сводили счеты «по-интеллигентски». Несмотря ни на какие трудности, очень любит свою работу, с удовольствием занимается со студентами. Стремится в каждом воспитать личность. С января 1988 г. по настоящее время — старший преподаватель кафедры физической химии ЛТИ имени Ленсовета. Председатель Всесоюзного общества «Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы».

ства». Сколько уже изведено бумаги для популяризации этого чудовищного вздора! Первый Съезд народных депутатов создал комиссию по оценке этого договора, которую возглавил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев.

Хотела бы высказать свое мнение о результатах работы комиссии. И не только от себя, но и от имени своего отца, старших братьев и сестры, других моих близких, погибших в боях за наше социалистическое Отечество.

Подожженный гитлеровцами рейхстаг еще в 1933 году ярко высветил всему миру агрессивную сущность фашизма и неизбежность будущей войны. Неотвратимость войны делала необходимым форсирование всесторонней подготовки страны к отражению агрессии, возможно большее отдаление грядущего нападения, завоевание союзников в отнюдь не дружественном мире, ведение дипломатических переговоров с целью создания антигитлеровской коалиции. Каждая из этих задач была сверхсложной для страны, приступившей к развернутому строительству социализма в условиях враждебного капиталистического окружения.

В одном из выступлений на XVII съез-

де ВКП(б) приводилась цитата из «Майн кампф», где Гитлер писал: «Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на восток. Мы кончаем колониальную торговую политику и переходим к политике завоевания новых земель. И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах. Сама судьба как бы указала этот путь. Предав Россию власти большевизма, она отняла у русского народа интеллигенцию, которая до этого времени создавала и гарантировала его государственное состояние»². Какая откровенная классовая определенность устремлений к мировому господству! Вот и сетуй после этого вместе с А. Н. Яковлевым, что «общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию!» Толкуй сколь угодно о «глубинных элементах демократического мироощущения в целом» или «этических убеждениях обще-

² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет, — М.: Партиздат, 1934. — С. 127—128.

ственности». Какое место оставляли в 30-х годах конкретные реальности социальных антагонизмов этим «идеалам», «мироощущениям» и «убеждениям»? Ответ, по-моему, один — никакого!

Съезд народных депутатов СССР признал, что советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года не нарушал внутреннего законодательства и международных норм. Однако при этом акцент делался на его негативных последствиях. Что ж, каждый договор, в том числе и этот, являлся компромиссом. В данном случае компромиссом между агрессором и его будущей жертвой. Положения договора достаточно основательно анализировались в нашей науке.

Другое дело секретные протоколы к договору, о которых у нас ранее специально не упоминалось. Хотя содержание стоящих вопросов никто и не скрывал, Советское правительство фактически не делало секрета из своих соглашений с Германией. Все эти карты, разграничительные линии, коими, прямо говоря, был ошарашен Съезд народных депутатов, стали известны всему миру через месяц после заключения пакта. Уже 23 сентября 1939 года «Правда» писала: «Германское Правительство и Правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и далее по реке Сан до ее истоков»³. Этим соглашением были остановлены гитлеровские дивизии, которые после разгрома Польши довольно рьяно рванулись к нашим границам...

Думаю, что заранее запрограммированные дискуссии на Съезде по вопросу, имелись или не имелись в наличии эти секретные договоренности, послужили отвлечению внимания депутатов и общественности от более неотложных проблем, имеющих отнюдь не только чисто исторический интерес. По-моему, народный депутат А. Н. Яковлев заблуждался, утверждая, что в 1939 году переговоры с Берлином можно было ограничить договором, а всю его секретную, так сказать, подводную часть считать «сговором», «имперскими амбициями» и т. п. Но не превратился бы в этом случае сам договор о ненападении в подлинном смыс-

ле слова в пустую бумажку, полученную в обмен на серьезные экономические, политические и идеологические уступки с нашей стороны?

В секретных протоколах речь шла о формировании советско-германского фронта грядущей второй мировой войны, о выигрыше времени до момента нападения на СССР. Смерти подобно было, по моему мнению, сложа руки ожидать нападения гитлеровцев из районов Нарвы, Пскова, Минска, Киева, Николаева или из-под ленинградского пригорода Белоострова, который находится от Смольного на расстоянии менее часа хода немецких танков. Гитлеровцы постоянно ставили препятствия в реализации договора. Потребовались наши новые уступки, германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 года. Перефразируя известное высказывание одного из французских королей: «Париж стоил обедни», можно однозначно утверждать, что Россия, социализм, существование самого человечества стоили любого договора, любых секретных договоренностей и протоколов к нему. И историю нельзя делать «политикой, перевернутой в прошлое». В противном случае ее придется переписывать бесчисленное число раз.

В конечном итоге страшный удар агрессора настиг нас 22 июня 1941 года на 250—350 км западнее старой границы, где развернулись первые неудачные для Красной Армии сражения. Как бы их ни оценивать, но в ходе их были выиграны первые две недели из шести — восьми, отпущенных вермахту по плану «Барбаросса» на «молниеносную войну». Эти две недели позволили нам стянуть силы и подготовиться к боям на лужском рубеже, под Смоленском, Киевом, Одессой, Мурманском, отнявшим у захватчиков еще 4 — 5 недель драгоценного для них летнего времени, заставившим оккупантов растянуть коммуникации, испытать народную партизанскую войну в своих тылах, распылить силы перед решающими битвами за Москву и Ленинград.

Не выиграв этого времени, мы не сумели бы сорвать блицкриг, не смогли бы навязать гитлеровцам войну в условиях зимы, к которой они совершенно не были готовы. Пришлось бы тогда командир взвода бригады морской пехоты Александру Яковлеву поднимать бойцов в последнюю свою атаку не у станции Погостье, что вблизи реки Волхов, а где-то

³ Правда.— 1939.— 23 сентября.

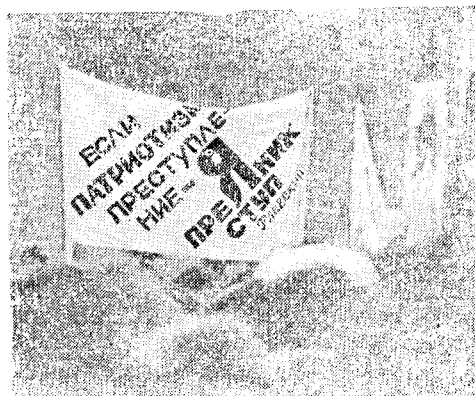
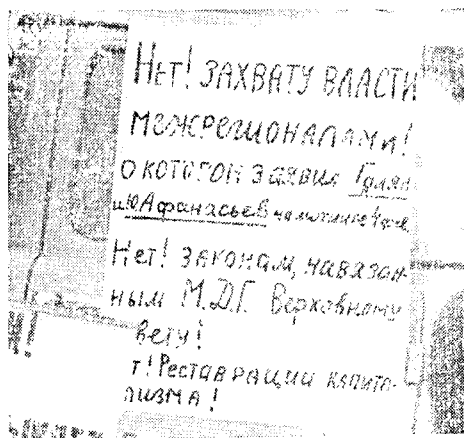

На митинге в Останкино.

в отрогах Уральских гор, со всеми вытекающими для него и страны последствиями.

Говоря о «пакте Риббентропа — Молотова», ныне часто упускают и другое немаловажное обстоятельство. В конечном счете договор помог нам приобрести своих будущих союзников по антигитлеровской коалиции, многие из которых до 1939 года стремились направить германскую агрессию на восток. Благодаря пакту не получилось у мирового империализма и единой антисоветской коалиции, хотя нападение Гитлера на СССР поддерживали войска Румынии, Италии, Венгрии, Финляндии, Испании. В результате этого пакта так и не решилась начать войну милитаристская Япония, что позволило нам избежать войны на два фронта, которая могла стать роковой для нашей страны. Разве это не блестящая победа нашей предвоенной дипломатии, внесшей значительный вклад в победу над фашизмом? Вправе ли это упускать из виду «новое политическое мышление», экзальтированное общемировыми нравственными принципами? То самое «мышление», что в «блистательном докладе» депутата Яковлева низвергло классовую мораль защитников первого в мире государства рабочих и крестьян в пресловутый «сталинизм»?

Выступая на массовом митинге в Бостоне в декабре 1941 года, бывший американский посол в Москве Дэвис высоко оценил советское руководство и его

дальновидность «в очищении страны от предательства, сооружении тысяч танков и самолетов, в то время как демократические державы были убажканы ложным чувством безопасности»⁴. Его призывы помочь СССР в справедливой борьбе были перепечатаны многими газетами США и Великобритании.

Муслирование личности и деятельности Сталина и его сторонников является самой расхожей темой. Этому посвящены книги, поэмы, научные монографии, публицистика, спектакли, фильмы и т. п. Думается, что приходит время проанали-

зировать и оценить без предвзятости результаты антисталинской кампании, поскольку ее последствия для нас, международного рабочего и коммунистического движения, стран мирового социализма более губительны, чем извращения всех культов и культиков, вместе взятых. Антисталинизм выступает ныне как камуфляж, как ширма антикоммунизма и антисоветизма.

В обращении к собравшимся на траурном митинге прощания с погибшими в Африке кубинскими воинами-интернационалистами Фидель Кастро сказал, что наше государство (т. е. СССР) «оказало человечеству такие услуги, как разгром

⁴ Правда. — 1941. — 19 декабря.

СТАЛО доброй традицией или привычкой — в канун профессионального праздника рассказывать о людях данной профессии.

Не остался в стороне и «Огонек» — большой специалист по вопросам армии и флота. В канун Дня Советской Армии и Военно-Морского флота в «Огоньке» была помещена статья Николая Андреева «Обыкновенный рашизм».

Если бы речь в этой публикации шла только о Раше, можно было бы отнестись к ней спокойно или даже, побывательски попирая руни и улыбаясь, поздравлять: «Ну и досталось же Карему! Чем-то он теперь ответит?» А в том, что К. Раш ответит и опровергнет многие из домыслов, нет сомнения. И вовсе не в качестве его адвоката хочется выступить, а по другому поводу.

Статья Н. Андреева опять-таки целит в армию. Три месяца миновало после публикации серии статей К. Раши «Армия и культура», но автор и редактор «Огонька» приурочили свое выступление именно ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Это первое, снажем, случайное совпадение.

Второе совпадение — действительно случайное. Не могут же координировать свою работу «Огонек» и «Красная звезда». Так вот, в один и тот же день вышли очередные номера этих изданий с уже названной публикацией в «Огоньке» и статьей С. Турченко «От рук преступников» в «Красной звезде». Основываясь на данных Прокуратуры СССР

и Генерального штаба, капитан 2 ранга С. Турченко показал печальную статистику убийств офицеров: в 1987 году — одно, в 1988-м — два, в 1989-м — пятьдесят девять! И это не учитывая погибших в Средней Азии и Закавказье, не считая несчастные случаи, аварии и катастрофы. В чем же дело? Можно оправдаться тем, что преступность вообще растет, как это ни печально, но ведь не такими же темпами — с 2 до 59! Одна из самых важных причин — нагнетание антиармейских, и в первую очередь антиофицерских настроений.

Парадокс, но факт! Признавая необходимость армии, автор статьи в «Огоньке», да, похоже, и сам журнал делают все, чтобы опорочить офицера, его службу, его честь. И это в обстановке, когда армия оказалась вдруг необходимой и для решения наших внутренних проблем. «Огонек» ратует за то, чтобы она занималась своим делом и не выполняла не свойственные ей функции. А кто против? Может быть, офицеры оккупировали стройплощадки БАМа, может, они отказались ликвидировать последствия аварии и землетрясения, может, они самолично снялись и ушли в Афганистан за орденами, может, они разжигают конфликты на национальной почве? По Андрееву, так и получается. И он, пылая благородным гневом, клеймит «милитариста» Раши, а метит в армию. Они хорошо знают, эти «Юли», что творят. На этой мутной волне и растет неуважение, переходящее в ненависть к офицерам.

Можно аплодировать Раши за лестные эпитеты в адрес офицеров, можно не соглашаться с ним в оценке

ста офицеров, но пошлые анекдоты тащить на страницы периодического издания, вы меня простите, неистощитель! Среди представителей любой профессии есть и толковые люди, и «с приветом», но не последние определяют лицо профессии. Однако автор умело подводит читателя к мысли, что офицеры — сплошь невежды, держиморды, скалозубы. Тогда откуда в стране лучшая военная, в том числе техническая наука и почему наша военная технология единственная, которая находится на уровне мировых требований. Подобные пассажи Н. Андреева усугубляют в стране и без того сложную обстановку вокруг армии. Такого третьего, явно случайное совпадение.

И наконец, четвертое совпадение — фамилия автора и даже инициалы. Добрая русская фамилия Андреев в последнее время становится нарицательной. Вначале Николая Андреева, а теперь Николай Андреев явно хотят затмить славу Романовых (тех и других).

И если Николая Андреева действительно Андреева, то Николай — Андреев наоборот. Эдакий антипод, что ли. Кто же он на самом деле? Критикуя К. Раши, этот «автор» к тому же берет на себя труд рассказать его биографию, по крайней мере, некоторые страницы, но скромничает в отношении себя. Назвался бы! Так, мол, и так. Я — такой-то, и все тут. Так нет же, лучше — о Раше. А ведь хоть этим сделал доброе дело: создал хорошую рекламу Карему Багировичу. Ну, кто у нас читает «Военно-исторический журнал»? Даже военные далеко не многие, в основном историки. А теперь, после статьи в «Огоньке»,

фашизма, придание решительного толчка освободительному движению колониальных стран. Все это хотят забыть сегодня. Вызывает отвращение то, что теперь многие даже в самом СССР стали отрицать и развенчивать исторический подвиг и исключительные заслуги этого героического народа». Просто немыслимы попытки задним числом взыскивать с руководителей первого социалистического государства, подчеркивал Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, взыскивать за революцию, разгром нацизма и социальный прогресс.

Кому же выгоден пересмотр политиче-

ских оценок советско-германского договора о ненападении? Истине? Сомневаюсь, ибо слишком сильны конъюнктурные предпосылки. К тому же истина никогда не определялась и не определяется числом поданных за нее голосов, даже если это голоса уважаемых народных депутатов СССР. Думаю, что результатами данной переоценки истории лучше всего пользуются германские реваншисты и неонацисты, наследники «моральных ценностей» панской Польши, боярской Румынии, Финляндии и, конечно, самые оголтелые националисты из Прибалтийских республик, рвущиеся к реставрации капитализма и отделению от СССР. Мне

СОВПАДЕНИЯ

даже тот, кто никогда не слышал о Рахе, а уж тем более о «рашизме», потянулся в библиотеки, журнал — нарасхват. Что ж, нет худа без добра.

Но вернемся к Андреевым. Ина набралась гражданского мужества честно и открыто высказать свою точку зрения, отличающуюся от общепринятой. Знала ведь, что за этим последует даже в условиях демократии и плюрализма, но не поступилась принципами. А что Николай? Сегодня, сейчас большого мужества не надо, чтобы ругать армию за все. Она уважаемая поэтесса договорилась до того, что на полном серьезе утверждает, что в армии существует лимит на отстрел личного состава в ходе учений и созданы подразделения по заражению солдат СПИДом! Другой поэт иронически обращается и генералу, третий — не менее уважаемый — издевательски оскорбляет «афганца». Все-му этому есть одно определение — алоба.

Совпадением является и то, что автор — Н. Андреев — и объект его критики К. Рах невоенные люди. И если Андреев за лестные слова Раха об армии кричит: «Агу еро! Анафема! Милитарист!», то позиция самого Раха, пусть не бесспорная, не односторонняя, но и не эгзистенциальная, не цеховая или корпоративная, окрашенная болью и тревогой за наше будущее, вызывает уважение.

Еще большее уважение вызывают суждения К. Раха о русском народе, о великороссах. В отличие от Андреева (судя по фамилии — русского), если это не очередной псевдоним, мало ли у нас Ивановых, Сахаровых и др.) он курд, но понимает

роль и влияние русского народа на нашу историю и в прошлом, и теперь. И если сегодня вести речь о каких-то неостребованных долгах, то следует прежде всего подсчитать долги русскому народу.

А Н. Андреев и здесь следует в русле конъюнктуры: «Караул! Шовинизм!» А когда «Огонек» из номера в номер ярко и очень убедительно показывает наших героев — дня, года, десятилетия и, наконец, героев века — Слуцкого, Ростроповича, Сахарова, Пастернака, то и у меня, как и Раха нерусского, возникает вопрос: а на том ли языке издается журнал?

Н. Андреев клеймит Раха за отношение к войнам Да. Карем Вагирович ни словом, ни строчкой не обеляет и не оправдывает войны — ни прежние, ни последнюю, и уж никак благодатью их не считает. И даже не пользуется вашими аксиомами типа «Война — это всегда несчастье народное», выто об этом можете только умозрительно судить, а каково тем, кто испытал эти несчастья? Но не будете же вы спорить, что великие эпохи породили великое искусство! Великие битвы вдохновили многих творцов на создание великих произведений и в прошлом, и недавно.

И последний момент: о Сталине. И здесь передергивание, сваливание все в одну кучу, обвинение в адрес Раха, а вслед за ним и армии.

Сегодня школьник знает, что от культа больше всего пострадала армия и она же глубже всех и откровеннее судит об этом, определяя свое отношение к нему и делая оценки его деятельности (читайте Д. Волжогонова,

Г. Жукова и т. д.). Поэтому обвинять армию в репрессиях периода культа, а теперь в его оправдании — нелепо и кощунственно.

Обыкновенный рашизм, глаголет Н. Андреев о статьях Карема Раха. Что ж, может быть, Рах должен ликовать — не так много было в истории людей, чьими именами (или фамилиями) названы учения или течения. «Огонек» причислил Карема Вагировича к такого рода избранныкам. Но что значит рашизм, если такой существует, в его ортодоксальном виде, а не в интерпретации Н. Андреева?

Прежде всего — это знание истории своего народа и своего государства, уважение к ней и гордость за нее (мы ведь не Иваны, не помнящие родства). Это — подлинный патриотизм.

Рашизм — это благодарность и признательность русскому народу. Именно с этих позиций Рах рассматривает присоединение к России Украины, походы Ермака, войны на Кавказе, спасение грузин и армян, поход Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию, включение Прибалтийских государств в состав СССР. Все это стоило русскому народу многих жизней и крови его сынов, сопровождалось большими потерями материальных благ и т. д.

Рашизм — это любовь к своей армии — защитнице народа, государства, существующего в нем строя (она — самый исполнительный институт государства). В защите родных рубежей ее назначение и ее тягота, но в этом и ее гордость, ее честь и доблесть, ее право на всеобщее уважение.

Рашизм — это служение Родине.

Полковник
В. А. НЕЙШОВИЧ,
преподаватель
Военной академии
имени М. В. Фрунзе

представляется, что господа здесь слишком торопятся, забыв, что последнее слово принадлежит народу, подлинному хранителю исторических и моральных традиций Державы. В этой связи хочу привести слова одного из почитаемых мною поэтов — Феликса Чуева, которого весьма не жалуют наши доморощенные антикоммунисты, реставраторы, националисты и вся их нынешняя идеологическая обслуга:

Если и кому-нибудь удастся
подсиропить истиной вранье,
офицерский корпус государства
скажет слово веское свое.

Будущее сердцем принимаю,
прошлое, однако, не губя,
и сегодня, армия родная,
вся надежда — снова на тебя⁵.

Объективно, по моему мнению, независимо от личных побуждений те депутаты, которые голосовали за решение Съезда о советско-германском договоре 1939 года, вольно или невольно помогли тем, кто стремится любыми путями затемнить немеркнувший свет нашей Победы, принизить ее величие в сознании людей, сделать ее малозначительной, случайной, второстепенной, тем, кто хотел бы зачеркнуть ее значимость для судеб мира, вытеснить нашу Победу из памяти человечества. Сделан шаг к перекраиванию истории второй мировой и Великой Отечественной войн по рецептам западной историографии. Негативные следствия такого решения вряд ли заставят себя долго ждать.

⁵ Москва.— 1989.— № 11.— С. 19.

* * *

14 апреля в Москве состоялась Всесоюзная конференция Всесоюзного общества «Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы». Рассматривались вопросы: 1. Анализ причин кризиса, лоразившего наше общество и КПСС. 2. Поиск возможных путей реального выхода из сложившейся ситуации.

Шел разговор также об идеологической и политической деятельности общества. На конференции присутствовали представители Прибалтики и Дальнего Востока, Заполярья, Кавказа, Средней Азии...

Председателем общества является Нина Александровна Андреева. Недавно она посетила редакцию. Состоялась ее беседа с главным редактором «Военно-исторического журнала» генерал-майором В. И. Филатовым.

КОГО МЫ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ?

В ПРОШЛОМ ГОДУ телезрители имели возможность увидеть открытие памятника воинству 20-й гренадерской добровольческой эстонской дивизии СС. В том же году в третьем номере журнала «Vikerkaag» была опубликована статья Марта Лаара «Об эстонских солдатах во 2-й мировой войне», но что характерно, в этом же журнале, издаваемом на русском языке под названием «Радуга», статья не была напечатана.

Автор пишет, что, по данным Х. Тулнола, который во время оккупации немцев ведал военными архивами, летом 1944 года с немецкой армией было связано 90 тыс. эстонцев.

Давайте посмотрим, кто же из эстонцев надел гитлеровскую форму, чем они занимались, для чего были нужны фашистам. М. Лаар признает, что общая ситуация для создания эстонских воинских подразделений была неблагоприятной. Если военные власти относились к ним терпимо, то политическое руководство гитлеровской Германии не считало нужным с кем-либо делить победу над «восточным колоссом». Гитлер считал, что победа над СССР у него в кармане, поэтому то эстонские формирования использовались в начале войны лишь на тыловой службе и частично в борьбе с партизанами. Не все эстонцы, поступившие на службу к немцам, сразу получили оружие. Им вручили его лишь тогда, когда у гитлеровского командования возникла потребность в подразделениях с карательными функциями для борьбы против начавшегося партизанского движения в

собственном тылу. Летом — осенью 1941 года и началось формирование так называемых «батальонов безопасности».

Когда же немцы привлекли этих самых «добровольцев» (кого и как набирали в «добровольцы», см. документы) к боевым действиям? Да тогда, когда стало ясно, что план «молниеносной войны» с треском провалился, когда понадобилось заменить на передовой потрепаные части или залатать в ней дыры. В 1942 году эстонские батальоны впервые используются в боях против советских войск под Волховом. Затем в 1943 году они воюют против наших войск под Колпино, в 1944 году участвуют в боях под Новгородом и Псковом, разумеется, на стороне фашистов.

Были ли «батальоны безопасности» единственными эстонскими формированиями, входящими в состав войск гитлеровской Германии? Нет. Как пишет М. Лаар, «в дополнение к батальонам безопасности в 1941 году сформировали еще ряд полицейских. Их первоначально предусматривалось использовать для охраны границ Эстонии, но в итоге ставшего традиционным нарушения немцами обещаний их в большинстве отправили на фронт, при этом без надлежащего вооружения и обучения». Почему же немцы нарушали свои обещания? Да потому, что уж очень туго им приходилось на Восточном фронте. Чем же занимались полицейские части? Батальон «Эстлянд», например, сформированный из эстонцев, переселившихся в 1941 году в Германию, немцы отправили воевать против

партизан на Украину. Батальон «ликвидировался», как пишет автор, из-за потери личного состава осенью 1943 года.

Как осуществлялось формирование эстонских «добровольческих» подразделений и частей? Обратимся к М. Лаару.

«На рассеянные, со слабым вооружением и малообученные эстонские батальоны нельзя было возлагать больших надежд при создании армии в будущем. Поэтому известные деятели Эстонии продолжали попытки создать более крупные формирования. 28 августа 1942 г. было получено согласие на создание Эстонского легиона, входящего в Waffen SS. Хотя принадлежность к СС эстонцев, мягко говоря, не вдохновляла, однако они понимали, что только это сможет обеспечить создаваемому формированию приличное вооружение и обучение. Число добровольцев в Эстонии было небольшим, но летом получили большое пополнение из восточных и полицейских батальонов. 13 октября первая группа эстонцев была направлена для обучения в лагерь Хейде. Часть офицеров откомандировали на курсы повышения квалификации в Бад Телзи, остальных подвергли жесткому обучению на месте. В марте 1943 г. в формированиях распространялись слухи, что вопреки обещаниям солдат пошлют на Южно-русский фронт. Это вызвало недовольство, которое усилилось от попыток не использовать при присяге эстонский национальный флаг. Опасения были не напрасны, и в июле 1943 г. эстонский батальон «Нарва» в составе дивизии СС «Викинг» послали на фронт». Далее Лаар пишет: «.. в лагере Хейде всюду шло формирование Эстонского легиона. Пополнение получили теперь от мобилизации нескольких призывных возрастов, объявленной в 1943 г. доктором Х. Мяэ. Мобилизованным давали формально право выбора вступить в легион, подразделения обслуживания или в военную промышленность, причем последние две возможности были лимитированы. Несмотря на «полупринудительный» характер мобилизации, от нее ста-

рались держаться подальше, тем не менее она дала возможность создать два новых полка (45-й и 46-й), которые вместе с группой артиллерии и дополнительными подразделениями официально объединились 23 октября 1943 г. в Эстонскую бригаду под командованием генерал-майора ф. Аугсбергера. Высшим координатором действий эстонских войск стал генерал-инспектор Й. Соодла, по идее которого легион должен был быть базой будущих войск Эстонии, которые обязательно будут эстонцам нужны после падения Германии».

Да, осенью 1943 года уже многие эстонцы не сомневались, что гитлеровской Германии неминуемо наступит конец, однако все еще на что-то надеялись. Так, «в 1944 г., — пишет М. Лаар, — батальон «Нарва» вместе со многими другими немецкими частями попал в котел под Черкассами (в советской истории Корсунь-Шевченковский котел). Туда для пополнения батальона послали около 500 необученных молодых парней, из которых через неделю осталась в живых пара десятков». Такова участь многих эстонцев, связавших свою судьбу с фашистами.

Однако были и другие. С началом Великой Отечественной войны около 40 тыс. эстонцев были призваны и воевали в рядах Советской Армии. Было создано около 30 добровольческих формирований (истребительные батальоны, рабочие полки и отряды) общей численностью около 7000 бойцов. Когда фашисты оккупировали Эстонию, население оказывало сопротивление оккупантам. На предприятиях трудящиеся срывали работу, осуществляли диверсии. Многие крестьяне под различными предлогами отказывались от поставок продовольствия немецко-фашистским властям. Развернулось партизанское движение, для оперативного руководства которым 3 ноября 1942 года был создан Эстонский штаб партизанского движения. Его возглавил секретарь ЦК КП(б)Э Н. Г. Каротамм. В рядах партизан и подпольщиков было около 7000 человек. В 1941—1942 гг. на Урале формировались эстонские национальные части и соединения,

объединенные 25 сентября 1942 года в 8-й Эстонский стрелковый корпус.

Об этих эстонцах М. Лаар в своей статье не упоминает. Он рассказывает лишь о тех, кто был в «батальонах безопасности», полицейских батальонах, служивших в специальных подразделениях и 200-м полку, сформированном в Финляндии. Он даже называет фамилии тех, кто за храбрость был пожалован Рыцарским крестом (таких четверо. — **Ред**), но молчит о том, что за мужество и героизм, проявленные в Великой Отечественной войне, 13 эстонских солдат и офицеров удостоены звания Героя Советского Союза и около 20 тыс. награждены орденами и медалями.

Почему-то, говоря об эстонцах, которые погибли, служа в немецкой армии, а также о попавших в тюрьму и умерших в Сибири, М. Лаар забывает своих соотечественников, погибших при освобождении Советской Эстонии от фашистских захватчиков. Очень интересным и своеобразным выглядит заявление М. Лаара о том, что, в каком бы мундире (имеется в виду немецкий. — **Ред.**) эстонцы ни воевали, они имели все-таки в виду в

первую очередь интересы своей земли и народа. Хочется спросить у М. Лаара, какие интересы у эстонского народа были под Волховом и Колпино, Новгородом и Псковом, на Украине и в Белоруссии? Разве можно считать народом тех немногих, воевавших на стороне фашистов, зачастую насильно мобилизованных в гитлеровскую армию?

А что же делали нацисты в Эстонии, когда «народ» проливал за них кровь? На территории Эстонии была создана сеть концентрационных лагерей. За время оккупации фашисты уничтожили свыше 61 тыс. мирных эстонских жителей и 64 тыс. советских военнопленных. Среди жертв фашизма — различные люди, в том числе и эстонские профессора А.-Т. Клийман и П.-Х. Рубель, писатели Й. Рувен и Э. Таммлаан, художник А. Йохани. Во время отступления фашисты уничтожали фабрики и заводы, больницы и школы, взрывали мосты и дороги, угоняли в Германию население и скот. Обо всем этом, на наш взгляд, красноречиво рассказывают документы, которые публикуются впервые.

ИЗ ПОЛИТДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 2-й УДАРНОЙ
АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

26 июля 1944 г.

1. Ход выполнения боевой задачи

Сегодня к 7.00, т. е. к исходу первых суток с начала наступления, наши части полностью очистили от противника город Нарву с пригородами Кренгольм и Ускуола. Этот успех явился результатом развивавшегося наступления.

Вчера во второй половине дня и сегодня в первой половине дня части и соединения армии заняли также город Нарву — Ийэсу и более 30 населенных пунктов, в том числе: Метски, Ауга, Мерекюла, Хямсло, железнодорожную станцию Солдино-Ям и другие...

2. Разрушение города Нарвы немецкими оккупантами

Город Нарва превращен немецкими оккупантами в сплошную груды развалин. Во всем городе нет ни одного целого здания. Перед оставленным городом оккупанты методически и по заранее составленному плану взрывали одно здание за другим.

От городской ратуши, одного из старейших зданий города, которое было построено в 1683 году, остался один остов. Разрушена башня Германа в Шведской крепости. Уничтожены все церкви и кирхи. Взорвана водочкачка и сотни других больших и малых зданий города Нарвы и его пригородов.

Во всем городе нет ни одного гражданского человека. Население насильно угнано немецкими оккупантами. Вывезены все ценности.

Город густо минирован. Во многих зданиях заложены мины замедленного действия, которые то и дело взрываются.

Саперные подразделения ведут работы по разминированию в первую очередь дорог и главных улиц.

Через реку в районе города Нарвы наводятся переправа.

**Начальник политического отдела
2-й ударной армии
полковник КАЛУГИН**

ДОНЕСЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА 67-й АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ 3-го ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА

8 августа 1944 г.

Войска армии, преследуя отходящего противника, 30—31 июля с. г. вступили на территорию Эстонской ССР. Наши части освободили от фашистско-немецких захватчиков 192 населенных пункта, в том числе Изборск. Докладываю о состоянии освобожденных сел и деревень, настроениях населения и взаимоотношениях его с личным составом армии, а также о проводимой политической и агитационной работе с местным населением.

1. Немецко-фашистские захватчики, оккупировав в октябре 1941 года Советскую Эстонию, повели на ее территории своеобразную политику. Заигрывая с эстонским населением, немецкие оккупанты одновременно бесчинствовали, издевались над местным русским населением. Среди солдат немецких частей, а также среди населения широко пропагандировалось: «Эстония вместе с Германией борется против большевизма, Эстония — дружественная Германии страна». Разыгрывая роль «союзника» Эстонии, немецкое командование всячески подчеркивало якобы государственную самостоятельность эстонского народа. В последнее время немцы давали даже такое обещание — создать «большую Эстонию» с включением в нее Ленинграда.

Обер-ефрейтор 7-й роты 26-го полка 30 пд, взятый 3 августа с. г. в плен на нашем участке фронта, на допросе сказал: «Немецким солдатам было приказано вести себя в Эстонии, как в союзной стране, считать ее дружественной страной ввиду того, что она впоследствии будет превращена в восточную немецкую страну. Командир нашей роты лейтенант Зандер недавно заявил нам: «Мы воюем теперь в дружественной стране, и поэтому за воровство или мародерство будут расстреливать немедленно».

О политике заигрывания немцев с эстонским населением говорят и другие факты. Волостными старшинами немцы назначали преимущественно эстонцев (кулаков, людей, враждебно относящихся к Советской власти, в свое время, в 1940 г., бежавших из Эстонии, бывших государственных чиновников). Как рассказывает местная крестьянка Евдокия Саари, немцы делали вид, что они не вмешиваются в государственное управление, — все мероприятия главным образом проводили сами эстонцы — волостные старшины чиновники, полиция. Они же расправлялись с русским населением и с теми эстонцами, которые сочувственно относились к русским жителям и Советской власти.

Немцы пытались создать так называемый добровольческий эстонский легион. Для этого проводилась мобилизация эстонцев в армию. И здесь немцы остались верны себе, в армию мобилизовали только эстонских бедняков-крестьян, рабочих, мелких служащих. Под предлогом сохранения хозяйств богатых крестьян и предпринимателей — эстонцев оставляли дома. Кто не шел добровольно в легион, подвергался обалам, штрафам, тюремному заключению и

затем, как правило, посылался на тяжелые оборонительные работы.

Немцы не особенно доверяли эстонским солдатам, не посылали их на территорию Германии, не выпускали из пределов лагерей. По специальному выбору эстонских солдат назначали для несения охранной службы в тюрьмах, концлагерях, в полицию и т. д.

Немцы создавали среди эстонцев политические группы фашистского типа. Так, под флагом самозащиты была создана организация «Кайцитлит», ее членам оружие выдавалось на дом, однако учитывалось настроение каждого из членов этой организации.

Запугивая эстонское население «красным террором» и обещая «защиту от большевиков», немецкое командование при приближении Красной Армии к границам Эстонской ССР организовало якобы временную эвакуацию эстонцев в глубь страны. Печерский окружной комиссар Бекинг и уездный старшина Кьердия обратились к населению Сенской и Изборской областей с призывом эвакуироваться в соседние волости Печерского края севернее Псковско-Рижского шоссе, обещая при этом населению широкую помощь.

Немцы проводили политику натравливания эстонского населения на русское население. В значительной степени это им удавалось. Разжигая в эстонцах националистические чувства, опираясь при этом на деклассированные и кулацкие элементы, немцы при активной помощи многих эстонцев издевались над русскими советскими гражданами. Местное русское население с ненавистью отзывалось об эстонцах, жалуются на политические и национальные притеснения, которым подвергались со стороны немцев и главным образом эстонцев. Русские жители отзываются об эстонских солдатах хуже, чем о немецких солдатах, рассказывают, что многие эстонские кулаки и чиновники являлись немецкими шпионами, терроризировали русских.

Немецкое командование заявляло местному населению: «Мы боремся за новый порядок в Европе». Этот «новый порядок» метко охарактеризовал 57-летний крестьянин дер. Кювялово Матвей Беляев. Он рассказывает: «Немцы твердили, что они борются за «новый порядок», но мы его чувствовали на своей спине. Я вспоминаю, как в прежние времена на базарах слонялись так называемые «псковские удалыцы». Они в корзинке, обернутой платком, держали обыкновенную ворону, ходили по базару и кричали: «Новое, новое! Посмотреть — пять копеек!» Находились простачки, которые верили, что это действительно новое, но когда снимали платок, то оказывалось, что в корзинке — обыкновенная ворона, только стриженная. Немецкий «новый порядок» — та же стриженная ворона. Постричь нас немцы смогли, но побрить не успели — помешала Красная Армия».

Для русского населения при немцах не

было никакой торговли. Тот же Беляев рассказывает, что за трехлетнее хозяйничанье немцев он получил 50 г табаку, 5 коробков спичек, полкилограмма соли и полкилограмма сахара. В обмен на хлеб и лен немцы вылавали талоны, по которым можно было получить 2—3 метра дешевой мауфактуры.

В то же время немецкие власти облагали крестьян непосильными налогами. В год с каждых пяти гектаров немцы брали налог: 30 пудов мяса, 20 пудов соломы, 35—50 кг сена, 27 кг масла, 50 яиц с курицы. Кроме этого, немецкие власти производили всякие поборы, например, за проезд без пропуска взимали штраф 500 руб. Немецкие солдаты грабили местное население, бесчинствовали.

Немецкое командование проводило насильственную мобилизацию русских советских граждан в армию. Однако жители всеми силами уклонялись от этой мобилизации. 16 крестьян деревни Петсери-Олухово подделали документы с таким расчетом, чтобы возраст не соответствовал призыву. Крестьянин Григорий Калю за отказ от мобилизации сидел 2 месяца в тюрьме. Калю рассказывает, что за уклонение от службы в немецкой армии было заключено в тюрьму более 500 жителей...

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Немцы проводили на оккупированной ими [территории] Эстонской ССР политику обмана и эксплуатации местного населения, последовательно превращали страну в свою колонию, а эстонцев и русских, проживающих на территории Эстонии, — в своих рабов.

2. Немецкое командование до конца своего пребывания на ныне освобожденной от

врага территории продолжало заигрывать с населением, всячески пытаясь доказать свои «дружественные» отношения с эстонским народом, агитировали местное население за оказание сопротивления Красной Армии, уверяли его в том, что Красная Армия долго не продержится в Эстонии.

3. В результате многолетней антисоветской агитации, провокационных действий, разжигания националистических настроений в ряде случаев в освобожденных селах наблюдается враждебное отношение жителей эстонской национальности к Советской власти и Красной Армии. Провокационная политика немецких властей создала озлобление русского населения по отношению к эстонцам.

4. Большинство населения готово поддерживать и проводить мероприятия Советской власти, помогать Красной Армии. Однако многие из оставшихся эстонских жителей настроены против Красной Армии. В ряде случаев эстонцы открыто не высказывают своего отношения к Красной Армии, отмалчиваются, проявляют осторожность.

5. В результате трехлетней немецкой пропаганды многие из местных жителей настроены против колхозов, выражают неуверенность в том, что Красная Армия окончательно очистит территорию Эстонии от немцев (многие крестьянские семьи, несмотря на то что их деревни освобождены от противника, продолжают жить в лесах), в беседах с нашими бойцами и офицерами, а также представителями местных органов некоторые крестьяне ведут себя сдержанно, уклоняются от рассказов о том, как вели себя при немцах старшины, чиновники, полицейские.

Начальник политотдела 67-й армии
генерал-майор **ВОРОНИН**

ЦАМО, ф. 242, оп. 2235, д. 49, лл. 1—8. Подлинник.

А К Т ОБ ОГРАБЛЕНИИ ФАШИСТАМИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ ГОРОДА ПЕТСЕРИ (ПЕЧЕРЫ) ЭСТОНСКОЙ ССР

13 августа 1944 г.

Комиссия в составе представителей воинской части майора Плешкова Л. Ф., капитана Марцинкевича А. А., старшего лейтенанта Богатырева Р. А., представителя общестественности города председателя уездного комитета КП(б)Э Овсянникова, представителя духовенства игумена Псково-Печерского монастыря Горшкова Павла и граждан города Петсери Кругловой А. И., Костыгова А. Д. составили настоящий акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и об ограблении ими города Петсери (Печеры).

Расследованием, произведенным комиссией, установлено, что немецко-фашистские захватчики при своем отступлении из города Петсери организовали насильственную эвакуацию поголовно всех граждан, невзирая на возраст и состояние здоровья, под угрозой смертной казни гитлеровцы в спешном порядке в течение двух недель до прихода Красной Армии насильно эвакуировали поголовно все население города. В целях уст-

рашения населения, не желающего эвакуироваться, гитлеровцы производили массовые аресты, а затем арестованных насильно погрузили на машины и увезли из города. Всем оставшимся гражданам было предложено в 24-часовой срок покинуть квартиры, но транспорта не предоставили. Тем самым вещи были все оставлены. К моменту вступления Красной Армии в Петсери в городе совершенно не было населения.

Вслед за эвакуацией населения немцы приступили к организованному повальному грабежу в городе. Этот грабёж производили войсковые части, рядовые и даже офицерский состав. Грабежу подверглись городские склады, магазины, общественные здания, государственные предприятия и частные квартиры. Немцы ограбили Псково-Печерский монастырь. Гитлеровцы грузили награбленное добро на автомашины и на железнодорожный транспорт. Грабёж производился и днем, и ночью.

Гитлеровцы увезли все оборудование городской водонапорной башни, а также оборудование городского театра.

С момента начала эвакуации немцы прекратили всякую выдачу хлеба для городского населения. Весь запас хлеба и продовольствия был ими увезен. Торговые ряды были разрушены.

В городе была крупная аптека. Немцы ограбили ее и разрушили.

Накануне своего отступления немецкие захватчики вывели из строя городскую электростанцию.

Самое наглое ограбление произвели немцы в Псково-Печерском монастыре. В ризнице этого монастыря находились ценные уникальные предметы старины. Немцы еще в марте месяце ограбили ризницу, причинив ущерб монастырю более чем на пять миллионов рублей золотом. Ограбление монастыря произведено по приказу рейхскомиссара Розенберга.

Все частные квартиры города носят следы разнузданного грабежа. Многие из них

КАМО, ф. 242, оп. 2235, д. 106, лл. 38—38 (об).

разрушены. Увезены вся ценная мебель, посуда, одежда и запасы продовольствия. Все, что немцы не смогли вывезти, ими уничтожалось.

Все эти факты беспримерного вандализма показывают, что немецко-фашистские захватчики задались целью опустошить все на пути своего отступления. Они не щадят ни культурных памятников, ни скромных приобретений частных лиц, ни общественных зданий и предприятий. Желая возместить свои военные неудачи, они не брезгуют массовым грабежом ни в чем исповинных мирных жителей.

Подписали:

Майор ПЛЕНКОВ
Капитан МАРЦИНКЕВИЧ
Старший лейтенант БОГАТЫРЕВ
ОВСЯННИКОВ
КРУГЛОВА
КОСТЫГОВ

Игумен Псково-Печерского монастыря
наместник Павел ГОРШКОВ

*Публикацию подготовили полковник В. Р. ЖУРАВЛЕВ,
подполковник Б. Е. ПЕСТОВ, Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА*

5 и 6 МАЯ 1990 года «Военно-исторический журнал» был приглашен участвовать в фестивале «Правды». Он проходил в Москве на ВДНХ СССР. В те дни состоялись встречи и беседы редакторов журнала с читателями, Экспозицию журнала посетили Президент СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Т. Язов. Здесь же состоялась продолжительная беседа М. С. Горбачева и Д. Т. Язова с читателями «ВИЖа». Речь шла о героическом прошлом нашей Родины и ее армии, о сложном времени перестройки, в которое мы сейчас живем. Михаил Сергеевич Горбачев ответил на многочисленные вопросы наших читателей. Там же посетители добровольно внесли деньги на строительство реабилитационного центра раненым воинам-интернационалистам. Общая сумма — 1626 рублей 50 копеек.

В КАНУН Дня печати подведены итоги конкурса на лучшие материалы, опубликованные в военных журналах в 1989 году. Приказом министра обороны СССР присуждены поощрительные премии с объявлением благодарности:

1. Первая поощрительная премия в размере 200 рублей — Бушину В. С., автору статьи «Мы не рабы. Рабы немцы» (Военно-исторический журнал.— 1989.— № 11, 12).

2. Вторые поощрительные премии в размере 150 рублей каждая:
— полковнику Васильеву А. П., полковнику Рудюку В. К., авторам статьи «Достаточно ли противовоздушная оборона?» (Военная мысль.— 1989.— № 9);
— подполковнику Забродину В. М., автору статьи «Ходят слухи о намеченных погромах в Москве» (Коммунист Вооруженных Сил.— 1989.— № 22).

3. Третьи поощрительные премии в размере 100 рублей каждая:
— полковнику Крикунову В. П., автору статьи «Разгром группы армий «Южная Украина» (Военно-исторический журнал.— 1989.— № 10);
— капитану 2 ранга Христофорову И. Н., автору статьи «От каюты до кубрика» (Советский воин.— 1989.— № 3).

ПАЛАЧИ

На страницах литовской, латвийской и эстонской прессы время от времени появляются публикации, где за истину выдаются разного рода измышления, но умалчивается о действительных фактах и событиях. Имеются попытки начать кампанию реабилитации гитлеровских пособников, членов фашистских террористических групп, бандитов из эсэсовских полицейских отрядов. При этом стремятся воспользоваться тем, что нынешнее поколение, особенно молодежь, не знает или знает очень мало о количестве безвинно замученных и убитых людей не только в войну, но и после ее окончания, о послевоенных диверсиях, поджогах, взрывах. Люди должны знать, за кого и с кем боролись эсэсовцы, полиция и бандиты из различных отрядов, которым сейчас, как борцам со Сталиным, ставятся на прибалтийской земле памятники.

В ПЕРВЫЕ же месяцы гитлеровской оккупации Литвы буржуазные националисты оказывали нацистам активную военную помощь. Из числа офицеров и солдат бывшей буржуазной армии были созданы 20 охранных батальонов, насчитывавших 8000 человек. Батальоны использовались главным образом в карательных целях. Например, головорезы из батальонов, которыми командовали А. Импулявичюс, К. Шимкус и другие офицеры, только в Литве убили около 40 тыс. чело-

век. Батальон же под командованием Импулявичюса, участвуя в карательных акциях в Белоруссии, уничтожил около 50 тыс. советских людей.

Тогда же начали действовать концлагеря в Правенишкесе, Димитраве, Пабраде. Всего в годы гитлеровской оккупации в Литве было убито около 700 тыс. человек, в том числе 229 тыс. советских военнопленных, более 370 тыс. жителей Литвы и около 100 тыс. граждан, привезенных из других республик СССР и оккупированных государств Европы. За эти же годы в Германию было вывезено около 70 тыс. граждан Литвы, большая часть которых погибла.

Относительно мало людей знают об осуществлении гитлеровцами в Прибалтике так называемого генерального плана «Ост» — комплексной программы колонизации и германизации «восточного пространства», безжалостной эксплуатации его природных и экономических ресурсов, порабощения, онемечивания и частичного истребления населяющих этот регион народов. Этот план разрабатывался по личному указанию Гитлера и в первоначальном виде был утвержден 15 июля 1941 года. Главными авторами его были рейхсфюрер СС Гиммлер, подчиненные ему высокопоставленные руководители ряда управлений и служб СС и главного управления имперской безопасности (РСХА), а также ведущий идеолог расизма и колонизаторской политики на Востоке, руководитель «восточного министерства» Альфред Розенберг.

О целях плана «Ост» в прибалтийских государствах говорит меморандум советника «восточного министерства» Фридриха Хассельбаха, датированный 25 июня 1941 года. Наиболее подходящими для онемечивания автор считает эстонцев, в гораздо меньшей степени — литовцев, тогда как о латышах отзывается преимущественно в негативных, пренебрежительных тонах.

В одном секретном документе, датированном 21 июля 1941 года, А. Розенберг после напоминания о якобы имеющемся у немцев историческом праве на прибалтийские земли подчеркивает: «Что касается переселенческой политики, то необходимо иметь в виду сильную германизацию 50 процентов эстонцев, вследствие смешения с датской, немецкой и шведской кровью, что позволяет рассматривать их как родственный немцам народ. В Латвии для ассимиляции пригодна гораздо меньшая часть населения. Поэтому там можно ожидать более сильного противодействия, в связи с чем потребуются переселение в более крупных масштабах. Аналогичного развития следует ожидать и в Литве».

Неоднократно обсуждался в «восточном министерстве» вопрос о том, какую часть населения прибалтийских республик составляют «расово неполноценные элементы» и каким образом их следует переселять — добровольным или принудительным. На совещании 7 февраля 1942 года выступил штандартенфюрер СС профессор Б. Шульц из главного управления расовой и переселенческой политики. Он заявил, что по результатам проверки среди поляков «полисценными» и поэтому пригодными для онемечивания оказались лишь 3 проц. населения. По его мнению, доля «расово неполноценных» среди населения Прибалтики также невелика и, во всяком случае, составляет меньше половины.

Обращает на себя особое внимание документ «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера СС» от 27 апреля 1942 года с грифом «Совершенно секретно». Документ государственной важности». Его автор — доктор Э. Ветцель (ставший позже одним из ав-

торов плана массового уничтожения людей в «душегубках»). Из содержания этого документа нетрудно сделать вывод, что в случае осуществления немцами генерального плана «Ост» народы Прибалтики были бы не просто лишены национальной самобытности, культуры и языка в результате германизации, но также в значительной степени уничтожены, обескровлены и рассеяны по всему свету. Литовцы к тому же вообще лишились бы своей исторической родины. Сорвала эти планы и тем самым спасла национальное существование этих народов только победа Советского Союза над германским фашизмом.

Один из подсудимых на судебном процессе в Риге, немецкий генерал полиции Еккельн, назначенный Гиммлером высшим полицейским чиновником в Прибалтике, показал на суде: «Гиммлер в одной из бесед сказал мне, что территория Латвии, Литвы и Эстонии является объектом давнишних мечтаний немцев. Ныне наступило время поправить историческую ошибку. Часть местного населения нужно истребить, часть онемечить, а большинство вывезти на работы в Германию. В будущем следует поступить так, чтобы вместо эстонцев, латышей и литовцев были поселены немецкие колонисты». Еккельн также сказал на суде, что начертанную Гиммлером программу он начал проводить в жизнь с первых дней оккупации Прибалтики. Из сообщения Государственной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников видно, что в период немецко-фашистской оккупации только в Эстонской ССР было убито 58 167 человек, умерло от пыток и истязаний 3140 и было расстреляно военнопленных Советской Армии 64 тыс., всего истреблено 125 307 человек.

Во всех республиках оккупанты стали создавать местные отряды политической полиции, которые затем вошли в состав немецкой полиции безопасности и СД. При массовых расстрелах вся черновая работа возлагалась на литовских, эстонских и латышских полицейских. В одном секретном гитлеровском до-

кументе имеются указания на то, что казнь евреев латышскими отрядами самообороны снималась на кино пленку. Этот киноматериал якобы должен служить доказательством того, что расстрел совершался не немцами, а латышами. Кстати сказать, гитлеровцы создали в Литве, Латвии и Эстонии десятки карательных батальонов из местного населения с тем, чтобы расправляться с «неполноценными» в расовом отношении людьми чужими руками.

Из донесения (документ 180L) командира оперативной группы А бригадфюрера СС Штальекера о деятельности группы в прифронтовой области Северной России и оккупированных областях прибалтийских государств за период до 31 октября 1941 года явствует: группа с самого начала оккупации стремилась к привлечению надежного населения к борьбе против евреев и коммунистов, к «вовлечению надежных сил в работу по очистке», с тем чтобы сделать их постоянными вспомогательными органами полиции безопасности. «Еще в начале восточной кампании, — говорится в документе, — активные национальные силы Литвы объединились в так называемые партизанские соединения. В Каунасе образовались четыре крупные партизанские группы... каждая из которых старалась действовать в возможно более тесном контакте с вермахтом. В короткий срок из надежных элементов партизанских групп были сформированы вспомогательные части численностью в 300 человек, командование которыми было поручено журналисту Климайтису».

В первые же дни в Каунасе была образована литовская полиция безопасности и криминальная полиция, такие же подразделения — в Вильнюсе и Шяуляе.

Аналогичным образом развивались события в Латвии и Эстонии, и здесь были образованы соответственно латышские и эстонские органы вспомогательной полиции.

«Задачей полиции безопасности, — подчеркивает бригадфюрер СС Штальекер, — является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стрем-

лению нужного направления с тем, чтобы как можно быстрее достичь цели чистки. Не менее важным был и сбор фактов и доказательств того, что население прибегло к самым жестоким мерам против большевиков и евреев самостоятельно, без указания немецкой стороны».

Впервые это удалось сделать в Литве, в Каунасе. По указанию немецкой стороны еврейский погром осуществил командир уже упоминавшейся «партизанской» группы Климайтис. В ночь первого погрома, цитируем документ, «литовскими партизанами было уничтожено 1500 евреев, сожжено или разрушено большое количество синагог, сожжен еврейский квартал, в котором находилось 60 домов. В последующие ночи таким же образом было обезврежено 2300 евреев... Значительно сложнее было организовать чистки и погромы в Латвии. В основном это объяснялось тем, что национальное руководство было угнано Советами. Однако путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром, во время которого было разрушено несколько синагог и убито 400 евреев». Далее Штальекер сетовал: «С самого начала было ясно, что только путем погромов покончить с евреями не удастся, поэтому команды особого назначения проводили всеобъемлющие экзекуции в городах и селах. Им были приданы литовские партизанские группы... Общее число ликвидированных в Литве евреев составило 71 105 человек».

В каждом литовском городе оккупанты создавали формирования вспомогательной полиции и полиции безопасности, а также самостоятельные группы для проведения погромов. В секретном государственной важности документе, ежедневной сводке главного руководства полиции безопасности и СД в Берлине (об оперативной обстановке в СССР № 19 от 11 июля 1941 г.) указывается, что после отступления Советской Армии и в результате спонтанного погрома литовцами в городе Ковно было убито 2500 евреев. Большое количество евреев было расстреляно литовскими командами вспомогательной полиции. Всего

было убито 7800 евреев. В другой сводке — № 15 от 7 июля 1941 года сообщалось, что в Риге «кроме формирования вспомогательной полиции созданы две другие самостоятельные группы для проведения погромов».

В Литве, Латвии и Эстонии фашисты создавали из местного населения также отряды самообороны и команды особого назначения.

4 января 1942 года в Ревеле открылась эстонская школа полиции. К этому времени на территории расположения немецкой 18-й армии действовало 5 эстонских батальонов (численностью 3750 человек); в распоряжении командующего тылом группы армий «Север» действовало 4 батальона, главным образом вне Эстонии (численностью 2500 человек). В ночь на 25 января 1942 года, сообщалось в сводке № 161 шефа полиции и СД в Берлине, оперативная команда 1-а, широко используя силы эстонской полиции безопасности, отрядов самообороны, эстонской политической полиции, эстонской уголовной полиции и т. д., провела в Ревеле большую полицейскую акцию, во время которой были схвачены 128 человек.

В сводке шеф полиции безопасности и СД в Берлине отмечал еще в конце 1941 года, что в Эстонии еврей-мужчины старше 16 лет были казнены под надзором зондеркоманд членами эстонских отрядов самообороны. «В городе и окрестностях Ревеля казни продолжают, так как поимка евреев не закончена... Сельские общины уже сейчас полностью свободны от евреев».

В отчете шефа полиции безопасности и СД от 16 июля 1941 года сетуется на то, что «в противоположность литовцам латыши не занимают активной позиции и лишь нерешительно организуются, чтобы фронтом пойти на евреев». Далее в секретном документе указывается, что оперативная команда «вдохнула силу в латышей» и они стали изгонять еврейские семьи из города, а мужчин задерживать... Задержанных мужчин-евреев сразу расстреливают и погребают в заранее подготовленных рвах. Значительно ослабляет активность латышского населения то обстоятельство, что за

две недели до возникновения войны русские вывезли около 500 латышских семей, которых можно считать относящимися к интеллигенции, в глубь страны». Имеются основания считать, что если бы 500 семей, «относящихся к интеллигенции», не были бы вывезены в глубь страны, то карательные латышские отряды организовывались бы более решительно.

Прежде всего выясним, кто был депортирован во всех трех прибалтийских республиках в ночь на 14 июня 1941 года, перед самым началом Великой Отечественной войны.

В списки тех, кто подлежал депортации в Латвии, включили: бывших охранников, жандармов, руководителей полиции, тюремной охраны, которые ранее участвовали в карательной деятельности. Всего в Латвии, например, в эту ночь было арестовано 4550 человек и вывезено 9119. Кроме этого, органы внутренних дел выселили 281 проститутку и 543 рецидивиста-уголовника. Основную массу выселенных вывозили в Красноярский край.

Вот что сказал по этому поводу бывший полнтурк Красной Армии, а ныне один из лидеров Народного фронта Латвии Маврик Вульфюн в 1986 году в Калифорнии (США) в радиопередаче «Говорят советские гости»: «13 и 14 июня 1941 года из Латвийской ССР в административном порядке была депортирована часть активных деятелей ульманисовского режима. Речь шла о представителях городской и сельской буржуазии, бывших полицейских, сотрудниках и агентах политической охраны, активных айзсаргах и активистах других контрреволюционных организаций и членах их семей. Это были люди, которые в своем подавляющем большинстве симпатизировали нацистам, были врагами Советского Союза... Действия советских органов были обоснованы. Это был акт самозащиты».

На службу в гитлеровские полицейские органы перешло подавляющее большинство полицейских частей, реакционных офицеров и инструкторов, членов профашистских организаций. Документ, имеющий гриф «Секретно, государственной важности», проливает яркий свет на

участие 7 батальонов латышей в карательных операциях, осуществляемых фашистами под командованием генерала Еккельна на границе Латвии с Белоруссией. Операция проводилась с начала февраля до середины апреля 1943 года с целью создания «нейтральной зоны» шириной 40 км, лишаящей партизан их опорных пунктов. Операция (строго придерживаемся содержания документа) разворачивалась следующим образом: войдя в деревню, солдаты немедленно расстреливали всех мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. За войсковыми латышскими батальонами шли латышские подразделения СД, которые расстреливали всех тех, кто остался. Стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш, расстреливали. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, кому в пути отказывали силы, расстреливали. Женщин отделяли от детей и направляли на работу в Германию. Деревни подвергались разграблению и сожжению.

«Латыши — члены охранных отрядов — возвратились домой с богатой добычей и теперь похваляются своими делами». Далее в документе приводятся несколько эпизодов, ярко характеризующих операцию.

После освобождения Латвийской ССР Чрезвычайная республиканская комиссия установила, что в период оккупации гитлеровские захватчики и их пособники в Латвии убили 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей), 330 032 советских военнопленных и угнали из Латвии на работы в Германию 279 615 человек.

В последние годы оккупации Прибалтики группы № 111, 211 и 212 сто четвертой команды абвера планомерно и постоянно вербовали и обучали пригодную к использованию агентуру из числа литовцев, латышей и эстонцев. Из секретной оперативной сводки 212-й группы фронтовой разведки видно, как в конце 1944 года армейская разведка предпринимала различные шаги к организации «движения сопротивления» наступлению советских войск.

В октябре этого года число агенты возросло до 220 человек. «Сформированные, обученные и вооруженные группы... должны препятствовать, — говорится в документе, — продвижению вражеской армии, блокировать пути подвоза и производить беспокоящие действия в ее тылу». С этой целью только в сентябре 1944 года было заброшено 8 групп латышей численностью от 3 агентов (группа «Вега») до 120 агентов (группа «Незабудка»).

Едва ли соответствует здравому смыслу утверждение, что бойцы Советской Армии, освободившей Прибалтику от кровавого фашизма, являются «оккупантами», а бандиты из террористическо-диверсионной группы «Эрна» — «участниками движения сопротивления». Открытие в апреле 1989 года в Каутла памятника мародерам из «Эрны» не что иное, как пропаганда и восхваление идей и символов фашизма, что сегодня преследуется законом в большинстве стран мира и противоречит Уставу ООН.

К сожалению, это не единственные примеры надругательства над здравым смыслом и демократией в общественно-политической жизни в Прибалтике. Разве это демократия, когда говорят: «В Верховный Совет — только тех, кто принял решение голосовать за независимость республики, а не других». Вырисовывается модель новой диктатуры, которая уже контролирует средства массовой информации, включая телевидение. Эти новые «деятели» обещают, что, взяв власть, сделают Литву (Латвию, Эстонию) такой, «какой она должна быть».

Некоторые руководители народных фронтов забывают, что лозунг «Германия для немцев!» — лозунг фашистов и неофашистов. Чем, собственно, отличается лозунг «Литва (Латвия, Эстония) только для коренного населения!»? Ведь такая политика вкупе с монополией на прессу, телевидение, с республиканскими законами о языке находится в вопиющем противоречии со «Всеобщей декларацией прав человека», утвержденной всеми государствами Организации Объединенных Наций.

Ниже приведены некоторые документы из тайных архивов рейха.

ПО ВОПРОСУ: Генеральный план «Ост» — правовые, экономические и территориальные основы преобразования восточного пространства.

Дорогой Грайфельт!

Я ознакомился с генеральным планом «Ост», который мне в целом нравится. В подходящий момент я хотел бы представить этот план фюреру. Для этого необходимо, однако, чтобы мы подготовили сводный план колонизации, который обобщал бы ранее составленные планы для Данцига-Западного, Пруссии, Вартского округа и Верхней Силезии, Юго-Восточной Пруссии, а в общих чертах для Богемии и Моравии, равно как для Эльзас-Лотарингии, Верхней Краины и Южнй Штирии. Все это нужно объединить в общем плане, в частности, также в целях изготовления карт и производства общих расчетов.

Мне кажется, что в одном пункте меня исправилно понял. Этот двадцатилетний план должен включать в себя тотальное онемечивание Эстонии и Латвии, а также всего генерал-губернаторства. Мы должны осуществить это по возможности за 20 лет. Я лично убежден, что сделать это можно.

Теперешнее предложение покрыть территорию генерал-губернаторства и всего Остланда только опорными пунктами не соответствует моим мыслям и желаниям. Сложнее обстоит дело с Литвой. Здесь мы меньше сможем рассчитывать на онемечивание имеющегося населения. Правильнее разработать общий план колонизации и заселения этих территорий. И это должно быть сделано.

До того, как мне будет представлен сводный план в той же форме, что и генеральный план «Ост», я прошу переслать мне для ознакомления проект, из которого была бы ясно видна наша потребность в людях, рабочей силе, денежных средствах и т. д. и, кроме того, указывалось, сколько [и] чего нам понадобится в каждом из годов четырехлетнего плана. Лишь после этого мы сможем решить, от чего можно отказаться, если что-либо окажется неосуществимым.

Хайль Гитлер!
Ваш Генрих ГИММЛЕР

Документ 2

Главный отдел 1
1/1/1263/41

Секретно
Берлин, 7 февраля 1942 г.
Вход[ящий] номер 1/1231/42
11 марта 1942 г.

ПРОТОКОЛ
совещания 4.2.1942 г. у д[октора] Клейста по вопросам онемечивания,
в частности, по прибалтийским странам

На заседании вместе с другими присутствовала группа представителей заинтересованных учреждений.

Вел совещание д[окто]р Клейст. Кроме него, от министерства по делам оккупированных восточных территорий присутствовали: д[окто]р Кинкели, проф[ессор] фон Менде, руководитель рабочей группы Вейтнауер, оберрегирунгсрат Лабс, ассессор Шютте.

Ведомство рейхсфюрера СС было представлено следующими сотрудниками:

Главное управление имперской безопасности — оберштурмбанфюрер Гуммих, представлявший штайдартенфюрера Элиха (при этом интересно, что хотя Гуммих представлял наиболее заинтересованное и наиболее влиятельное учреждение службы рейхсфюрера СС — мне хотелось бы напомнить, что Генеральный план «Ост» был разработан именно там, — он вообще не произнес ни слова), а также партайгеоиссе Гиргензон.

Главное управление по вопросам расовой и переселенческой политики — штайдартенфюрер проф[ессор] Б. К. Шульц.

От рейхскомиссара по укреплению немецкой расы — начальник отдела Бубер. От института по изучению приграничной и зарубежной обстановки — д[окто]р Тейх.

Кроме того, в совещании участвовал проф[ессор] Ойген Фишер — от института антропологии им[ени] кайзера Вильгельма.

После вступительного слова д[окто]ра Клейста, обрисовавшего те проблемы, которые вытекают из предполагаемого онемечивания Остланда, а также выступлений по этому вопросу проф[ессора] Фишера и д[окто]ра Кинкелина слово взял Б. К. Шульц, подчеркнувший необходимость проводить различие между теми частями населения Остланда, которые с расовой точки зрения пригодны для онемечивания, и теми, кого нужно отвергнуть. Из его высказываний следовало, что он явно склоняется к мнению, что большая часть населения не годится для онемечивания. Он выступил за то, чтобы нежелательные в расовом отношении части населения были эвакуированы на Восток, тогда как расово приемлемые прошли бы онемечивание в коренной части рейха или же, возможно, в Остланде. Выступивший затем Шуберт в еще более резкой форме высказал эту же мысль, заявив, что нежелательные лица должны быть высланы в Западную Сибирь. В начале выступления он еще раз подчеркнул единоличную компетентность в этих делах рейхскомиссара по укреплению немецкой расы. Он исходил из того, что проверка поляков вы-

явила всего 3 проц. ценных в расовом отношении и поэтому пригодных для онемечивания людей. Как мне позднее заявил Б. К. Шульд, эти данные Шуберта были неправильными. Полученные до сих пор результаты обследования, которое охватывало только сельское население, дали 5 проц. В отношении городского населения, в котором доля расово полноценных должна быть значительно выше, до сих пор расового обследования вообще не проводилось. Шуберт не может не знать этих данных. У прибалтийских врагов, продолжал Шуберт, число расово полноценных также невелико. Заселение территории немцами не выглядит невозможным. В ответ на эти высказывания с нашей стороны были выдвинуты следующие возражения: если те или иные народы в результате отторжения расово нежелательных частей будут разделены путем принудительной высылки последних в восточные районы, и в частности в Сибирь, то следствием этого может стать лишь то, что также и расово полноценные части народа с учетом существующих связей с другими частями народа не захотят и думать о своем онемечивании. Если им к тому же придется переселиться на территорию коренного рейха, то положение может еще больше усугубиться в результате того, что для этих людей может не найтись подходящих мест работы и их социальное положение ухудшится, из-за чего их готовность подвергнуться онемечиванию может сойти на нет. Нужно взвесить, нельзя ли в результате индустриализации прибалтийского пространства растворить расово нежелательные части населения. Если им дать достаточно высокую оплату труда, поднять их культурный уровень, то в этом случае можно будет, вероятно, ожидать снижения у них рождаемости.

На это проф[ессор] Фишер возразил, что идея расчленения представляется ему сомнительной, поскольку более высокий жизненный уровень может легко привести к повышению рождаемости (это высказывание Фишера представляется правильным только в том случае, если речь идет о явно асоциальных элементах расово неполноценных частей населения Остланда). Возражения против идеи растворения были выдвинуты и со стороны представителей СС. Шуберт утверждал, что фюрер уже отдал приказ об их эвакуации. Партайгеноссе Гиргензон от главного управления имперской безопасности после этого долго пространно говорил о том, что хотя принудительная эвакуация из Прибалтики расово неполноценных частей населения представляется крайне сомнительной и должна быть отвергнута, однако уже при царском режиме у эстонцев, латышей и др[угих] народов наметилась тенденция к добровольному переселению в глубинные русские районы, если им там будут предоставляться надежные рабочие места. Он убежден в том, что и сегодня можно многого добиться путем такого рода добровольного переселения. Практика теперь показала, что с помощью русских кадров невозможно создать территориальную администрацию. Поэтому с учетом недостаточности в любом отношении немецких сил придется действовать с привлечением представителей других

народов. Ему поэтому представляется весьма целесообразным вселить туда расово нежелательных представителей прибалтийских народов в качестве среднего сословия. Этим людям нужно будет установить хорошую для их положения зарплату. Русификации вряд ли можно ожидать. Б. К. Шульд заявил на это, что у него тоже появились большие сомнения относительно принудительной эвакуации людей из этих стран в Сибирь. Нужно попытаться побудить их к добровольному переселению. К этой точке зрения присоединился и Шуберт. Он заявил, что немцы должны играть роль спартацев, средняя прослойка из латышей, эстонцев и др[угих] — роль перлюков, а русские занимать положение илотов. Мнение Гиргензона о том, что расово неполноценные части народов следует перемещать в глубины русского пространства до возможности добровольно, явно встретило одобрение участников совещания. При этом был поднят также вопрос о чехах и поляках. Было высказано мнение, что чехов, если они окажутся нежелательными, можно было бы, вероятно, включить в состав средней прослойки, с условием, что дело не будет касаться подозрительных в политическом отношении лиц. Для поляков же, как отмечалось, можно рассматривать лишь возможность переселения в Западную Сибирь. К концу совещания для всех стало как бы то ни было ясным, что поселение немцев может происходить лишь таким способом, что сначала должны быть заселены близлежащие территории Вартского округа и т. п. и что в том, что касается Остланда, необходимо сперва провести точную проверку расового состава населения, которая должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована как гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызывать беспокойства среди населения. Участникам совещания было также ясно, что все вопросы переселения на территории Остланда представляют собой задачи, к решению которых нельзя приступать немедленно.

Д[окто]р ВЕТЦЕЛЬ

Документ 3

Документ 180-L

Донесение командира оперативной группы А бригадефюрера СС Штальекера о деятельности группы в прифронтовой области Северной России и оккупированных областях прибалтийских государств за период до 31 октября 1941 года: [агитация за] сотрудничество с вермахтом; подстрекательство местного населения к еврейским погромам; массовое уничтожение евреев и коммунистов (с указанием цифровых данных); планомерное истребление душевнобольных; мероприятия по устрашению партизан и др.

1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ:

1) Формирование вспомогательной полиции и защитных команд.

Ввиду увеличения вверенной нам территории, а также большого количества задач, решаемых полицией безопасности, мы

с самого начала стремился к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей в собственной стране, в первую очередь против евреев и коммунистов. Кроме управления спонтанными акциями по самоочищению, мы заботились также о вовлечении надежных сил в работу по очистке, с тем чтобы сделать их постоянными вспомогательными органами полиции безопасности.

Еще в начале восточной кампании активные национальные силы Литвы объединились в так называемые партизанские соединения, чтобы активно участвовать в борьбе против большевизма. По их собственным данным, они потеряли 4000 человек.

В Каунасе образовались четыре крупные партизанские группы, с которыми сразу же была установлена связь. Общее руководство группами не осуществлялось, но каждая из них старалась действовать в возможно более тесном контакте с вермахтом. Поскольку участие партизан в военных действиях было невозможно по политическим мотивам, в короткий срок из надежных элементов недисциплинированных партизанских групп были сформированы вспомогательные части численностью в 300 человек, командование которыми было поручено литовскому журналисту Климайтису.

Кроме того, в первые же дни были образованы литовская полиция безопасности и криминальная полиция. Начальником полиции был назначен Дснаускас, имеющий высокий полицейский чин, а в полицию были набраны вначале 40 бывших литовских полицейских, большинство из которых было выпущено из тюрьмы.

Сходным образом была образована литовская полиция в Вильнюсе и Шяуляе.

В районах, где проживают преимущественно поляки, была организована польская вспомогательная полиция, однако из-за непреодолимой вражды между поляками и литовцами литовские служащие могут производить аресты только под немецкой охраной. Польская вспомогательная полиция будет вскоре распушена.

Аналогичным образом развивались события в Латвии и Эстонии, и здесь были образованы соответственно латышские и эстонские органы вспомогательной полиции.

II. ЧИСТКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ.

Задачей полиции безопасности является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению

нужного направления, с тем чтобы как можно быстрее достичь цели чистки. Не менее важным был сбор фактов и доказательств того, что население прибегло к самым жестоким мерам против большевиков и евреев самостоятельно, без указания немецкой стороны.

Впервые это удалось сделать в Литве, в Каунасе, с помощью партизан. По указанию немецкой стороны еврейский погром осуществил командир уже упоминавшейся партизанской группы Климайтис, однако для внешнего мира не существует ни одного указания со стороны немцев. В ночь первого погрома литовскими партизанами были уничтожены 1500 евреев, сожжено или разрушено большое количество синагог; сожжены еврейский квартал, в котором находилось 60 домов. В последующие ночи таким же образом были обезврежены 2300 евреев. В других районах Литвы были проведены подобные акции, но в меньшем объеме, которые распространялись и на оставшихся коммунистов.

Значительно сложнее было организовать чистки и погромы в Латвии. В основном это объяснялось тем, что национальное руководство было угнано Советами. Однако путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром, во время которого было разрушено несколько синагог и убито 400 евреев.

Ввиду того, что в Эстонии проживает относительно небольшое число евреев, организация погромов там оказалась невозможной. Эстонские силы самообороны убили лишь особо ненавистных коммунистов, в основном же они ограничивались арестами.

III. БОРЬБА С ЕВРЕЯМИ.

С самого начала было ясно, что только путем погромов покончить с евреями не удастся, поэтому команды особого назначения проводили всеобъемлющие экзекуции в городах и селах. Им были приданы литовские партизанские группы и латышская вспомогательная полиция.

Особо жестокие меры были применены к евреям в Литве. В некоторых районах евреи вооружились, кроме того, они активно сотрудничали с Советами. Общее число ликвидированных в Литве евреев составило 71 105 человек.

В Латвии до настоящего времени убиты 30 000 евреев, 500 из них были обезврежены во время погрома в Риге.

Приложение

Количество проведенных экзекуций

	Евреи	Коммунисты	Всего:
ЛИТВА:			
район Каунаса (город и сельская местность)	31 911	80	31 991
район Шяуляя	41 382	763	42 145
район Вильнюса	7 015	17	7 032
[Всего:]	80 311	860	81 171

ЛАТВИЯ:			
район Ряги (город и сельская местность)			6 378
район Митау (Елгава)			3 576
район Либау (Лиепая)			11 860
район Вольмара (Wolmar)			209
район Дюнабург (Даугавпилс)	9 256	589	9 845
[Всего:]	30 025	1 843	31 868
ЭСТОНИЯ:			
	474	684	1 158
БЕЛОРУССИЯ:			
	7 620		7 620
ВСЕГО:			
Литва	80 311	860	81 171
Латвия	30 025	1 843	31 868
Эстония	474	684	1 158
Белоруссия	7 620	—	7 620
[Всего:]	118 430	3 387	121 817

КРОМЕ ТОГО:

Количество евреев, уничтоженных в Литве и Латвии во время погромов	5 500
Количество евреев, коммунистов и партизан, ликвидированных на бывшей советской территории	2 000
Душевнобольные	748
Коммунисты и евреи, ликвидированные полицией и СД во время патрулирования границы	122 445 5 505
ВСЕГО: *	135 567

* Документ публикуется без изменений.

Документ 4

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД

Берлин, 11.7.1941 г.

Сводка о положении в СССР № 19

Рига

1) В Ковно было уничтожено в общей сложности 7800 евреев. Они были уничтожены частично во время погромов, частично во время расстрелов литовскими командами...

Страдающие от голода красноармейцы, которые скрывались в лесах, появляются в селениях с белыми флагами и сдаются. Литовское население настроено в настоящее время очень дружелюбно по отношению к немцам и оказывает разнообразную помощь немецким солдатам, органам полиции и другим организациям действующим в этой области (Ковно).

Содяйствие населения выражается в первую очередь в обнаружении и передаче немецким властям литовских коммунистов, красноармейцев и евреев.

После отступления Красной Армии в результате спонтанного погрома населением Ковно было убито 2500 евреев. Большое количество евреев было расстреляно также вспомогательной службой полиции (партизанами).

Документ 5

Секретно!

Государственной важности

Шеф полиции безопасности и СД

Берлин, 7 июля 1941 г.

Тираж 30 экз.

Экземпляр № 18

Сводка событий в СССР № 15

...II. Сообщения оперативных групп и команд

Оперативная группа А

Руководитель группы пошел в Ригу с оперативными командами 1-а и 2. Организована охрана города с помощью вспомогательной полиции (400 человек); войскам, таким образом, обеспечена безопасность от

огня снайперов из засады, среди членов формирований вспомогательной полиции пока 4 убитых. Руководителем формирований полиции безопасности назначен подполковник Найс; приняты предупредительные меры с тем, чтобы эти формирования превратились в латышскую милицию.

Кроме формирования вспомогательной полиции, созданы две другие самостоятельные группы для проведения догromов. Разрушены все синагоги расстреляно пока 400 евреев.

Документ 6

Секретно!

Государственной важности

Шеф полиции безопасности и СД
Берлин, 12 января 1942 г.
Тираж 65 экз.
Экземпляр № 51

Сводка событий в СССР № 154

4 января с. г. в Ревеле по случаю открытия эстонской школы полиции безопасности состоялось маленькое торжество. Вступительное слово произнес директор внутренней службы д[октор] (неразборчиво.— Пер.). Штурмбанфюрер СС д[октор] Зандбергер, говоря от имени генерального комиссара, а также СС и полицайфюрера Эстонии, произнес заключительную речь. Первая группа слушателей пройдет обучение в период [с] 4.1. по 11.1.1942 г. Слушателями являются руководители политических отделов всех префектур Эстонии. Цель обучения состоит в профессиональной и политической ориентации, а также в том, чтобы создать возможность личного взаимного знакомства.

После создания эстонского директориума численность подразделений, находящихся на службе германского вермахта, следующая:

- а) 3750 человек (5 батальонов) на территории 18-й армии;
- б) 2500 человек (4 батальона) в распоряжении командующего тылом армейской территории «Север» (для использования большей частью вне Эстонии);
- в) 800—1000 человек добровольцев в различных немецких частях (артиллеристы, санитары, конюхи и т. д.);
- г) эстонский полицейский батальон (Франкфурт-на-Одере) численностью 280 человек (используется на Украине).

Цифра общей численности — 7000 человек — представляет интерес лишь в том смысле, что вся эстонская армия в мирное время насчитывала лишь 11—12 тыс. человек.

Среди радиостанций, чьи передачи чаще всего слушает население Эстонии, наряду с финскими русские, английские и швейцарские.

Проведенное по распоряжению имперского комиссара по делам Остланда на территории Латвии и Эстонии упорядочение зарплат чиновников и служащих с разбивкой на различные категории снова и снова вызывает недовольство среди рабочих. Рабо-

чие считают, что их труд ценится недостаточно высоко. Вследствие этого наблюдается все более широко распространяющееся нежелание трудиться.

Документ 7

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД
Берлин, 28 января 1942 г.
Тираж 65 экз.
Экземпляр № 51

Сводка о событиях в СССР № 161

В ночь на 25.1.1942 г. оперативная команда 1-а, широко используя силы полиции безопасности, оградов самообороны, эстонской политической полиции, эстонской уголовной полиции и т. д., провела в Ревеле большую полицейскую акцию, во время которой были схвачены 128 человек. 47 из них остались под арестом. 26 из числа арестованных значились в розыскных книгах эстонской полиции. Среди прочего были обнаружены 6 винтовок русского производства, 3 револьвера, 1000 патронов, 1 пишущая машинка, большое количество продовольствия, тканей и изделий конфекции.

Документ 8

Секретно!

Государственной важности

Сообщение для служебного пользования

В нигересах защиты границы бывшей Латвии от нападения партизан с сопредельной белорусской территории генерал Еккельн, верховный командующий силами полиции и СС в Остландии, в период с начала февраля по середину апреля 1943 г. предпринял военную операцию с целью создания нейтральной зоны шириной 40 км. Эта полоса земли без жителей и населенных пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов. Партизаны перед вторжением в Латвию должны были бы, таким образом, дополнительно преодолеть это 40-километровое расстояние. Операцией руководил лично генерал Еккельн. Войсковые части были разделены на две группы:

Группа генерала Шрёдера — 3 латышских батальона, одна украинская рота, одна литовская рота.

Группа полковника Кнехта — 4 латышских батальона.

Кроме того, [им] были приданы специальные подразделения. Общая численность составляла примерно 4000 человек, при них [было] 700 колесных машин.

Оперативное пространство лежало между Дриссой на юге, Зилупе и Смольнаталь на севере. Около года назад немецкие командиры из-за опасности партизанских нападений оставили эту территорию. Полоса шириной 5 км вдоль железной дороги оставались под контролем вермахта. Отсту-

лая, комендатуры предоставили жителям-мужчинам право выбора: либо уйти вместе с немецкими войсками, либо остаться. Многие ушли и чаще всего несли затем охранную службу.

Операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню (вначале никакого сопротивления не оказывалось), солдаты немедленно расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам. Таковыми считаются практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Обосновывалось это тем, что они в свое время не ушли из этих мест, когда уходили комендатуры. Вслед за регулярными войсками появлялись части СД, которые действовали примерно так: всех подозрительных среди тех, кто остался, расстреливали. Стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш, расстреливали. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилс под Ригой, где женщин отделяли от их детей и направляли на работу в Германию. Дети в возрасте от грудного до 16 лет распределялись среди латышского населения.

Деревни в большинстве случаев еще до прибытия хозяйственных команд с целью сбора оставшихся ценностей подвергались разграблению и сожжению. При этом пропало большое количество льна, шерсти, зерна, строительного лесоматериала и т. д. В ходе продолжающейся операции сопротивление все возрастало. В отдельных случаях разыгрывались настоящие сражения, во время которых пускали в ход и артиллерию. Причем партизанам почти всегда удавалось после окончания сражения скрыться, захватив с собой не только раненых, но и убитых. На завершающей стадии операции все чаще бывало, что жители заранее покидали свои деревни и русские их поджгали. Всего было уничтожено несколько сот[ен] деревень, среди них и такие, где насчитывались тысячи жителей.

И лишь вышеназванная 5-километровая полоса вдоль железной дороги оставалась нетронутой. Были случаи, когда одна из двух соседних деревень становилась жертвой операции, а другая по указанной выше причине полностью сохранялась. Часть жителей обеих деревень находилась в родстве или совсем недавно переселилась из одной в другую.

Постепенно сопротивление партизан, чья численность непрерывно возрастала, становилось все сильнее. В конце операции было установлено, что на стороне партизан действуют организованные военные соединения. Среди них — бригада им[ени] Калининна с подразделениями «Молодой коммунист», «Котович» и «Латышское». При отходе войск партизаны часто преследовали их. Случилось даже так, что генерал Еккельн, летя на «Шторхе», подвергся сильному обстрелу из деревни Моторнио

через 2 часа после того, как она была «очищена» и сожжена, и едва спасся на поврежденном самолете. Еще в то время, как в этой области находились войска, она кишела партизанами, к чьим отрядам примкнули все, кто уцелел. Все поля были хорошо обработаны. В лесах оборудованы хорошо замаскированные землянки. Давление банд на латышскую границу многократно усилилось. Таким образом, цель операции — оградить границы Латвии от банд — осталась невыполненной.

Пропагандистские последствия операции в негативном плане неизмеримы. Не следует забывать, что тысячи детей видели все происходившее и [они] об этом рассказывают, что около 700 водителей автомашин, свидетели операции, теперь возвратились в свои деревни, что солдаты украинской роты с ужасом наблюдали происходящее (мужчины плакали, как дети), что латышские члены охранных отрядов возвратились домой с богатой добычей и теперь похваляются своими «славными» делами. Особенно трагична судьба мужчин, которые в свое время ушли вместе с комендатурами. Они появились во время операции со справками комендатур о своей полной благонадежности с целью вывезти собственные семьи. Часто у них были даже грузовики, выделенные комендатурами. Этим мужчинам было отказано в просьбах. Их семьи и подворья, подобно всем остальным, подвергались уничтожению.

Ниже я приведу несколько эпизодов, хорошо характеризующих операцию.

В деревне Кахановичи к местному немецкому командованию обратилась жена деревенского попа — пожилая, образованная, владеющая немецким [языком] женщина — с просьбой пощадить ее и ее дом. Ее мужа, попа, говорила она, большевики угнали в Сибирь. Просьба ее удовлетворена не была.

В деревне Колесово пожилая чета представила документы, из которых следовало, что ее сын, настроенный антибольшевистски, выслан в Архангельскую область (Кирилл Индюков, Архангельская область, Алесенский район), почтовое отделение Новолоцк), где находится в лагере, и что их дочь добровольно поехала на работу в Германию (Любовь Индюкова, Эмминген/Баден, Баумгартенштрассе, 58). Супруги просили сохранить им жизнь и имущество. Ссылались они и на то, что в Колесово никогда не было бандитов. Их просьба была отклонена.

В деревне Мушино все жители, включая женщин и детей, были согнаны в большой сарай и расстреляны.

Когда одного 71-летнего крестьянина обвинили в том, что он бандит, и ему грозил верный расстрел, он заявил: «Тот, кто 20 лет верно служил своему царю, не может быть бандитом».

Крестьянин был расстрелян.

В настоящее время ведется подготовка к повторному проведению операции.

Публикацию подготовил Г. Г. АЛОВ

СЛОВСОЧЕТАНИЕ ленд-лиз (lend-lease) происходит от английских слов: lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду.

В предлагаемой читателям статье кандидата исторических наук П. С. Петрова изложены взгляды американских политических и военных деятелей, а также даны оценки западных исследователей, почерпнутые из различных источников США, по вопросам советско-американского сотрудничества в рамках ленд-лиза, во многом определявшего политику по отношению к советскому союзнику в период минувшей войны.

Согласно устоявшемуся мнению, осуществляя поставки воюющим против Германии сторонам, Соединенные Штаты Америки руководствовались в первую очередь собственными интересами — защитить себя руками других и максимально сохранить собственные силы. Вместе с тем монополистическая буржуазия США преследовала определенные экономические цели, имея в виду, что поставки по ленд-лизу будут способствовать значительному расширению производства и ее обогащению за счет правительственных заказов.

Стремясь избежать предвзятости в оценках этого важного этапа сотрудничества между двумя странами и познакомить читателя с мнением оппонента из США, редакция обратилась с просьбой прокомментировать работу П. С. Петрова к послу Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе господину Дж. Мэтлоку.

Господин посол не считал для себя возможным участвовать в обсуждении этой статьи, однако нашел иной путь, чтобы помочь редакции. Он предоставил через атташе по вопросам обороны при посольстве США в СССР бригадного генерала Грегори Г. Гована адрес профессора Колумбийского университета Джона Н. Хазарда, принимавшего непосредственное участие в осуществлении программы ленд-лиза. Кроме того, господин Мэтлок любезно согласился оказать содействие в пересылке рукописи в Соединенные Штаты Америки и передаче ее обратно в редакцию с комментариями к ней профессора Джона Н. Хазарда.

В этой связи мы выражаем сердечную благодарность послу США в СССР госпо-

дину Мэтлоку, атташе по вопросам обороны при посольстве США в СССР бригадному генералу Грегори Г. Говану за оказанные внимание и помощь.

Мы очень признательны также господину Джону Н. Хазарду за проделанную работу, изложение своей точки зрения на исследуемую проблему.

Редакция уверена, что только разноплановый подход к рассматриваемым вопросам позволит выявить и устранить многие неясности, «белые пятна» в истории нашей Родины, вскрыть истинный характер взаимоотношений СССР с другими странами и народами, в частности с США, во время второй мировой войны. Поэтому мы планируем и впредь привлекать представителей различных заинтересованных сторон к обсуждению на страницах нашего журнала принятых к печати новых публикаций.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПОМОЩИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

*П. С. ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук*

ЗАКОН о ленд-лизе (официально он назывался «Акт содействия обороне США») был принят американским конгрессом 8 марта 1941 года. Первоначально он распространялся на Великобританию и ряд других стран, против которых воевала Германия.

Согласно этому акту глава государства получал полномочия передавать, обменивать, сдавать:

аренду, отдавать займы или поставлять иным способом военную технику, оружие, боеприпасы, снаряжение, стратегическое сырье, продовольствие, предоставлять различные товары и услуги, а также информацию правительству любой страны, «оборону которой президент посчитает жизненно важной для обороны Соединенных Штатов»¹.

Государства, получавшие помощь по ленд-лизу, подписывали с правительством США соглашения. По ним поставленные машины, различная военная техника, оружие, другие предметы, уничтоженные, утраченные или потребленные во время войны, не подлежали оплате после ее окончания. Оставшиеся же после войны товары и материалы, которые можно было использовать для гражданского потребления, полагалось оплатить полностью или частично на основе предоставленных Америкой долгосрочных кредитов. А военные материалы Соединенные Штаты могли потребовать возратить обратно, хотя, как писал А. А. Громыко, бывший послом СССР в США в 1943—1946 гг., американское правительство неоднократно заявляло, что оно не будет пользоваться этим правом.

Важно отметить, что страны, заключавшие соглашения с США, в свою очередь принимали на себя обязательства «содействовать защите Соединенных Штатов» и оказывать им помощь материалами, которые имелись у них, предоставлять различные услуги и информацию². США, таким образом, получали встречный, или обратный, ленд-лиз: станки, зенитные пушки и амунисию, оборудование для военных заводов, а также различные услуги, военную информацию, стратегическое сырье, драгоценные металлы и пр.

Поставляя военную технику и материалы воюющим против Германии странам, США преследовали в первую очередь свои корыст-

ные интересы. Об этом свидетельствуют многие американские авторы, ибо правительство предоставляло ленд-лиз как альтернативу войне. К примеру, Р. Доусон писал, что в конгрессе США и стране в конце октября 1941 года сложилось твердое убеждение, несмотря на нейтралистские, изоляционистские и даже антисоветские настроения, что «доллары, даже переданные Советской России, являлись гораздо более благоприятным вкладом, чем посылка американской армии»³. С другой стороны, поставки товаров способствовали расширению производства и получению больших прибылей. Таким образом, расчетливость, положенная в основу ленд-лиза, являлась характерным признаком всех видов помощи и политики США в войне, что особенно отчетливо проявилось в отношениях с СССР.

Правительство США, заявившее после нападения на СССР 22 июня 1941 года фашистской Германии и ее сателлитов, что оно намерено оказать ему помощь, тем не менее, прежде чем сделать это, ряд месяцев уясняло для себя, какова «способность России к сопротивлению», а затем уже определило свою позицию.

США исходили из того, какую опасность Германия представляет прежде всего для них и будут ли Великобритания и США в состоянии продолжать управлять миром или же Германия и Япония займут их место. Они понимали, что победа Германии в войне против СССР обернется «катастрофой первейшего значения для Англии и Америки», потому что в случае установления контроля над всей Европой и Азией третий рейх «будет угрожать Соединенным Штатам с обоих берегов»⁴. Вместе с тем их волновал и такой вопрос: «Предположим, что мы окажем помощь России и она победит Гитлера, кто будет доминировать в Европе..?»⁵.

Только просчитав все за и про-

¹ Leckie R. The Wars of America. — New York, Evanston and London, 1968. — P. 719.

² Leighton R. M. and Coakley R. W. Global Logistics and Strategy. 1940—1943. — Washington, 1955. — P. 259.

³ Dawson R. H. The Decision to Aid Russia, 1941. — Chapel Hill, 1959. — P. 287.

⁴ The New York Times. — 1941. — June, 26. — P. 18.

⁵ Wall Street Journal. — 1941, June, 25. — P. 4.

тив, американское руководство приняло решение об оказании помощи СССР. Через неделю после начала боевых действий на восточном фронте при госдепартаменте США был создан специальный комитет из представителей различных служб, подготовивший небольшой список товаров, в том числе и военных, для экспорта в СССР. Советская сторона получила возможность закупать материалы за наличный расчет. Однако на пути этого начинания сразу встали волокита и бюрократические препоны, ибо различные ведомства, пересылая заявки СССР друг другу, долго спорили о том, как заполнить русское золото.

Вместе с тем США, признавая, что русские защищают и Америку, считали нужным заверить нашу страну в желании помочь, так как учитывали и необходимость иметь дружественную Россию в японском тылу. С этой целью руководящие деятели США начали наезжать в Москву. Первым приехал помощник президента Гарри Гопкинс, уяснивший обстановку в СССР и его возможность выстоять против Гитлера. На основе анализа полученной им информации президент убедился, «что помощь русским — это удачно потраченные деньги»⁶.

В переговорах Гопкинса со Сталиным в конце июля 1941 года было определено, что Красная Армия особенно нуждается в зенитных орудиях, крупнокалиберных пулеметах, винтовках, высокооктановом авиационном бензине и алюминии для производства самолетов. Эти запросы США оценили как незначительные, тем не менее удовлетворить не спешили. «После начала войны с Россией прошло почти шесть недель, но мы практически ничего не сделали, чтобы доставить им необходимые материалы», — записал Рузвельт в одном документе. Кроме того, он считал, что самолеты, предназначенные для продажи Советскому Союзу, не обязательно должны быть последних моделей, а поставки могли носить «символический характер».

Бывший министр внутренних дел США Г. Икес писал, что по заявке на 3000 бомбардировщиков отправлены были только пять⁷.

С июня по август 1941 года в СССР было поставлено лишь 128 т купленных за наличный расчет материалов. Шел третий месяц войны, а США поставляли нам только инструменты и промышленное оборудование, закупленные ранее. Положение не изменилось и спустя несколько месяцев. Как свидетельствует Г. Икес, американское руководство стремилось к тому, «чтобы русские передали нам все свое золото, которое пойдет на погашение за поставки товаров, пока (оно) не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе»⁸. В уплату за поставки СССР передавал Соединенным Штатам также стратегическое сырье — марганец, хром, асбест, платину и др.

Надо считать, что Англия раньше США начала реальные поставки военных материалов Советскому Союзу, ибо 6 сентября 1941 года У. Черчилль сообщил о первых ограниченных поставках СССР на условиях, аналогичных американскому ленд-лизу.

1 октября 1941 года в Москве был подписан представителем президента США А. Гарриманом первый протокол о поставках сроком на 9 месяцев — до 30 июня 1942 года. Стоимость импортируемых товаров составляла 1 млрд. долларов. Для оплаты предоставлялся беспроцентный кредит, который должен был начать погашаться через 5 лет после окончания войны — в течение 10 лет. 7 ноября 1941 года, то есть через четыре с половиной месяца после нападения Германии на СССР, Рузвельт подписал наконец документ на основании принятого конгрессом разрешения о распространении закона о ленд-лизе на Советский Союз.

Первые поставки из США датируются октябрём 1941 года. В этот год СССР получил различного вооружения и военных материалов

⁶ Kimball W. F. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence I. Alliance Emerging. October, 1933, to November 1942. — Princeton, New Jersey, 1984. — P. 226.

⁷ Ickes H. L. The Secret Diary. — Vol. 3. — New York, 1954. — P. 595.

⁸ Ibid. — P. 620.

на 545 тыс. долларов, что составляло менее одной десятой процента общей стоимости американских поставок в другие страны. Кроме того, СССР закупил товаров за наличный расчет на сумму 41 млн. долларов. До конца 1941 года США поставили СССР 204 самолета вместо 600, предусмотренных по протоколу, 182 танка вместо 750. По признанию Гарримана, США выполнили лишь четвертую часть взятых ими обязательств по первому протоколу. Все это делалось с целью не столько помочь СССР, сколько удержать Россию в состоянии войны, сохранить фронт на значительном удалении от американской территории при наименьших людских потерях и свести до минимума непосредственные военные материальные затраты. В период боевых действий под Москвой в конце 1941 года американское оружие только начало поступать. Фронт обеспечивался вооружением советского производства, выпуск которого после эвакуации предприятий страны с запада на восток с лета 1942 года стал неуклонно возрастать.

В феврале 1942 года Рузвельт авансировал второй миллиард долларов и пожелал пересмотреть условия предоставления кредита, а затем написал Сталину и о планируемом использовании американских вооруженных сил. Эти вопросы обсуждались в Вашингтоне во время визита Молотова в США в мае 1942 года. Был подготовлен второй протокол на один год, согласно которому первоначально намечалось поставить 8 млн. т материалов. Однако президент, ссылаясь на необходимость обеспечения обещанного, но не открытого в 1942 году второго фронта, сократил объем поставок до 2,5 млн. т. Подписанное «Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» предусматривало распространение на Советский Союз режима наибольшего благоприятствования и регулировало вопросы, связанные с поставками. США отказывались от формального требования оплаты кредитования и переводили ленд-

лиз для СССР на ту же основу ленд-лиза, что и для Англии.

Надо сказать и о качестве американской техники, ее пригодности для ведения боев. Сталин в переписке с Рузвельтом отмечал, что американские танки очень легко горят от противотанковых ружей, попадающих сзади и сбоку, потому что они работают на высококачественном бензине. Он писал также, что советская сторона готова временно полностью отказаться от поставок танков, артиллерии, боеприпасов, пистолетов и прочего, но крайне нуждается в увеличении поставок самолетов-истребителей современного типа, но не самолетов «Китихаук», которые не выдерживают борьбы с немецкими истребителями. Отдавалось предпочтение истребителям «Аэрокобра», однако выяснилось, что они часто срываются в штопор, а это не вызывало у самих американцев желания летать на них и рисковать жизнью. Маршал Г. К. Жуков тоже писал, что танки и самолеты из США не отличались высокими боевыми качествами.

В 1942 году в СССР было поставлено: 2505 самолетов, 3023 танка, 78 964 единицы автотранспорта. 12 проц. общего количества отправленной техники составили ее потери в пути к нашей стране (именно столько было потоплено ее в море, из-за чего прекращались поставки весной и летом). В том же 1942 году Советским Союзом было произведено 25 436 самолетов и 24 446 танков.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом в феврале 1943 года, вклад в который союзников был незначительным, наступил коренной перелом в войне и США немного увеличили поставки военной техники.

Весной 1943 года США и Англия решили приостановить отправку конвоев с грузами в советские северные порты Мурманск и Архангельск, мотивируя это подготовкой к операции против Италии, высадке на ее территории. В результате к концу действия второго протокола было недопоставлено 1,5 млн. т грузов. Только к концу ноября, после восьмимесячного перерыва,

прибыл северным маршрутом очередной конвой. Таким образом, и в битве под Курском летом 1943 года участвовала боевая техника почти целиком отечественного производства.

1 июля 1943 года вступил в силу третий протокол. К поставкам в Советский Союз подключилась Канада, более активное участие стала принимать в них Великобритания. К этому времени потребности СССР несколько изменились. Больше требовалось транспортных средств, средств связи, одежды, медицинского оборудования, взрывчатки и продовольствия, чем танков, орудий, боеприпасов.

Помощь Советскому Союзу, несмотря на задержку в середине 1943 года, увеличилась в целом за год до 63 проц. по сравнению с 1942 годом.

Что касается подвоза продуктов питания, а некоторые американские авторы, доказывая решающую роль США в снабжении Советской Армии, делают упор именно на это, то и здесь не все обстояло благополучно. По обещанию Рузвельта, в 1943 году поставки продовольствия должны были составить 10 проц. общего числа произведенных в США продуктов. В первые шесть месяцев года в поставках Советскому Союзу продовольствие составляло лишь одну треть. Отсюда следует, что СССР получил чуть более 3 проц. того продовольствия, что было произведено в США. Могло ли это сыграть важную роль для такой крупной страны, как СССР?

За 1941—1944 гг. наша страна получила из США, Канады и Великобритании по ленд-лизу 2 млн. 545 тыс. т продовольствия. При этом Советскому Союзу пришлось с 1944 года кормить ограбленные и разоренные фашистами как западные области СССР, так и страны Восточной Европы, освобожденные Советской Армией.

Однако в Советском Союзе ценили помощь союзников, тем более что с лета 1943 года американскую военную технику и различное оборудование все чаще можно было видеть на фронтах Советской Армии. Американские военные по-

ставки базировались на возросшем к тому времени производстве в США (на 35 проц. по сравнению со средними показателями 1935—1939 гг.). По третьему протоколу в 1944 году поставлялись известные и очень нужные СССР грузовики и другие автомотосредства, различные металлы, машины и оборудование, горюче-смазочные материалы, паровозы, рельсы, вагоны.

В начале 1944 года начались переговоры о содержании четвертого протокола поставок. Хотя Рузвельт считал СССР главным фактором, обеспечивающим разгром фашизма, в США все большее влияние приобретали силы, тормозившие поставки, выступавшие за пересмотр отношений с Советским Союзом, поскольку кризис в войне с Германией был преодолен. В конгрессе опасались, что некоторые поставленные материалы, техника, оборудование могут быть использованы нашей страной для восстановления хозяйства после войны.

2 мая 1945 года, т. е. после смерти Рузвельта (в апреле), группа лиц в администрации США, в которую входили, в частности, заместитель госсекретаря Дж. Грю и руководитель иностранной экономической администрации Л. Кроули, настаивавшая на ограничении и даже прекращении поставок Советскому Союзу, воспользовавшись тем, что президентом страны стал антисоветски настроенный Г. Трумэн, доложила ему это свое мнение. А 10 мая было принято решение о пересмотре политики в отношении СССР, выраженное в меморандуме. Согласно этому документу поставки по ленд-лизу разрешились лишь для военных операций против Японии. Закупки других материалов возможны были только за наличный расчет. Поставки Советскому Союзу после капитуляции Японии в августе 1945 года окончательно были прекращены.

«Такая политика перемен явилась одним из многих предвестников нового периода в советско-американских отношениях»⁹. Поэтому

⁹ Leighton R. M. and Coakley R. V. *Global Logistics and Strategy, 1943—1945*. — Washington, 1968. — P. 699.

очевидно, не случайно в США ряд исследований, связанных с прекращением ленд-лиза, включают понятие «холодная война».

Прервав поставки по ленд-лизу, США подписали с СССР в октябре 1945 года соглашение о продаже ему в кредит заказанных ранее товаров. Но в январе 1947 года американское правительство прекратило поставки и по этому соглашению.

Подводя итоги помощи, оказанной нашей стране Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой, необходимо отметить, что удельный вес их поставок составил по отношению к отечественному производству только около 4 проц. Всего за время войны в советские порты прибыло 42 конвоя, а из СССР было отправлено 36. По американским источникам, отличающимся показателями, за период с 1 октября 1941 по 31 мая 1945 года в СССР было направлено 2660 судов с общим объемом грузов 16,5—17,5 млн.т, из которых к месту назначения доставлено 15,2—16,6 млн.т (77 судов с 1,3 млн. т груза погибли в море). В стоимостном выражении поставки Советскому Союзу, транспортные издержки и услуги составили 10,8—11,0 млрд. долларов, то есть не более 24 проц. общего числа долларов, израсходованных США на помощь по ленд-лизу всем странам (более чем 46 млрд.). Эта сумма равна примерно 13 проц. всех военных затрат США, из которых на долю помощи восточному фронту приходилось всего 3,3 проц. За время войны СССР получено: 401,4 тыс. автомашин и 2 млн. 599 тыс. т нефтепродуктов, 9,6 тыс. орудий (то есть около 2 проц. объема производства этого вида оружия в нашей стране в количестве 489,9 тыс. артиллерийских орудий), 14—14,5 тыс. самолетов (с учетом потерь при перевозках — около 10 проц. общего числа, равного 136,8 тыс. самолетов, выпущенных советской промышленностью), танков и САУ — 12,2 тыс., или 12 проц. (по другим данным 7 тыс., или 6,8 проц.), против 102,5 тыс. танков и самоходных установок советского производства, 422 тыс. полевых телефонов, свыше 15

млн. пар обуви, около 69 млн. м² шерстяных тканей, 1860 паровозов (6,3 проц. общей численности паровозного парка СССР), 4,3 млн. т продовольствия, что составляло примерно 25 проц. общего тоннажа поставок.

«Наши поставки, — признает руководитель военной миссии генерал Дин, — может, и не выиграли войну, но они должны были поддерживать русских»¹⁰.

После окончания второй мировой войны между СССР и США начались переговоры об урегулировании расчетов по ленд-лизу, поскольку американское правительство продолжало стремиться к получению максимальной выгоды в виде платежей или возмещению товаров натурой. Первоначально администрация оценила свои претензии в 2,6 млрд. долларов, но в следующем году снизила сумму до 1,3 млрд. долларов. В этих претензиях проявилась дискриминация Советского Союза, ибо, например, Великобритания, получившая в два раза большую помощь, должна была выплатить лишь 472 млн. долларов, т. е. около 2 проц. стоимости военных поставок.

Наконец 18 октября 1947 года было достигнуто соглашение об урегулировании вопроса о ленд-лизе. Советский Союз должен был выплатить 722 млн. долларов при условии предоставления ему американской стороной режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, а также экспортных кредитов и гарантий. Однако в связи с неприемлемой для СССР позицией, которую после этого заняли США по достигнутым договоренностям, реализация соглашения остается незавершенной.

Надо сказать, что США сильно обогатились на войне. Их национальный доход к концу войны в полтора раза превысил довоенный. Общая мощность промышленного производства по сравнению с 1939 годом увеличилась на 40 проц. Потери же Советского Союза в той войне достигли 485 млрд. долларов (военные расходы США составили примерно 330 млрд. долларов).

¹⁰ Deane J. R. The Strange Alliance. — New York, 1947. — P. 95.

«...На защиту американских интересов»

Джон Н. ХАЗАРД*

СТАТЬЯ П. С. Петрова является серьезной работой, основанной на изучении большого количества разнообразных источников, касающихся программы помощи Советскому Союзу по ленд-лизу в период 1941—1945 гг. Поэтому, мне кажется, нет необходимости насыщать материал дополнительными статистическими данными, характеризующими количественную сторону поставок, а также обращаться к мемуарам, рассказывающим о том периоде. Моим вкладом, по-видимому, мог бы быть обзор некоторых деталей, обстоятельств, относящихся как к разработке этой программы, так и к ее реализации, ознакомление широкой аудиторией с размышлениями тех людей, которые претворяли ее в жизнь, управляли механизмом ее осуществления.

Полагаю, что теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу советского народа и Красной Армии в этой войне. Тем не менее у американцев, занимающихся вопросами ленд-лиза, сохранилось чувство большого удовлетворения от сознания того, что поставляемые грузы помогли заполнить брешь в снабжении советского народа и его Вооруженных Сил.

Многие из проблем, стоявших тогда перед СССР, нашли отражение в статье. Как нам представлялось, наибольшую потребность Советский Союз испытывал в транспортных средствах, средствах связи и продовольствии. Мы понимали, что до Сибири трудно добраться из европейской части Советского Союза и что грузы, направляемые из США через Тихий океан в Магадан, освободят советское руководство от необходимости осуществления перевозок из западной части в восточные районы страны. Данные по объемам и стоимости поставок из США вряд ли смогут отразить степень важности такого рода помощи в войне.

Автор правильно указывает, что в начале осуществления программы в 1941—1942 гг. поставки в значительной степени не соответствовали запросам, сроки их осуществления срывались. Возможно, здесь уместно будет привести высказывание начальника штаба Джорджа К. Маршалла, услышанное мною во время встречи с нашими советскими коллегами, не верившими

заверениям, что в тот момент у нас не было нужных им товаров и оборудования. Маршалл заявил, что американские военные оказались совершенно неготовыми к войне. Безусловно, советским представителям было трудно поверить, что передовая нация располагает столь незначительными запасами и не может поделиться даже с друзьями. Но следует констатировать, что это действительно имело место: запасов не хватало. Отсюда становится понятно, почему военные ведомства противились передаче этих скудных запасов даже после того, как сам президент Франклин Д. Рузвельт, будучи одновременно верховным главнокомандующим, приказал начать поставки.

Был и другой сдерживающий фактор, о котором также необходимо упомянуть. Историки знают, что в период с Русской революции (Великой Октябрьской социалистической революции. — *Ред.*) 1917 года по 1933 год между СССР и США не было официальных дипломатических отношений. Эта задержка в признании очевидного факта существования Советского правительства и осуществления им контроля над всей территорией государства была вызвана тем, что американская администрация и конгресс, а возможно, и большинство американцев опасались, что советские коммунисты могут посредством Коммунистической партии США разрушить американскую политическую систему.

Президент Рузвельт высказал эту мысль в 1933 году во время встречи с М. Литвиновым при обсуждении вопроса о налаживании дипломатических отношений между двумя странами. Он же был автором законопроекта, в котором требовалось «предупреждать попытки осуществления всеми лицами, состоящими на государственной службе во всех государственных учреждениях и организациях, а также органах, находящихся в их прямом или косвенном подчинении, включая организации, получающие от них финансовую помощь, любых актов, открытых или тайных, имеющих целью нанесение вреда спокойствию, процветанию, порядку и безопасности как всех США, так и любой их части, территориям или владениям, равно как и любых попыток подстрекательства или вооруженного вмешательства, ведения агитации, пропаганды, имеющих целью нарушение территориальной целостности США, их территорий или владений или осуществление изменений с помощью силы политической и социальной системы как во всех США, так и в их какой-либо части, территориях или владениях».

* Джон Н. Хазард в период 1941—1946 гг. — заместитель директора советского отделения управления по ленд-лизу (позднее включенного в состав управления по внешнеэкономическим связям), секретарь советского Протоколного комитета.

В дополнение к данному документу был принят еще один законопроект, касающийся деятельности Коминформа. (Очевидно, здесь и далее автор имеет в виду Коминтерн. — *Ред.*) Он гласил: «Не разрешать формирования или размещения на территории США любой организации или группы, а также их представителей, претендующих на роль правительства США, их владения и территории; не создавать, не субсидировать, не поддерживать или не разрешать на их территории деятельность военных организаций или групп, имеющих целью борьбу против США, их территорий или владений, а также пресекать попытки вовлечения в эти организации или группы новых членов».

Далее следовало: «Не разрешать формирования или размещения на территории США любой организации или группы, а также пресекать деятельность на их территории любой организации или группы или их представителей, имеющих целью свержение законного правительства или насильственное изменение политической и социальной системы в США или в любой их части, территориях или владениях».

Эти меры, принятые президентом по обеспечению безопасности, являлись гарантом ограждения США от того, что понималось под деятельностью Коминформа. Проведение в 1935 году съезда Коминформа, в работе которого принимали участие и представители Компартии США, вызвало сильное раздражение у президента Рузвельта. Он выразил [Советскому Союзу] свой протест через госсекретаря. В ответе [советской стороны] указывалось, что приведенные выше документы не имеют никакого отношения к деятельности Коминтерна, к тому же Советский Союз не отвечает за его действия. Безусловно, президент, госсекретарь и американский народ не могли равнодушно воспринять эту отповедь, имея в виду все то, что было известно об организации и деятельности Коминтерна.

К моменту, когда нацистские армии напали на СССР в июне 1941 года, американское руководство было пропитано духом недоверия к намерениям Сталина, усугубленного заключением с Гитлером пакта о ненападении, который, по мнению многих, если не большинства американцев, позволил Гитлеру вторгнуться в Польшу, не опасаясь противодействия со стороны Сталина. Безусловно, не только эти опасения и неуверенность в сталинской политике являлись факторами, сдерживающими начало осуществления поставок вопреки указанию Рузвельта. Дух недоверия к СССР периодически проявлялся в течение всей войны и сыграл немаловажную роль при принятии решения о прекращении поставок по ленд-лизу вскоре после окончания боевых действий.

Американский посол в Москве Гарриман и преемник Рузвельта Гарри Трумэн оценивали ход событий, происходивших после Ялтинской конференции, как следствие принятого Сталиным решения об экспансии в Восточную Европу. И безусловно, ни один из американских политических деятелей не

осмеллся бы сделать шаг, который мог быть расценен как угроза безопасности США, опирающейся в свою очередь на безопасность Западной Европы.

Автор статьи обвиняет президента и администрацию США в нежелании пойти на встречу послевоенным запросам советского руководства оказать влияние на правые силы и отдельные антисоветски настроенные личности. Безусловно, в плюралистическом обществе, подобном американскому, находились и такие деятели, которые пытались убедить американское руководство в возможности отбросить опасения относительно коммунистической угрозы Америке. Увы, они не были реалистами, гражданами, обладавшими здравым рассудком. Руководство США видело, что происходит в Восточной Европе, и считало свои опасения оправданными.

Другим сдерживающим моментом, помимо психологического, вызванного тревогой за свое будущее, было опасение, что отправляемые грузы могут не всегда дойти до СССР. Автор (П. С. Петров. — *Ред.*) приводит статистические данные потерь судов, перевозящих грузы по ленд-лизу в Мурманск. Этот фактор оказывал очень большое влияние на аппарат управления по ленд-лизу. Многие моряки торгового флота и их семьи знали о жертвах нападения нацистских подводных лодок. Временами людские и материальные потери были столь велики, что общественность не могла этого больше выносить, и поставки приостанавливались.

С целью преодоления этих трудностей было принято решение о строительстве железной дороги от побережья Персидского залива до Советского Азербайджана. Лишь те, кто знает о низком уровне экономического развития Ирана в тот период и горном ландшафте его территории, где прокладывалась железная дорога, смогут по достоинству оценить удивительный подвиг, совершенный инженерами под руководством генерала Коннолли. И все же из-за большой жары, приводившей в негодность товарные вагоны, особенно продовольственные, осуществление перевозок по этой линии было чрезвычайно затруднено.

Третий маршрут был открыт через Тихий океан — из Сизля в Магадан. Этот путь был тоже опасным не только из-за возможных атак японцев, но и жестоких штормов, бушевавших в северной части Тихого океана. Несколько судов с грузами было разбито гигантскими волнами и погибло вместе со своими командами.

Эти происшествия приводили в уныние персонал, занимающийся работой по ленд-лизу. И безусловно, нельзя, исходя из статистических данных, свидетельствующих о задержках поставок, по достоинству оценить старания моряков и инженеров, стремящихся доставить грузы в назначенное время.

В последующем в американских правительственных кругах началась полемика относительно целесообразности поставок оборудования для предприятий, выпускающих продукцию в помощь восстановлению СССР после войны. Безусловно, никто не мог сказать точно, когда кончится война. Со-

ветские представители в Вашингтоне подали заявки для предприятий, строительство которых, по мнению американских специалистов, во время войны было нежелательным. Были колебания и относительно предложения о закупке этих предприятий в рамках ленд-лиза. После проведения консультаций с членами конгресса экономисты пришли к заключению, что теперь наиболее важное значение начинает приобретать вопрос о ценах. Пока советские войска воевали против нацистов и японцев, можно было с большим основанием полагать, что конгресс выделит средства на расходы по ленд-лизу. Но можно ли было с уверенностью утверждать, что конгресс продолжит выделение ассигнований и после окончания войны?

Этот вопрос обсуждался в высших эшелонах власти, где в конце концов и было принято решение, о чем свидетельствует автор, об отклонении конгрессом предложения американского правительства о продолжении ленд-лиза. Правильным является утверждение о том, что Рузвельт со своим советником Гарри Гопкинсом нашли в 1941 году благовидный предлог для обоснования необходимости оказания помощи, утверждая, что войну невозможно выиграть без участия СССР. Это удалось, возможно, и потому, что они объясняли свои предложения в конгрессе в первые годы войны заботой об американских интересах. Их мысли всегда были направлены на защиту американских интересов. Но вряд ли можно было предполагать, что конгресс также будет усматривать наличие американских интересов и после окончания войны.

В статье приведены сравнительные данные американского сотрудничества с Англией. Для тех, кто знает Америку и ее историю, безусловно, понятно, что вопрос о взаимоотношениях США с Англией с колониальных времен занимает особое место. Безусловно, на такие чувства со стороны американцев русский народ вряд ли мог рассчитывать. Учитывая родственный характер взаимоотношений между двумя странами, легко понять, почему американский президент считал нормальным явлением обсуждение с англичанами любых проблем, и в частности вопроса об оказании гуманитарной помощи после окончания войны.

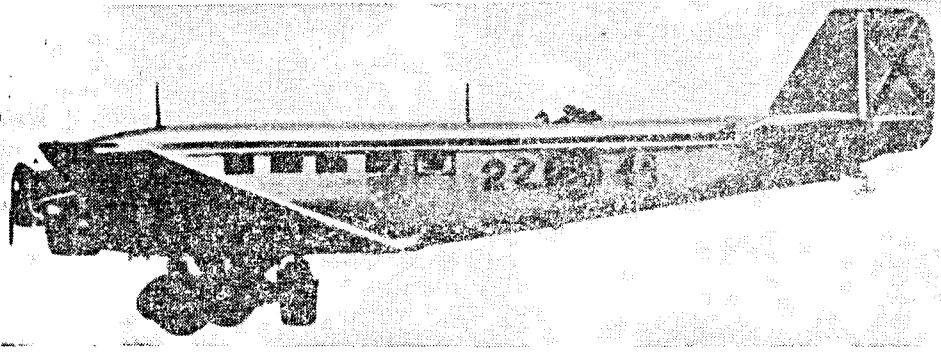
Спустя такой большой промежуток времени, особенно после заметного сдвига в развитии отношений между нашими странами, происшедшего в результате проведения серии встреч президента Рейгана с Генеральным секретарем М. С. Горбачевым, сложно восстанавливать истинный характер отношений периода 1945—1946 гг. Некоторые служащие госдепартамента, работавшие в посольстве США в Москве в период с 1933 года до начала Великой Отечественной войны, вспоминали, что сооб-

щение о нападении Гитлера на СССР действовало на них угнетающе, но оставались у них и опасения, как бы военное противоборство недавних союзников вновь не превратилось в их довоенное сотрудничество. Поэтому американская администрация не могла доброжелательно относиться и к последующим просьбам о займах в послевоенные годы, а непрозрачный намек Молотова на то, что эти займы якобы обеспечат занятость американским предприятиям и помогут избежать новой депрессии, расценивался ею по меньшей мере как неуместный, так как был сделан стране, которая верила в свои собственные возможности перевода экономики на мирные рельсы.

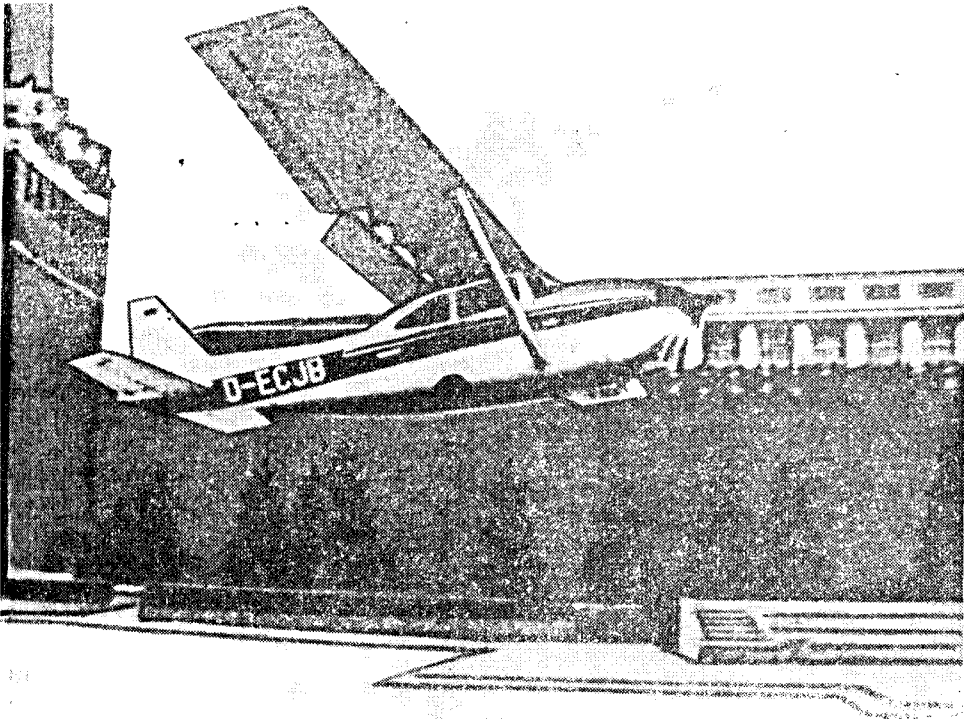
В статье, как мне представляется, неправильно понята нерешительность президента Трумэна, не оказывавшего давления на конгресс, как это делал Рузвельт. Дело в том, что президент Трумэн не был столь мощной политической фигурой, каковой являлся Рузвельт. Критические обстоятельства, вызванные войной, миновали, и конгресс желал вновь заявить о своей силе, которая, по мнению многих американцев, была утрачена во время войны. Вследствие успехов Рузвельта в работе с конгрессом некоторые из наших советских коллег пришли к выводу, что должность президента в американской системе государственного управления наделена неограниченными полномочиями, а конгресс лишь печатает на его политике. Наблюдалось также и недостаточное понимание советскими представителями, с которыми приходилось контактировать американской администрации по вопросам ленд-лиза, того, что принцип «разделения полномочий», на котором базируется американская политическая система, созданная в 1787 году, глубоко отложился в сознании американского народа.

Поэтому, несмотря на то, что роль конгресса в период войны была не столь явной, его сила стала более очевидной к моменту ее завершения. После смерти Рузвельта конгресс начал восстанавливать свою историческую роль контролера за деятельностью президента. Трумэн, как бывший член конгресса, хорошо знал пределы своих полномочий. Мы, бюрократы, думали, что его нежелание оказывать давление на конгресс для продолжения кредитования в рамках ленд-лиза, вероятнее всего, объясняется ощущением ограниченности власти, нежели застарелым чувством враждебности к СССР, как к коммунистическому государству. Возможно также, что его нежелание использовать свое влияние подкреплялось личными впечатлениями, полученными в ходе общения со Сталиным в Потсдаме. Он вернулся домой с твердым убеждением, что Сталин навсегда останется в Восточной Европе и что времена искреннего сотрудничества миновали.

От «юнкерса» 1941 года

к «цессне» 1987-го

СЕЙЧАС мало кто знает, что буквально за месяц с небольшим до нападения фашистской Германии на Советский Союз — 15 мая 1941 года — немецкий военный самолет «Юнкерс-52», нарушив воздушное пространство СССР, совершил

перелет по маршруту Белосток—Минск—Смоленск—Москва и благополучно приземлился на московском аэродроме.

И если цели полета Руста в 1987 году трактуются по-разному, то маршрут полета «юнкерса» четко высвечивает его

цель: в планах «Барбаросса» это направление главного удара немецких войск, и надо было проверить, так сказать, состояние местности и противовоздушной обороны. Вместе с тем эти два полета имеют много общего. Успех их был обусловлен примерно одним и тем же: беспечностью и несогласованностью действий наших дежурных смен ВВС и ПВО, отсутствием четкой системы ответственности, слабостью обученностью воинов, несовершенством вооружения и техники. Не будем сейчас искать глубинные корни причин беспрепятственного пропуска на Красную площадь Руста. Все тщательно анализировалось в органах военного управления.

Заострим внимание на отдельных фактах, по времени предшествовавших посадке Ю-52 в мае 1941 года. Важное место среди них, видимо, займет оценка состояния ВВС и ПВО, зафиксированная в акте 1940 года о приеме Наркомата обороны С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова. Был такой очень пространственный документ. Вот некоторые выдержки из него: «Организация Военно-Воздушных Сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения¹ в более крупные авиационные соединения (дивизии)... Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран... Обработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно. Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, и развитие ее отстает от роста Военно-Воздушных Сил. Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части...»

Теперь выдержка из того же документа — о ПВО: «Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям. Подготовка зенитных частей неудовлетворительная, и тренировка их ведется с устаревшими типами самолетов... Слабо развиты прожекторные части, не все объекты обеспечены прожекторами, и вследствие этого имеющаяся в них зенитная артиллерия способна отражать воздушного противника только днем.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО». И в заключение вывод: «При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается».

Выводы о неудовлетворительном состоянии ПВО заставили новое военное руководство вплотную заняться системой защиты страны и войск от авиации противника. В соответствии с приказом наркомата обороны № 0142 от 11 июля 1940 года «в целях проверки боевой подготовки и боевой готовности всех сил и средств системы ПВО» проводились контрольно-поворотные учения ПВО Минска, Киева, Ленинграда и Баку. Для участия в них привлекались «все силы и средства ПВО пунктов (ВНОС, АЗО, МПВО), войсковые соединения и части гарнизонов, расположенных в пунктах ПВО, объекты ПВО всех ведомств, общественные организации (Осоавиахим, РОКК) и все население городов — пунктов ПВО»². Проводил учения начальник управления ПВО Красной Армии.

В декабре 1940 года управление ПВО Красной Армии было преобразовано в Главное управление ПВО Красной Армии³. Одновременно с увеличением штатов органов управления расширялись полномочия начальника Главного управления. На него возлагалось руководство организацией противовоздушной обороны территории СССР и разработка вопросов использования всех средств ПВО — зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, прожекторов, истребительной авиации, выделенной для противовоздушной обороны пунктов, аэростатов заграждения и службы ВНОС.

В феврале 1941 года «во исполнение решения правительства по усилению противовоздушной обороны СССР угрожаемая по воздушному нападению территория Советского Союза»⁴ подразделялась: а) на районы ПВО в границах военных округов; б) на районы ПВО внутри военных округов; в) на пункты ПВО внутри районов.

Устанавливались следующие зоны ПВО:

² Так в документе.

³ Приказ Наркомата обороны СССР № 0368 от 27 декабря 1940 г.

⁴ Так в документе.

¹ Так в документе.

Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Среднеазиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская, Харьковская. В каждой зоне имелось несколько (до 8) районов. В центре руководства ПВО возлагалось на начальника Главного управления ПВО, в округах — на помощника командующего войсками округа по ПВО (он же командующий зоной ПВО), в районах — соответственно на командиров ПВО корпуса, дивизии и бригады, в пунктах — на командира части или соединения ПВО, объединяющего данный пункт⁵.

Одновременно вводилось в действие Положение о помощнике командующего войсками военного округа (фронта) по ПВО и о командующем районом ПВО⁶.

...Таким образом, причины неблагоприятной обстановки в войсках ВВС и ПВО, способствующие в последующем беспрепятственному пролету и посадке Ю-52, были вскрыты еще в 1940 году. К сожалению, реализация намеченных мер явно запоздала, к началу войны противовоздушная оборона страны так и осталась крайне слабой.

Однако все это лежит на поверхности. Главная причина такого состояния дел

⁵ Приказ наркома обороны СССР № 0015 от 14 февраля 1941 г.

⁶ Приказ наркома обороны СССР № 056 от 18 февраля 1941 г.

глубже. Ее следует искать прежде всего в предвоенных взглядах военного руководства на роль и задачи ПВО в системе Вооруженных Сил. Слабым было техническое оснащение частей ПВО, предназначенных для защиты войск и объектов от самолетов противника. Крупные соединения и части зенитной артиллерии так и не были созданы. В ВВС главенствовала бомбардировочная авиация, истребителей явно не хватало для отражения массированных налетов авиации противника, да, по сути дела, возможность таковых, по мнению командования, исключалась.

Думаю, эти пояснения помогут читателю лучше разобраться в содержании приказа Наркома обороны СССР № 0035 от 10 июня 1941 года, который публикуется в этом номере. Хотелось бы еще отметить слабость, по нынешним меркам, взысканий и выводов.

Впрочем, пусть читатель судит сам. Самолет-нарушитель, в экипаж которого входило 3 человека, широко применялся немцами на Восточном фронте как бомбардировщик и военный-транспортный самолет. Он имел: моторов — 3, максимальную скорость — 290 км/ч, дальность полета — 1286 км, практический потолок — 6300 м, бомбовую нагрузку — 2000 кг, или 17 десантников с легким вооружением.

*Генерал-майор Л. Г. ИВАНОВ,
кандидат исторических наук*

П Р И К А З НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 0035

10 июня 1941 г.

г. Москва

О факте беспрепятственного пропуски через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 года

15 мая 1941 г. германский внерегистровый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС 4-й от[дельной] бригады ПВО Западного особого военного округа вследствие плохой организации службы ВНОС обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерегистрового Ю-52 не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана

военнослужащими. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир Западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й от[дельной] бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москва командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и заместитель начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерегистровый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового самолета Ю-52 не было предпринято и по линии Главного управления ВВС КА (Красной Армии.—Ред.). Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву — разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагоприятном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й от[дельной] бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных лиц и наложить на них взыскания своей властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.[19]41 г.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7.[19]41 г. обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС.

Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы.

Результаты обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7.[19]41 г.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1. 7. [1941 г.] обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично.

Его же распоряжением обеспечить к 1.7.[19]41 г. все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать поверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на Московском аэродроме без проверки прав на полет в Москву начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендаль объявить замечание.

6. К[оманди]ру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое внимание на слабую организацию системы наблюдения и оповещения.

**Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО**
Начальник Генерального штаба
Красной Армии
генерал армии ЖУКОВ

ИНТЕРВЬЮ доктора исторических наук генерал-лейтенанта Н. Г. Павленко, опубликованное в последнем за 1989 год номере еженедельника «Неделя», вызвало недоумение ввиду его необъективности. Уверен, прочитав его (как и, впрочем, подобные публикации в журнале «Огонек»), неискушенные молодые люди пришли к выводу: в период героической обороны Москвы Ставка Верховного Главнокомандования и лично И. В. Сталин занимались не умелой организацией отпора противнику и защитой столицы, а вредительством. Но ведь исторические фак-

ты, воспоминания прославленных полководцев Советской Армии говорят о другом. Историк Павленко между тем утверждает, что «в эти критические дни он (И. В. Сталин) успел отдать ряд преступных приказов», как, например, произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя эвакуировать, а также электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию). В этой связи возникает вопрос: сдача этих объектов врагу — это меньшее преступление? Или историк неопытно, что в подобных критических ситуациях практикуется во всех государствах и армиях уничтожение всего, что может быть использовано противником для достижения победы или своей цели?

**Майор милиции
К. Г. ТЛИГУРОВ**
(г. Нальчик)

В ОДИННАДЦАТОМ номере вашего журнала за 1989 год с большим интересом прочитал материалы о Георгиевских кавалерах. Как известно, вскоре после Октябрьской революции были отменены все ордена, чины и звания. Однако говорят, что в годы Великой Отечественной войны был издан специальный указ или приказ, разрешающий ношение Георгиевских крестов. Нельзя ли рассказать об этом подробнее?

А. СВЕТОЗАРСКИЙ
(Москва)

От редакции. В Управлении делами Министерства обороны СССР нам сообщили, что приказа, разрешающего ношение георгиевских наград, не издавалось,

НЮРНБЕРГСКИЙ БУМЕРАНГ

КАК ИЗВЕСТНО, Международный военный трибунал в Нюрнберге не признал доказательств советской стороны по Катынскому делу и не включил этот пункт обвинительного заключения в свой приговор. Таким образом, версия советского обвинения о причастности гитлеровцев к расстрелу около 15 тысяч польских граждан, оказавшихся в 1939 году в качестве военнопленных в лагерях Старобельска, Козельска и Осташкова, была отклонена. Виновник этого преступления в Нюрнберге определен не был. Тем не менее защита представила большое количество документов, говорящих о том, что вина в расстреле польских офицеров в Катыни лежала на сотрудниках ведомства Берии. Однако противоположная сторона расценила выступление защиты по этому вопросу как провокацию, а ее документы — как фальшивку. Используя огромный авторитет Советского Союза после войны и весомость доказанных преступлений нацизма, советское обвинение оказало сильное влияние на своих западных коллег и добилось того, что эта тема не получила развития на процессе. В дальнейшем материалы по ней были исключены из публикаций по Нюрнбергскому процессу, которые появились у нас в стране.

В связи с подготовкой к переизданию материалов процесса возникла необходимость пояснений к выступлениям и документам защиты. С целью подготовки таких пояснений я приступил к поиску материалов, связанных с Катынью, в Особом архиве ГАУ СССР. Этот архив имеет фонды Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. До начала 60-х годов данные фонды находились в ведении МВД СССР, лишь потом были переданы в Особый архив.

Уже в июне 1989 г. удалось выявить и предварительно изучить массив дел по польским гражданам, содержавшимся в конце 1939 и первой половине 1940 года в лагерях Старобельска, Козельска, Осташкова. Эти дела оказались практически не разработанными, и большая часть из них после поступления в Особый архив не использовалась.

Выявленные материалы однозначно свидетельствовали о причастности органов НКВД к уничтожению в марте — мае 1940 года около 15 тыс. польских граждан, содержавшихся в качестве военнопленных в лагерях Старобельска, Козельска и Осташкова.

Учитывая важность выявленных документов, по рекомендации начальника Главного архивного управления Ф. М. Ваганова 19 июня 1989 года я сообщил о них председателю советско-польской комиссии академику Г. Л. Смирнову. Он сразу же извещил о разговоре со мной международный отдел ЦК КПСС.

22 июня со мной беседовал заведующий Международным отделом ЦК КПСС доктор исторических наук В. М. Фалин, которому было подробно сообщено о найденных материалах. Он запросил несколько дел из Особого архива.

21 июля на основании затребованных дел была составлена краткая справка. В ней сделано заключение о том, что версия немецкой защиты на Нюрнбергском процессе о причастности органов НКВД к расстрелу поляков в Катыни документально подтверждается материалами Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Была подчеркнута необходимость все тщательным образом проверить, чтобы не допустить ошибки, не проявить такой поспешности, которая грозила бы неточностями в оценках.

После составления справки мне предложили вести детальное изучение материалов по польским офицерам, содержавшимся в лагерях НКВД в 1939—1940 гг. По результатам этой работы 26 октября 1989 года составлена подробная справка — «Документальная хроника Катыни». В ней обобщены документы Особого архива и ЦГАОР. Эта справка предваряется докладом, в котором говорилось, что в результате изучения материалов в архивах Главного архивного управления при СМ СССР выявлен ряд документов, касающихся польских граждан, содержавшихся как военнопленные в лагерях НКВД в Старобельске, Козельске и Осташкове в период с сентября 1939 по июнь 1940 г. В числе документов «Положение о военнопленных», составленное при участии Вышинского, утвержденное СНК СССР в сентябре 1939 г. Из него следовало, что понятие «военнопленный» возникало лишь при объявлении противоборствующими сторонами состояния войны. Как известно, ни Польша, ни СССР войны друг другу не объявляли. Поэтому содержание в лагерях НКВД польских граждан в качестве военнопленных было неправомерным.

Наиболее убедительным аргументом, подтверждающим вину Л. П. Берия и органов НКВД в уничтожении польских офицеров, по моему мнению, является директивное письмо № 5866/5 от 31 декабря 1939 г. В нем, в частности, предписано ускорить работу следователей «по подготовке дел на военно-пленных-полицейских (здесь и далее — так в документе — Ред.) бывшей Польши для доклада на Особом Совещании НКВД СССР». Берия требовал организовать работу «следственной группы с таким расчетом, чтобы в течение января месяца [1940 г.] закончить оформление следственных дел на всех заключенных военно-пленных-полицейских» для передачи на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Кроме того, обнаружены:

Указания о направлении в апреле — мае 1940 г. следственных дел в первый спецотдел НКВД и этапирования всех содержащихся 15 тысяч человек (за исключением 394 человек, переведенных в Вологодскую область) в лагерях Старобельска, Козельска и Осташкова в распоряжение УНКВД по Харьковской, Смоленской и Калининской областям соответственно.

Политдонесения о ходе этапирования, свидетельствующие, в частности, о доставке военнопленных в район Смоленска.

Распоряжение по обеспечению скрытности этапирования военнопленных, включая усиление режима охраны, запрет отвечать на какие-либо запросы, изъятие с марта 1940 г. всей входящей и исходящей корреспонденции военнопленных.

Указание об исключении из списков на отправку в УНКВД агентуры и лиц, представляющих оперативный интерес для органов НКВД.

Доклады о полном освобождении к июню 1940 г. всех трех лагерей от ранее содержащихся в них польских военнопленных и указания о размещении в этих лагерях лиц, ранее интернированных в Литве (дальнейшая судьба этих людей четко прослеживается).

Указание о передаче территории Осташковского лагеря (бывший монастырь «Нилова пустынь») местному краеведческому музею в августе 1940 г.

Акты об уничтожении учетно-регистрационной документации в лагерях на убывших из них военнопленных, а также поступившей на их имя корреспонденции.

Статистические сводки, отчеты, списки военнопленных, составленные после июня 1940 г., в которых ни в какой форме не упоминаются отправленные из трех лагерей военнопленные, кроме справки: «Отправлено в УНКВД».

Сопоставление перечисленных документов с материалами по Катыни, опубликованными на Западе, и материалами Нюрнбергского процесса показало в большинстве случаев совпадение вплоть до деталей. В частности, при выборочном сравнении порядок в списке НКВД на отправку военнопленных из Козельска в распоряжение УНКВД по Смоленской области оказался полностью совпадающим с порядком эксгумации идентифицированных останков, проведенной немцами в 1943 году.

Содержание перечисленных документов позволяет сделать вывод о возможности вынесения Особым совещанием при НКВД смертного приговора в отношении военнопленных в лагерях в Старобельске, Козельске и Осташкове. Около 4,5 тыс. поляков из Козельского лагеря захоронены в Катынском лесу под Смоленском, что подтверждается документами. Места захоронения содержащихся в лагерях Старобельска и Осташкова документально не установлены. (Архив Особого совещания может храниться в организациях, представленных в его составе.)

Факт уничтожения органами НКВД польских граждан является одним из элементов политики репрессий, проводившейся в предвоенные годы в Советском Союзе не только против его граждан, но и граждан других государств. Данное обстоятельство достаточно достоверно отражено в опубликованных на Западе материалах по Катыни, несмотря на их пропагандистский характер, а также в документах Нюрнбергского процесса, который не признал вину немцев в этом деле...

Исходя из перечисленных фактов и обстоятельство дальнейший отказ от внесения изменений в первоначальную версию о невинности органов НКВД в уничтожении поляков из лагерей Старобельска, Козельска и Осташкова представляется нецелесообразным.

В этой связи возникала необходимость рассмотрения выявленных документов по польским гражданам, содержащимся в лагерях НКВД в период с сентября 1939 года по июнь 1940 года, Комиссией Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начале 50-х годов, поскольку речь идет о деятельности Особого совещания при НКВД СССР, признанного противоправным.

Изложенные соображения получили поддержку, и при содействии Международного отдела ЦК КПСС работа по изучению и обобщению материалов была продолжена.

В начале февраля она завершилась составлением более развернутых и обстоятельно документированных предложений, которые были приняты. После тщательной и многократной проверки, сопоставления с другими материалами архивов были разработаны оценки, положенные в основу официальных заключений по Катынскому делу, обнародованные в ходе визита президента Польши В. Ярузельского в СССР.

Как показывает развитие событий в последующее время, значительная часть представленных предложений начала осуществляться. В частности, благодаря усилиям руководства ГАУ СССР и особенно директора Особого архива А. С. Прокопенко

предпринимаются шаги по раскрытию фондов. Появляются признаки положительного решения вопроса о публикациях, освоенных на новых материалах из этих фондов.

Ранее благодаря стараниям руководства ЦГАОР и его сотрудников были сняты ограничения на использование фондов Нюрнбергского процесса и Чрезвычайной государственной комиссии, за исключением катынских материалов. Можно надеяться,

что и с этих материалов будут сняты ограничения.

Правда не бывает несвоевременной. Это относится и к Катыни. И хотя запоздалое возвращение истины — несомненное благо, с горечью приходится сознавать, что многих заблуждений, результатом которых было возникновение недоверия между Польшей и СССР, можно было избежать гораздо раньше. Это еще один урок, который преподнесла нам история.

Ю. Н. ЗОРЯ, кандидат военных наук

* * *

В СПЕШКЕ повседневности мы не всегда задумываемся над тем, как катастрофичны по сути своей и последствиям догмы и ложные версии, какой бы стороны жизни они ни касались. Но особенно страшны официальные догмы, подливаемые, реанимируемые всей мощью аппарата. 50 лет прошло со дня гибели польских офицеров. 50 лет лежали в немоте, не согретые прикосновением руки честного исследователя документальные свидетельства, скрепленные подписями разного ранга должностных лиц и резолюциями Лаврентия Берии. И все эти годы никто из причастных к Катыни в НКВД не проронил ни слова — ни в годы мрака, ни в дни перестройки, хотя некоторые из них еще здравствуют и могли бы пополнить смоленскую драму неоценимыми свидетельствами. Но, как говорится, бог им судья.

И все годы с той поры, как немцами были обнаружены захоронения поляков, работают всевозможные комиссии: советские, зарубежные, смешанные. Нагромождаются бумажные монбланы предположений, версий, догадок, размышлений, нет недостатка во взаимных обвинениях, в ложной патетике. А правда, хотя и косвенная, заключенная в фолианты с грифом «Совершенно секретно», о себе заявить не могла, ибо расходилась с официальной версией, принятой в далекие 40-е годы.

Скажу честно, знание правды, едва только были обнаружены эти документы, не давало покоя нынешним молодым сотрудникам Центрального государственного особого архива СССР.

Сознательно не хочу комментировать или анализировать предлагаемые вам сегодня подлинные документы из фондов Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, ибо каждый комментарий — это все-таки способ навязать свое видение проблемы. Вчитывайтесь в строчки этих деловых, но бездушных документов, сотворенных не народом, не от имени народа, а монстрами.

Пусть опубликование этих документов хотя бы немного примирит души поляков и русских, соединит их в доверии друг к другу.

Духовные наставники народов с незапамятных времен, несмотря на поражение, неустанно призывают свою паству к духовности — источнику слияния с природой, любви к ближнему, прощения через боль — признанию единства рода человеческого. И не могу в этой связи не напомнить обращение к землянам одного из духовных пророков: «О, сыны человеческие! Вы созданы из одного праха, чтобы никто не величался над другим. Всем вам подобно быть как одна душа: ходите все как бы одной стопой, питайтесь все как бы одним ртом и живите все в одной отчизне, дабы всем существом вашим и всеми делами вашими явили вы дух единения и суть отречения».

Кажется, наступает такое время, когда народы и правительства все больше проникаются этой очень правильной идеей.

ДИРЕКТИВА
народного комиссара внутренних дел Союза ССР

**По оперативно-чекистскому обслуживанию
военнопленных в лагерях НКВД СССР**

На созданные в соответствии с приказом НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 года Особые отделения Осташковского, Южновского, Козельского, Путивльского, Козельщанского, Старобельского, Южского и Оранского лагерей НКВД СССР по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных возлагаются следующие задачи:

§ 1

Создание агентурно-осведомительской сети для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных.

При этом иметь в виду необходимость создания двух категорий агентуры:

1. Агентуры, которая, внешне оставаясь на позиции продолжения борьбы за «восстановление» Польши, должна проникать во все складывающиеся антисоветские группировки среди военнопленных, главным образом из числа бывших членов польских контрреволюционных политических партий, офицерства и военного чиновничества.

2. Агентуры для освещения политических настроений военнопленных — однополчан и по признакам землячества.

В деле создания агентуры широко использовать регистрацию прибывающих в лагерь военнопленных, в процессе которой оперативные работники Особых отделений должны всесторонне ознакомляться с регистрируемыми военнопленными и намечать из них наиболее подходящие кандидатуры для вербовки.

§ 2

Перед агентурой поставить задачей выявления и разработку следующих контингентов:

а) лиц, служивших в разведывательных, полицейских и охранных органах бывшей Польши (экспозитурах, разведплавках, в отделах государственной безопасности при воеводствах, посторунках полиции, делегатурах при воинских частях, рефератах при корпусных округах («Довудство Окренгово Корпуснове»), тюремных служащих и служащих батальона Коппа;

б) агентуры перечисленных выше органов (конфидентов, агентов сыска);

в) участников военно-фашистских и националистических организаций бывшей Польши (ПОВ, ППС, «Осадники», «Стрельцы», «Легион Младых», «Бискупна Кубина», «Союз унтер-офицеров запаса», «Союз офицеров запаса», «Союз адвокатов Польши», «Комитет защиты крестов», «Белорусский национальный комитет», «Сионисты»);

г) работников суда и прокуратуры;

д) агентуры других иностранных разведок;

е) участников зарубежных белоэмигрантских террористических организаций (РОВС, БРП, НТСНП, «Зеленый дуб», «Савинковцы», «Союз русской молодежи», «Союз бывших военных», «Союз повстанцев Во-

лыни», «Комитет помощи русским эмигрантам», УНДО, ОУН, «Комиссия для России»);

ж) провокаторов бывшей царской охраны и лиц, служивших в полицейско-тюремных учреждениях дореволюционной России;

з) провокаторов охраны в братских коммунистических партиях Польши, Западной Украины и Белоруссии;

и) кулацких и антисоветских элементов, бежавших из СССР в бывшую Польшу.

Перед агентурой поставить также задачу выявления и предотвращения как групповых, так и единичных побегов военнопленных из лагерей.

§ 3

Весь выявленный контрреволюционный элемент немедленно брать на оперативный учет, заводить на них агентурные дела и обеспечить вскрытие организованных контрреволюционных формирований, как среди военнопленных внутри лагеря, так и для выявления зарубежных связей разрабатываемых.

§ 4

Аресты военнопленных по проведенным агентурным разработкам производить с санкции начальника Особого отдела и военного прокурора соответствующего военного округа.

§ 5

Следствие по делам контрреволюционных групп и одиночек — шпионов, диверсантов, террористов и заговорщиков, как правило, ведется Особыми отделами соответствующих военных округов.

Особые отделения лагерей ведут лишь расследование по делам нарушителей правил внутреннего распорядка лагеря и в случаях, требующих производства немедленного расследования (попытка к бегству из лагеря, хулиганство, кража и т. п.) с последующей передачей дел военному прокурору округа.

Следствие по делам военнопленных вести со строгим соблюдением существующих уголовно-процессуальных норм.

§ 6

Особым отделам округов следствие направлять на выявление антисоветских связей арестованных военнопленных и лиц, могущих быть использованными для заброски за кордон.

Вербовку агентуры, подлежащей заброске за рубеж, осуществлять только с предварительной санкции начальника Особого отдела НКВД СССР, а заброску ее за кордон только с санкции народного комиссара внутренних дел СССР.

§ 7

В целях своевременного выявления и предотвращения возможных фактов использования военнопленными в преступных целях отдельных лиц из обслужива-

ющего персонала лагеря (передача сообщений, писем, подкуп в целях побега) наряду с инструктажем и политической работой, проводимой администрацией и политаппаратом лагеря, Особые отделения лагерей обеспечивают агентурным обслуживанием надзирательно-конвойный состав лагеря и окружающие лагерь населенные пункты.

§ 8

Начальникам Особых отделений лагерей по всем имеющимся у них материалам о настроениях военнопленных, фактах нарушений правил внутреннего распорядка лагеря и выявленных преступлений (в том числе и контрреволюционных) информи-

ровать начальника лагеря, согласовывая с ним аресты среди военнопленных.

§ 9

Начальники Особых отделений лагерей в своей оперативно-чекистской работе подчиняются начальникам Особых отделов соответствующих военных округов, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам Управлений НКВД — по территориальности.

**Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР**

Л. БЕРИЯ

**Верно: Заместитель Начальника
Особого отдела НКВД СССР
майор Госбезопасности БЕЛЯНОВ**

ЦГОА, ф. 451/II, оп. 1, д. 1, лл. 17—20.

Совершенно секретно

СПРАВКА

**по Козельскому, Юхновскому, Грязовецкому и
Суздальскому лагерям НКВД для военнопленных**

1. КОЗЕЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ

Лагерь дислоцирован в 5 км от Козельска Смоленской области и в 7 км от ст. Козельск, в бывшем доме отдыха имени Горького.

Лагерь рассчитан на прием офицерского состава. Территория его состоит из двух частей. В настоящее время интернированными и полицейскими занята только основная часть лагеря. Другая часть лагеря «скит» в настоящее время свободна. Корпуса для размещения лагерей в большинстве состоят из небольших комнат бывших келий монастыря.

Офицеры — от подполковников и выше — размещаются отдельно от остальных и обеспечены коммунально-бытовыми условиями значительно лучше остальных интернированных.

Полицейские от офицеров в лагере тоже содержатся отдельно.

Интернированные из лагеря не выпускаются, связи с окружающим населением не имеют.

Лагерь рассчитан на прием 7000 человек; имеется баня, прачечная, кухня, клуб, библиотека.

Освещение электрическое.

Основная территория лагеря ограждена каменной стеной высотой 3—3,5 м и сверху колючей проволокой.

В 5 м от стены территория обнесена колючей проволокой в два ряда. С внутренней стороны имеется предупредительная зона.

Зону лагеря освещают 9 прожекторов. Внешнюю охрану несут конвойные войска, внутреннюю охрану — вахтеры.

Оперативное обслуживание осуществляется УНКВД по Смоленской области через Особое отделение лагеря.

2. ЮХНОВСКИЙ ЛАГЕРЬ

Лагерь расположен на базе туберкулезного санатория «Павлищев Бор» в 500 м от дер. Щелканово Юхновского района Смоленской области.

Ближняя железнодорожная станция Бабынино находится в 3 км от лагеря.

Лагерь рассчитан на прием 6000 человек

военнопленных, имеет на это количество кухню, пекарню и баню.

Столовая, клуб и библиотека обеспечивают интернированных посменно.

Освещение лагеря электрическое.

Корпуса и баракы, где живут интернированные, оборудованы нарами в два яруса.

Зона лагеря обнесена проволочным заграждением усиленного типа; построены вышки для часовых.

Лагерь имеет хороший гужевой и автомобильный транспорт.

Внешнюю охрану зоны несет рота от конвойных войск, внутреннюю — вахтеры Управления лагерей.

Оперативное обслуживание содержащихся интернированных обеспечивает УНКВД по Смоленской области через Особое отделение лагеря.

3. ГРЯЗОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ

Грязовецкий лагерь организован на базе дома отдыха Совлеспрома.

Жилой фонд лагеря состоит из семи корпусов деревянных и трех корпусов каменных.

Лагерь находится в 5 км от г. Грязовец Вологодской области. По плану намечено разместить в лагере 1000—1500 человек, в настоящее время находится 386 военнопленных.

Ограждение лагеря состоит из поставленных в два ряда деревянных столбов с переплетами между ними колючей проволокой в 10—12 рядов.

Освещение территории лагеря и жилых помещений электрическое.

Наружная охрана выполняется конвойными войсками, а внутренняя — вахтерским составом. Связь наружных постов с караульным помещением телефонная.

Военнопленные никакого общения с населением не имеют, за исключением обслуживающего персонала, на работах они только используются внутри лагеря по обслуживанию его.

Режим в лагере осуществляется по инструкции Управления НКВД по делам о военнопленных.

В оперативном отношении лагерь об-

служивается Особым отделением, которое работает по заданию заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова, а в своей практической работе указания получает от начальника Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

Все лагеря обеспечены помещением для размещения аппарата и агентурно-оперативной работы.

Обеспечение военнопленных и интернированных продовольствием, вещевым довольствием и коммунальными услугами осуществляется Отделом снабжения Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

Питание офицерского состава производится по повышенным нормам [отдельно] от остального состава.

Медицинское обслуживание во всех лагерях налажено удовлетворительно.

Каждый лагерь имеет лазарет, амбулаторию и аптеку.

Руководство медслужбой в лагерях осуществляется санотделениями лагерей.

В лагерях налажен учет содержащихся контингентов по учетным делам и учетным карточкам на каждого. Эту работу выполняют 2-е отделение лагерей (УРО) под руководством 2-го Отдела Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

Во всех лагерях политико-воспитательная и культурно-массовая работа среди военнопленных и интернированных проводится политотделением лагеря во главе с комиссаром.

Проводятся политбеседы, лекции, доклады, читки газет и художественной литературы, демонстрируются кинокартины, работают кружки самодеятельности, организованы стенгазеты и другие массовые развлечения.

Все лагеря радиофицированы.

Осташковский, Южский, Оранский, Путивльский и Козельщанский лагеря для военнопленных — остаются незанятыми.

В Старобельском лагере содержатся переребечки, на которых следственные дела оформлены и переданы на Особое совещание, в лагере также находится часть заключенных.

Начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитан Государственной безопасности СОПРУНЕНКО

30 сентября 1940 г.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. За, д. 1, лл. 218—223.

Совершенно секретно

СПРАВКА

О количестве военнопленных польской армии, переданных немцами в октябре—ноябре 1939 г. через обменный пункт г. Брест-Литовска

30 октября передано	94 человек
1 ноября передано	2100 »
2 ноября передано	1967 »
3 ноября передано	2046 »
4 ноября передано	1564 »
5 ноября передано	1527 »

8 ноября передано	1531 »
9 ноября передано	1417 »
10 ноября передано	1793 »
11 ноября передано	1632 »
13 ноября передано	1799 »
14 ноября передано	1739 »
15 ноября передано	1563 »
17 ноября передано	1546 »
18 ноября передано	1503 »
19 ноября передано	801 »
23 ноября передано	48 »

Всего передано 24 670 человек.

Примечание: Справка составлена по официальным сообщениям, полученным с обменного пункта.

Начальник Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных капитан Государственной безопасности СОПРУНЕНКО

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 01е, д. 1, л. 40.

Совершенно секретно

СПРАВКА

о военнопленных поляках, содержащихся в лагерях НКВД в 1939—1941 гг.

I. Общее количество военнопленных польских офицеров, содержащихся в лагерях НКВД, составляло — 9457 человек.

Сосредоточены они были преимущественно в трех лагерях: Старобельском, Козельском и Осташковском.

Из них:

- а) умерло — 30 человек;
- б) бежало — 1;
- в) передано немцам по запросам посольства — 3;
- г) продолжает содержаться до сего времени в Спасозаводском лагере — 6.

Итого: 40 человек.

Кроме того, в апреле и мае 1940 г. было передано УНКВД с оформлением учета через 1-й Спецотдел НКВД — 5348 человек.

В 1941 году оставшиеся офицеры в количестве 1069 человек были сосредоточены в одном лагере — Грязовецком — и оттуда переданы на формирование польской армии.

II. На строительстве дороги Ровно — Львов было занято военнопленных поляков — 14 135 человек, которые содержались в Львовском лагере.

На третий день после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз все военнопленные из этого лагеря были эвакуированы в Старобельский лагерь, откуда затем были переданы на формирование польской армии.

Потери при эвакуации Львовского лагеря составили 1834 человека.

III. В соответствии с постановлением СНК Союза ССР от 14 октября 1939 г. за № 1691—415 в октябре и ноябре 1939 г. было передано немцам 42 492 че-

ловека военнопленных поляков, уроженцев территории Польши, отошедшей к Германии.

Передача проводилась в двух пограничных пунктах: у г. Брест-Литовска и между станцией Яготин и г. Дорогуск.

Начальник 2-го отдела
Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
майор интендантской службы
ДЕНИСОВ

5 декабря 1943 г.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 01е, д. 1, лл. 48—49.

Совершенно секретно

Срочно

Управление по делам о военнопленных
28 октября 1939 г.

Заместителю начальника 5-го отдела
ГУГБ НКВД СССР
капитану Госбезопасности
тов. СУДОПЛАТОВУ

При этом направляю список генералов, полковников, подполковников, крупных полицейских и военных чиновников, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
майор **СОПРУНЕНКО**

Совершенно секретно

СВОДКА

О наличии военнопленных
и интернированных,
содержащихся в лагере НКВД
на 23 июля 1940 г.

1. ГРЯЗОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ

Содержится бывших польских военнослужащих и полицейских, оставшихся от Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей:

Всего: 394 человека.

Из них:

генералов	—	1 человек
полковников	—	8 »
подполковников	—	16 »
майоров	—	9 »
капитанов	—	18 »
и других	—	312 человек

2. РОВЕНСКИЙ ЛАГЕРЬ — СТРОИТЕЛЬСТВО № 1

Всего содержится рядовых и младшего состава 14 599 человек.

3. СЕВЖЕЛДОРЛАГ

Содержится рядовых и младшего состава 7984 человека.

4. КОЗЕЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ

Офицеры и полицейские бывшего Польского государства, прибывшие из Литвы, — 2353 человека

5. ЮХНОВСКИЙ ЛАГЕРЬ

Младший комсостав и рядовые военнослужащие бывшей Польской армии, прибывшие из Литвы, — 2023 человека.

7. ЮЖСКИЙ ЛАГЕРЬ

Бывшие красноармейцы и командиры, переданные из Финляндии, — 5098 человек.

В. СЕСТРОРЕЦКИЙ ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ

Содержится 18 человек военнопленных, отказавшихся ехать в Финляндию.

9. ОСТАШКОВСКИЙ ЛАГЕРЬ — свободен

10. СТАРОБЕЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ — »

11. ОРАНСКИЙ ЛАГЕРЬ — »

12. КОЗЕЛЬЩАНСКИЙ ЛАГЕРЬ — »

13. ПУТИВЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ — »

14. ТЕМНИКОВСКИЙ ЛАГЕРЬ — »

Всего содержится военнопленных и интернированных в лагерях НКВД 33 076 человек.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан Госбезопасности **СОПРУНЕНКО**
24 июля 1940 г.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 3а, д. 1, лл. 89—90.

Секретно

СПРАВКА

о полицейских и жандармах,
содержащихся в лагерях НКВД
на 1 марта 1940 г.

В лагерях содержится:

- а) офицеров полиции и жандармов — 250 человек;
- б) младшего состава полиции и жандармерии — 780 человек;
- в) рядовых полицейских и жандармов — 5016 человек;
- г) тюремщиков — 114 человек;
- д) разведчиков и провокаторов — 8 человек.

Итого: 6168 человек.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
майор **СОПРУНЕНКО**
3 марта 1940 г.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 3а, д. 1, л. 288.

Совершенно секретно

Народному комиссару
внутренних дел Союза ССР
комиссару
Государственной безопасности
1-го ранга товарищу **БЕРИЯ Л. П.**

В целях разгрузки Старобельского и Козельского лагерей прошу Вашего распоряжения на проведение следующих мероприятий:

1. Всех тяжелобольных, полных инвалидов, туберкулезников, стариков от 60 лет и выше из числа офицерского состава, которых насчитывается около 300 человек, отпустить по домам.

2. [Лиц] из числа офицеров запаса — жителей западных областей УССР и БССР — агрономов, врачей, инженеров и техни-

ков, учителей, на которых нет компрометирующих материалов, отпустить по домам.

По предварительным данным, из этой категории может быть отпущено 400—500 человек.

3. На офицеров КОПа («Корпус охраны погранична»), судейско-прокурорских работников, помещиков, актив партий ПОВ и «Стрелец», офицеров 2-го отдела бывшего Польского Главштаба, офицеров информации (около 400 человек) прошу Вашего разрешения оформить дела для рассмотрения на Особом совещании при НКВД.

Следствие по этим категориям желательно вести в Наркоматах внутренних дел БССР и УССР, а в случае невозможности — сосредоточить всех перечисленных в Осташковском лагере, где и вести следствие.

**Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
майор СОПРУНЕНКО
Комиссар Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
полковой комиссар НЕХОРОШЕВ**

20 февраля 1940 г.

ЦГОА ф. 1/П, оп. За, д. 1, лл. 274—275.

Совершенно секретно

Народному комиссару
внутренних дел Союза ССР
тов. БЕРИЯ Л. П.
г. Москва

Запиской от 20 ноября с. г. мы докладывали Вам о вскрытой в Старобельском лагере антисоветской организации военнопленных офицеров бывшей Польской армии.

Работе офицерского подполья в известной степени способствовало почти полное отсутствие политической и культурно-просветительной работы политаппарата лагеря, возглавляемого комиссаром Киршиным.

Вместо того чтобы организовать через политаппарат культурно-просветительные мероприятия, позволяющие вести и политическую обработку младших и запасных офицеров, комиссар лагеря бездеятельностью дал возможность антисоветскому активу военнопленных офицеров взять инициативу в свои руки.

Популярное дело создания культпросветительных кружков среди ничем не занятых военнопленных было успешно использовано для создания подпольной организации.

Перед тем как приступить к ликвидации этого подполья, мы информировали комиссара и рекомендовали ему ряд мероприятий по развертыванию политической и культпросветительной работы среди военнопленных.

Не успели мы начать изъятие намеченных к аресту участников организации, как комиссар Киршин, действуя по своему усмотрению, направился в бараки военнопленных и в разговорах с отдельными активистами подполья начал «разоблачать» их деятельность, доказывать нелегальный, антисоветский характер работы и т. п., выболтав тем самым нашу осведомлен-

ность о наличии организации и дав возможность участникам организации приготовиться.

Таким образом, благодаря необдуманному и неправильным действиям комиссара наша операция не застала врасплох актив организации и позволила офицерам подготовиться к ней.

Допустив такой промах, комиссар Киршин вместе с тем не обеспечил реализации намеченных с ним мероприятий по развертыванию политической и культурно-просветительной работы, которая параллельно с оперативными мерами должна была ослабить антисоветскую работу офицерского актива и усилить выгодное для нас политическое воздействие на военнопленных.

Как мы убедились за это время, комиссар Киршин не на своем месте и работы в условиях Старобельского лагеря не обеспечивает.

К тому же т. Киршин не пользуется авторитетом среди сотрудников лагеря и с первых дней скомпрометировал себя фактом сожительства с одной из медицинских сотрудниц лагеря.

В интересах дела считаем целесообразным заменить Киршина более подходящим товарищем, способным по-настоящему поставить политработу в таком лагере военнопленных офицеров, как Старобельский.

**Опергруппа НКВД СССР:
ТРОФИМОВ
ЕФИМОВ
ЕГОРОВ**

25 ноября 1939 г.

г. Старобельск.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 1а, д. 1, лл. 182—184,

Совершенно секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару
Государственной безопасности
3-го ранга тов. МЕРКУЛОВУ
ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

1. Из Старобельского лагеря с 10 по 14 апреля отправлено военнопленных 794 человека, а всего с 5 апреля с. г. вышло 1717 человек, из них:

генералов	— 8 человек;
полковников	— 61 человек;
подполковников	— 36 человек;
майоров	— 106 человек;
капитанов	— 436 человек;
др. офицеров	— 1170 человек.

Оставшиеся военнопленные содержатся теперь исключительно в зоне лагеря, что дало возможность сконцентрировать личный состав внутренней охраны и улучшить охрану. Побегов и попыток к побегам нет.

Отрицательных настроений, кроме уже освещенных в донесении от 14 апреля с. г. за № 25/3301, не установлено.

В большом количестве поступают заявления от военнопленных с просьбой оставить в СССР, а не отправлять на территорию Германии или в нейтральные страны. Заявления подает большинство военнопленных, имеющих специальности врачей, инженеров, учителей.

Содержание заявлений носит следующий характер:

1. «Прошу не передавать меня каким-либо германским или нейтральным властям, а предоставить мне возможность остаться и работать в Советском Союзе. К этой просьбе у меня имеются следующие основания:

1) Я до сих пор был аполитичен, но в последнее время ближе познакомился и сильно притянут идеологией страны социализма. Я не сомневаюсь, что лично сумею с честью выполнить долг советского гражданина.

2) Я по специальности и образованию инженер текстильной промышленности и не сомневаюсь, что мои знания и опыт могут оказаться весьма полезными Стране Советов.

3) Я еврей и до сих пор был подвергнут национальному гнету, что позволяет мне вполне оценить политику национальной свободы Советского Союза.

Альтман Георгий Соломонович.

2. «Усерднейше прошу ввиду ликвидации лагеря оставить меня в СССР. Я сын портного... в Германию и ни в какие другие страны ехать не хочу.

Сементка Абрам Маркович.

3. Врач поручик запаса Таненбаум Яков Вольфович пишет:

«При разгрузке лагеря прошу оставить меня в СССР. Не посылайте меня в какие-нибудь другие страны. Я врач, медицинский работник, живя в капиталистической стране, видел всю несправедливость строя, видел страшную жизнь бедных людей, и поэтому всегда с симпатией относился к коммунистическому движению. Я мечтал жить в условиях свободного социалистического государства, в котором не существует национального гнета, который я, как еврей, всегда чувствовал».

Аналогичны и другие заявления. Кадровый офицерский состав польской национальности заявлений оставаться в СССР не пишет.

II. В связи с начавшейся 3 апреля 1940 г. отправкой военнопленных из Козельского лагеря большинство офицеров чувствует себя спокойно и довольно тем, что дождалось освобождения из «рабского плена»:

«Куда повезут, туда и поедем, лишь бы не оставаться здесь, в лагере».

В первый день отправки среди военнопленных территории № 2 («Скит») отмечались взволнованные настроения, вызванные тем, что в первый день оттуда были взяты 10* офицеров, из которых 5 кадрового состава и 4 осадника, создалось мнение, что их отправили не домой, а «куда-то» в другое место, и лишь на второй день — 4 апреля — когда были отправлены офицеры разных категорий, настроение изменилось.

Высказывают предположения, что их повезут на Запад, где созданы 4 распределительных пункта: Брест, Подволочиск, Буск и Кобрин, на которых созданы смешанные комиссии, последние будут каждого опрашивать, куда он желает поехать: в нейтральные страны или остаться в СССР; после опроса каждому будет предложено подписать декларацию. В связи с чем генералы дали приказ, чтобы воен-

нопленные офицеры никаких деклараций не подписывали.

Большая часть военнопленных офицеров, происходящих с немецкой стороны, высказывают нежелание ехать на территорию Польши, оккупированную Германией, а обязательно выехать в нейтральные страны, откуда они могут попасть во Францию, вступить добровольно во французскую армию и воевать против немцев, а победив Германию, выступить против СССР и восстановить Польшу от реки Одры до реки Днепра.

Часть военнопленных офицеров мечтает попасть в Румынию, пробраться в армию Вейгана и выступить войной против Советского Союза.

Часть военнопленных, семьи которых проживают на германской территории, высказывают уверенность, что едут они в Германию и что никакой речи о выезде в нейтральные страны быть не может, ибо на «распределительных пунктах» будут заставлять подписать декларацию о лояльности к германскому правительству. Тех же, которые откажутся подписывать декларацию, направят в лагерь в глубь Советского Союза.

Отдельные из военнопленных, семьи которых проживают на территории Украины и Белоруссии (западные области), настроены панически, среди них наблюдается боязнь ехать домой. Причину страха возвращения на родину они объясняют так:

«Здесь мы в лагере сидим спокойно под опекой НКВД и властей лагеря, и нас, как военнопленных, никто не тронет. Дома же мы перестанем быть военнопленными и на нас, как на граждан СССР, будут распространяться все Законы Советского Союза, там нас могут и арестовать и посадить, и судить, так как почти каждый из нас имеет кое-какой грех перед Советской властью».

Отмечены факты антисоветских проявлений. Высказывают мнения, что «СССР чувствует себя беспокойно, так как ему угрожает опасность со стороны союзников, что, хотя Советский Союз и большой, но он стоит на «глиняных» ногах и, стоит его только толкнуть, он повалится».

Военнопленный офицер Бирнбаум, в прошлом журналист, ходит по корпусам и читает доклады на антисоветские темы.

К проводимым беседам вообще стали относиться пассивно и очень часто заявляют:

«Что вы нас пичкаете своими беседами, у нас сейчас «чемоданное настроение», а вы тут со своими беседами. У нас голова работает над тем, когда и куда нас повезут».

Отдельные же, как, например, Табачинский, отец и сын Ружинские, бросают вызывающие реплики, как, например:

«У вас ничего нет, все идет на вооружение. Нам вы ударили ножом в спину. Польша все же будет существовать, и мы вам отплатим. Вы еще побываете у нас в плену».

Военнопленный поручик Бирнбаум в читанных им лекциях по корпусам доказывал, что на турецкой границе против СССР готовится удар со стороны войск ге-

* Так в документе.

нерала Вейгана, задачей которых является захватить нефтяные районы на Кавказе и этим самым лишить Советский Союз горючего, что приведет к выводу из строя промышленности и механизированных частей Красной Армии.

Приняты меры к прекращению распространения антисоветской клеветы среди военнопленных.

Отдельные офицеры распространяют слухи, что военнопленных независимо от местонахождения семей направляют в Германию, и в связи с этим высказывают угрозы по адресу тех, которые проявляли лояльное отношение к Советскому Союзу. Последние, желая заслужить доверие, начинают резко проявлять себя антисоветски. Например, на военнопленного Новика за то, что он на русском языке предложил прибавить в печь дров, набросился военнопленный Табачинский и не только оскорблял, но и угрожал, что «по освобождении из плена рассчитается с ним». Табачинский был посажен на гауптвахту на 20 суток. Пытаясь отомстить за Табачинского, военнопленные Ружанские (отец с сыном) хотели побить Новика, Ружанские посажены на гауптвахту.

Незначительная часть военнопленных все же не верит в отправку домой, исходит из того, что всех отправляемых тщательно обыскивает конвой и что везут в тюремных вагонах. Военнопленные пытаются обрабатывать обслуживающий персонал и выяснять у обслуживающего персонала, куда их отправляют.

Установлено, что сведения о перевозке в тюремных вагонах проникли в лагерь от киномехаников Левашова и Горшкова. Обслуживающий персонал крепко предупрежден в связи с этим.

Некоторые военнопленные говорят, что отправляют их в Смоленск. Но не уверены в этом и пытаются объяснить, что если и высаживают в Смоленске, то только для питания.

Источник этих сведений точно не установлен, но имел место факт, что начальник конвоя от 226-го конвойного полка политрук Федоров Д. И. по возвращении из командировки рассказывал отдельным сотрудникам лагеря, что военнопленных выгружают в Смоленске, где принимают их весьма тщательно и со всей строгостью. В связи с чем этот вопрос муссируется отдельными сотрудниками лагеря.

О болтливости политрука Федорова Д. И. доведено до сведения полковника тов. Степанова и командования батальона.

Установлено, что высшие чины бывшей Польской армии, находившиеся в лагере, давали указания офицерам, отправляющимся в первых партиях, делать в вагонах надписи с указанием конечных станций, чтобы последующие могли знать, куда их везут.

7 апреля при возврате первых вагонов была обнаружена надпись на польском языке: «Вторая партия — Смоленск, 6/IV-1940 года».

Кроме этого, все стенки этих вагонов были исписаны ранее, видимо, при перевозке заключенных, самыми махровыми антисоветскими надписями, и под многими из них были сделаны надписи военно-

пленными по-польски, выражающие одобрение по поводу содержания сделанных заключенными надписей.

Отдано распоряжение все смыть и в будущем вагоны осматривать.

С целью наибольшей изоляции военнопленных от обслуживающего персонала последний в зоне лагеря сокращен до минимума, остальной доступ в лагерь ограничен. Подавляющая же масса военнопленных офицеров уверена, что едет домой. В связи с чем отмечается настроение «скорее бы поехать», офицеры обращаются к администрации лагеря о включении в ближайший транспорт для отъезда.

Военнопленные генералы Минкевич и Сморовинский 7 апреля вечером пытались своим авторитетом воздействовать на остальных военнопленных, чтобы они требовали выезда в нейтральные страны. Эти генералы издали распоряжение, чтобы никто из военнопленных офицеров на распределительных пунктах не подписывал бы каких-либо деклараций, обязывающих поехать на территорию Германии или остаться в СССР. Они уверяют, что подписавшие такие декларации будут считаться дезертирами Польской армии.

Это распоряжение генералов часть офицеров разнесла по корпусам, но заметно, что влияния оно не имеет. Так, 7 апреля во время отправления высших чинов многие оставшиеся офицеры высказывали удивление по поводу того, что они не едут вместе с ними... ибо можно «попасть с ними в какую-либо историю».

В связи с некоторым перерывом в отправке из-за задержки списков настроение военнопленных упало. Начали распространяться предположения самих же военнопленных, что «на почве осложнений военных действий на Западе (события в Норвегии) Германия отказалась принимать военнопленных».

Военнопленный Пенловский 13 апреля высказал мнение, что «вообще из лагеря никого отправлять больше не будут. Отправили часть, сделали в лагере посвободнее, и на этом все кончилось, останемся сидеть здесь дальше».

Все эти разговоры весьма удручающе подействовали на массу военнопленных. Многие обращаются к администрации лагеря, будут ли отправлять еще. Получив положительный ответ, уходили довольными, передавая это военнопленным.

У отдельных же военнопленных разговоры о прекращении отправки вызвали настроения к побегу (поручик Фроник и подпоручики Зеленский и Яшембский).

III. В связи с отправкой из Осташковского лагеря настроение у большинства военнопленных приподнятое, и особенно у рядовых полицейских, которые уверены, что едут домой. Отдельные сомневаются в этом, военнопленные с территории Германии говорят, что им не хочется возвращаться в Германию.

Отправляемые при выходе из лагеря выбрасывают спичечные коробки с записками, в которых пишут, что «при ревизи ищут оружие, личные вещи и ценности не отбирают», принимаются все претензии,

обращение вежливое, из обыска нельзя заключить, куда направляют».

Отправка проходит организованно, спокойно.

Комиссар Управления НКВД СССР по делам военнопленных полковой комиссар НЕХОРОШЕВ
Заместитель начальника политотдела старший политрук ВОРОБЬЕВ

22 апреля 1940 г.

ЦГОА, ф. 3/П, оп. 1, д. 1, лл. 145—153.

Совершенно секретно

Управление по делам военнопленных
10 сентября 1940 г.

Начальнику Старобельского лагеря НКВД капитану Госбезопасности тов. БЕРЕЖКОВУ

Начальнику Особого отделения лагеря сержанту Госбезопасности тов. ГАЙДИДЕЙ

СВОДКА

на № 10/8 от 3/IX-1940 г.

Учетные дела Особого отделения на военнопленных, убывших из лагеря (кроме убывших в Юхновский), картотека учета, а также литературные дела с материалами на военнопленных должны быть уничтожены путем сожжения.

Все материалы на военнопленных, убывших в Юхновский лагерь, надлежит срочно направить в управление НКВД по делам о военнопленных.

Литерные дела с материалами по обслуживанию войсковой части, охранявшей лагерь, сдать в архив 1-го спецотдела УНКВД по Харьковской области.

Литерные дела с материалами на военнопленный состав, а также на население, окружающее лагерь, являются действующими и подлежат оставлению в Особом отделении лагеря.

До уничтожения материалов должна быть создана комиссия из сотрудников Особого отделения, которая обязана тщательно просмотреть все уничтожаемые документы с тем, чтобы из дел были изъяты все неиспользованные документы, а также материалы, представляющие оперативный интерес. Эти материалы ни в коем случае уничтожению не подлежат. Их надлежит выслать также в управление.

Как уничтожение, так и сдачу материалов в архив оформить соответствующими актами с приложением к ним подробных списков уничтоженного.

Об исполнении донесите.

Начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитан Госбезопасности СОПРУНЕНКО
Начальник 2-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных старший лейтенант Госбезопасности МАКЛЯРСКИЙ

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 2-е, д. 10, лл. 283—284.

АКТ

1940 года, октября месяца 25-го дня, мы, нижеподписавшиеся, сотрудник 2-го отде-

Публикацию подготовил директор ЦГОА СССР А. С. ПРОКОПЕНКО

ла Управления НКВД СССР по делам о военнопленных Письменный и врид. начальника Особого отделения Старобельского лагеря НКВД сержант Госбезопасности Гайдидей составили настоящий акт в том, что сего числа на основании распоряжения Начальника Управления НКВД СССР по делам о военнопленных капитана Госбезопасности тов. Сопруненко были сожжены нижеследующие архивные дела Особого отделения:

1. Учетные дела на военнопленных в количестве 4031 дела согласно прилагаемому списку.

2. Дела-формуляры в количестве 26 дел, список дел прилагается.

3. Алфавитные книги учета военнопленных в количестве 6 книг по 64 листа в книге.

4. Картотека из 4031 карточки.

5. Справки на военнопленных — две папки: одна папка — 430 листов, вторая — 258 листов.

6. Опросные листы на военнопленных; одно дело — 231 лист.

7. Дело-приказы Старобельского лагеря НКВД — на 235 листах.

8. Книги регистрации входящей корреспонденции — 2 штуки.

9. Фотокарточки военнопленных, вторые экземпляры — 68 штук.

О чем составлен настоящий акт в двух экземплярах.

Помощник инспектора 2-го отдела Управления НКВД СССР по делам о военнопленных ПИСЬМЕННЫЙ
Врид. начальника Особого отделения Старобельского лагеря НКВД сержант Госбезопасности ГАЙДИДЕЙ
25 октября 1940 г.

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 2-е, д. 10, лл. 276—277.

АКТ

1940 года, июля 23-го дня, мы, нижеподписавшиеся, политический контролер Особого отделения НКВД Клок, начальник УРО лагеря НКВД Сысоев и секретарь управления лагеря НКВД Курячий сего числа на основании указания НКВД СССР по делам о военнопленных № 25/5699 произвели уничтожение входящей корреспонденции, адресованной в лагерь военнопленным, убывшим из лагеря:

1. Заказных писем	— 422 штуки,
2. Писем простых	— 562 »
3. Почтовых открыток з.	— 148 »
4. Почтовых открыток пр.	— 3102 »
5. Телеграмм	— 79 »

Все вышеупомянутое уничтожено путем сожжения, о чем и составлен настоящий акт.

Политконтролер О[собого] о[тделения] лагеря НКВД КЛОК
Начальник 2-го отделения лагеря НКВД СЫСОЕВ
Секретарь управления лагеря НКВД КУРЯЧИЙ

ЦГОА, ф. 1/П, оп. 2-е, д. 10, л. 288.

КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ?

В ГАЗЕТЕ «Московские новости» № 19 за 1990 год приписаны мне такие высказывания, о которых я узнал, лишь прочтя статью Ю. Теплякова «По ту сторону фронта».

Действительно, перед майскими праздниками я имел беседу с военным обозревателем Тепляковым о военно-поленных времен Великой Отечественной войны. Так как архив не располагает сведениями о количестве советских военнослужащих, оказавшихся в гитлеровском плену, я, естественно, их предоставить Теплякову не мог. Откуда он добыл данные об упомянутых в статье 5 млн. 734 тыс. 528 наших пленников и опубликовал их от моего имени, мне неизвестно. Так же неизвестно, почему появилось число 32 млн. призванных на военную службу, в то время как я называл около 30 млн. человек. В это число вошли в пропавшие без вести, которые остались на оккупированной территории, а при освобождении советскими войсками были призваны повторно. Их насчитывается более 900 тыс. человек. Кроме того, повторно призывались на военную службу солдаты и офицеры, уволенные в длительные отпуска вследствие полученных тяжелых ранений, а затем военно-врачебными комиссиями признанные годными к службе в армии.

Итак, получается, что в войну было призвано около 29 млн. человек, из них убито и пропало без вести более 8,5 млн.

Приведенные в статье Теплякова и другие данные о потерях наших войск требуют уточнения. Например: «В плен попало даже в феврале 1945 г. (Венгрия) 100 тыс.» Откуда взяты эти данные?

Я выражаю протест по поводу использования обозревателем «Московских новостей» непроверенных данных и публикации их от моего имени.

Полковник И. В. ЯРОШЕНКО,
заместитель начальника
ЦАМО СССР

ТАКОЙ вопрос П. Григоренко задает читателю, поведав, что весной 1941 г. по всей 1200-километровой полосе вдоль бывшей западной границы СССР «десятки тысяч долговременных оборонительных сооружений были подняты в воздух по личному приказу Сталина». «Их взорвали, не дав сделать ни одного выстрела по врагу», — сообщил он в своих мемуарах сначала зарубежному, а теперь и советскому читателю¹.

Обратимся к документам, например, Киевского особого военного округа, на территории которого находился Могилев-Подольский УР². Статьи, в его строительстве принимал участие и слушатель Военно-инженерной академии П. Григоренко. В конце мая 1941 г. в штабе округа был разработан план приведения в боевую готовность укрепленных районов второй полосы, которые находились вдоль старой границы СССР. Из плана видно, что по состоянию на 28 мая 1941 г. Коростеньский, Новоград-Волынский, Летичевский и Могилев-Подольский УРы имели 1290 долговременных оборонительных сооружений, в которых было установлено 126 76-мм капонирных пушек, 2254 станковых и 1018 ручных пулеметов. Боеприпасы находились на складах укрепленных районов. Все УРы имели от 814 до 1776 человек личного состава, 16—49 автомашин, что обеспечивало поддержание сооружений в законсервированном состоянии. Их приведение в полную боевую готовность планировалось завершить на 6—7-й день мобилизации³.

Ни Сталин, ни кто-либо другой приказа об уничтожении УРов на старой госгранице никогда не отдавал. К тому же за дела, связанные с укрепленными районами, в это время отвечал Б. М. Шапошников. Оборонительные сооружения сохранялись, и с началом войны планировалось «довести их до полной боевой готовности с тем, чтобы они составили прочно укрепленный тыловый рубеж»⁴. Более того, кроме 21 имевшегося на западе укрепрайона здесь в 1940—1941 гг. намечалось построить еще 20 более мощных УРов. Однако, даже вместе взятые, они насчитывали не «десятки тысяч»; как уверяет П. Григоренко, а всего около 7000 оборонительных сооружений⁵.

Г. К. Жуков писал, что «УРы на старой государственной границе не были ликвидированы, полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках... Ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепленные районы»⁶. Однако определенную роль они сыграли.

Память о героях не должна позволить П. Григоренко утверждать, что из укреплений не было сделано «ни одного выстрела по врагу». Он не объясняет выдуманного им «злодеяния против нашего народа». Его и объяснить невозможно, потому что это неправда.

Полковник В. КИСЕЛЕВ,
кандидат военных наук

¹ Звезда. — 1990. — № 3. — С. 200.

² В последнее время перед войной он чаще назывался Могилев-Ямпольским УРом.

³ ЦАМО СССР. Ф. 131, оп. 12507, д. 25, лл. 4—5.

⁴ ЦАМО СССР. Ф. 36967, оп. 1, д. 182, л. 10.

⁵ Военно-исторический журнал. — 1987. — № 12. — С. 48, 53.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — Т. 1. — М.: Изд-во АПН, 1974. — С. 238.

ШТРАФНИКИ

(Вымыслы и документы спецслужб Геббельса на советском экране)

«Многие сегодня говорят, что в годы Великой Отечественной войны за воинские преступления¹ в штрафные роты и батальоны направлялись военнослужащие Красной Армии незаконно, часто решениями командиров, по тем или иным причинам предвзято относившихся к подчиненным солдатам, сержантам и офицерам.

О. Т. САВЧЕНКО (г. Витебск)»

АНАЛОГИЧНЫХ писем в редакции немало. Особенно их число увеличилось после издания в СССР книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», выхода на экраны страны документального фильма «Штрафники» режиссера Л. С. Дани-

¹ К воинским преступлениям в военное время по закону от 7 августа 1932 г. относились: сдача неприятелю начальником вверенных ему сил; самовольное отступление начальника от данного ему для боя распоряжения; самовольное оставление поля сражения; переписка во время войны с лицами, принадлежащими к составу неприятельской армии; похищение на поле сражения вещей, находящихся на убитых и раненых (мародерство); преступное обращение с населением в районе военных действий; дурное обращение с пленными; нарушение международных соглашений, касающихся знаков Красного Креста.

Отягчающими вину обстоятельствами совершения воинского преступления в условиях военного времени считались неповиновение, оказание сопротивления, принуждение, самовольная отлучка, дезертирство или неявка в срок, уклонение от призыва по мобилизации, членовредительство, промотание и повреждение военного имущества, нарушение уставных правил караульной и внутренней службы, злоупотребление властью, превышение власти и бездействие власти (см.: Советское право в период Великой Отечественной войны. — Ч. II. — М.: Юридическое изд-во Министр-ства юстиции СССР, 1948. — С. 5).

лова и рецензии на него В. Кондратьева, опубликованной в «Литературной газете» за 31 января 1990 года.

Безусловно, правда нынче на вес золота. Особенно правда об острых, неординарных событиях и явлениях жизни. Надо ли говорить о том, с каким интересом читают сейчас миллионы советских людей книги (ранее у нас запрещенные, но изданные на Западе), журнальные и газетные статьи, смотрят телевизор, слушают радио, чтобы узнать, как на самом деле происходили те или иные события в годы Великой Отечественной войны. Не ослабевает интерес людей к истории появления известного приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года и к созданию в структуре Советских Вооруженных Сил штрафных подразделений (рот, батальонов).

Действительно, А. И. Солженицын в указанном романе упоминал о штрафниках так: «В том же году (январь 1942 г. — В. К.) после неудач под Керчью... под Харьковом... в ходе крупного южного отступления на Кавказ и к Волге, — прокачан был еще очень важный поток офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения, — тех самых, кому по словам бессмертного сталинского приказа № 227 (июль 1942), Родина не может простить своего позора. Этот поток не достиг, однако, ГУЛАГа: ускоренно обработанный трибуналами дивизий, он весь гнался в штрафные роты и бесследно рассосался в красном песке передовой»². Как это со-

² Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. — Т. 1. — М.: Советский писатель // Новый мир, — 1989, — С. 88.

звучно с немецкой листовкой того времени: «После взятия Крыма и поражения войск ЮЗФ Германские Армии вышли на Волгу и продвигаются по Сев. Кавказу, не встречая должного сопротивления. Бойцы, не желая драться за чуждые им интересы, бросают оружие, технику и толпами сдаются в плен»³.

Л. С. Данилов в рассмотрении этого вопроса пошел еще дальше. Положив в основу сюжета фильма известный приказ И. Сталина «Ни шагу назад!» № 227, он не захотел почему-то рассказать зрителям о причинах его появления. Умолчал режиссер, на наш взгляд, и о важных моментах его. Приведу несколько выдержек из приказа⁴: «После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллион населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». И далее: «Чего же у нас не хватает!

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, ес-

ли мы хотим спасти положение и отстоять Родину...

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи... Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учипись в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу!..

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда...

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий, и прежде всего командующим армиями...

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке)

³ ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11309, д. 163, л. 66.

⁴ Приказ № 227 полностью с оригинала, подписанного И. В. Сталиным, опубликован в № 8 «Военно-исторического журнала» за 1988 г.

штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Являются ли первопроходцами А. И. Солженицын и Л. С. Данилов, авторы выше-названных работ по исследованию «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны? Нет!

Первыми дезинформаторами и фальсификаторами исторической истины о штрафниках в Советской Армии были аппарат Геббельса и спецслужбы фашистской Германии. Власовские идеологи в листовках, разбрасываемых над позициями советских войск, писали: «Большевизм — враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и наконец вовлек русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время»⁵.

В фильме Л. С. Данилова выпячивается и «доброта» гитлеровских оккупантов, НКВД расстреливает своих же, а они якобы г-т. Данилов мастерски поясняет: «Уничтожаем гадину: считалось, после этого мы станем крепче, монолитней, сильней, непобедимей...». Он настойчиво убеждает нас, что воины Советской Армии (по фильму получается 100 проц. военнослужащих) добровольно подразделениями, частями сдаются в плен. Почему? Видимо, потому, что они верили призыву гитлеровского командования и власовцев: «Война, которую ведет Германия, — это война за прогресс, борьба за создание Нового

европейского порядка, построенного на основах социальной справедливости, национальной свободы и независимости. Наш долг помогать Германии в исторической борьбе для освобождения нашей родины»⁶.

«Мы узнали немцев, убедились, что это честный, справедливый народ, мужественно борющийся за свое существование и за свои права против всех темных сил. Мы убедились, что немцы нам не враги, а верные друзья, борющиеся не против Русского народа, а против его поработителей, против кровавой сталинской большевистской шайки. Многие из нас побывали в Германии и увидели, как хорошо живет народ без большевиков и капиталистов. Избавившись от надсмотрщиков и шпионов НКВД, мы смогли сказать другу другу все, что думали, все, что у нас на душе, и мы убедились, что все мы ненавидим сталинский режим»⁷.

Однако вернемся к штрафным подразделениям. В. Кондратьев в статье «Гарии войны» заявляет: «Да, не очень-то разбирались военные трибуналы во всех этих делах — не на десять желет, а до «первой крови», а на войне не привыкать, тут кому как повезет, можно и царapiной отделаться, а — и скупил... Но не только отсюда легкость, с какой выносились приговоры, есть здесь и другое, та еще довоенная практика наших органов, когда за гвоздь, вынесенный с завода, за колосок ржи, сорванный в поле, давали чудовищные сроки. Нужна была армия бесплатной рабочей силы, которую можно послать куда угодно и на самые тяжелые работы... Так и на войне очень сгодились подразделения, которыми можно затыкать все «дыры», исправлять промахи начальства, производить разведки боем, когда ради обнаружения огневых средств противника клали на полях сражений сотни и сотни, а то и тысячи — ведь осужденные, жизнь их ничего не стоит, никто за эти жизни не ответчик. Вот и гнали в самое пекло один штрафной батальон за другим, одну штрафную роту за другой...»⁸.

Что же это за подразделения — штрафные роты и батальоны — в составе Советской Армии в годы минувшей войны, кто принимал решения и за что военнослужащие направлялись туда?

⁵ Там же, л. 3.

⁷ Там же, л. 31 об.

⁸ Литературная газета. — 1990. — 31 января.

Чтобы установить истину, мы, не выбирая, взяли четыре судебных дела, относящиеся к 1941—1943 гг. Почему мы обратились и к 1941 году, ведь тогда еще штрафных подразделений в Советской Армии не существовало? Нас побудил это сделать Л. С. Данилов. В его фильме, к примеру, показаны события, происходившие на фронте якобы в 1943—1944 гг. Здесь режиссер (он же автор дикторского текста и диктор), как и ранее, использует трофейные кинодокументы. Но знающему военную историю человеку видно, что в них запечатлены советские воины, участвующие в боевых действиях 1941—1942 гг. Об этом говорят форма одежды военнослужащих Советской Армии, вид оружия, техника и т. д.

Все же вернемся к документу 1941 года. За уголовные и воинские преступления в тот год военнослужащие, безусловно, несли ответственность, но она была разной. Как наказание применялось и **направление на передовую** (подчеркнуто мной.— В. К.)⁹. Вот один из примеров.

В октябре—декабре 1941 года в различные инстанции стали поступать жалобы на командование корпусного госпиталя (бывшего 11-го стрелкового корпуса), входившего в то время в Приморскую оперативную группу (ПОГ) Ленинградского фронта, от раненых, больных и сотрудников. Люди жаловались на плохое питание, невыдачу положенного довольствия. Однако тяжелая обстановка на ленинградском направлении не позволила оперативно осуществить контроль и проверку многочисленных заявлений военнослужащих. Лишь в начале декабря 1941 года, когда положение на фронте несколько стабилизировалось, в госпиталь был направлен для проверки жалоб инспектор Интендантского управления ПОГ — техник-интендант 1 ранга А. А. Сухоруков. 14 декабря 1941 года в рапорте о проделанной работе он докладывал, что начальник, комиссар и начальник АХЧ госпиталя «вопреки приказам о проведении жесткой экономии продуктов питания и

одновременном доведении положенных норм до больных и раненых занялись самообеспечением, создали для себя большой резерв продуктов путем преступной экономии. Созданный резерв продуктов по книге учета не оприходован и нигде не значится, хранится отдельно от общих продуктов в гараже в санитарной машине. Для хранения был привлечен шофер [Л. К. Цвейк]. Указанный запас продуктов тщательно укрывался при проверке...

При снятии натуральных остатков по основной кладовой госпиталя выявлен большой излишек основных продуктов...

Экономия в первом случае и излишек во втором случае создавались за счет недодачи больным, раненым и обслуживающему персоналу положенных норм и за счет больных, прибывших к концу дня, на которых продукты выписывались полностью дневной нормой. Например, до 30 ноября 1941 г. масло больным выдавалось на руки только по 15 г вместо 40, сахар— 25 г вместо 35, компот выписывался изредка. Обеды готовятся плохого качества, жидкие и выдаются больным и раненым уменьшенными порциями...

Имеющейся при госпитале группе выздоравливающих бойцов, нормы питания которым установлены госпитальные, между тем продукты выдавались общие, и таким путем за их счет также создавалась экономия». В рапорте А. А. Сухоруков предложил: «Все материалы на командование госпиталя передать прокурору для ведения следствия и предания суду виновных.

Требуется немедленно выслать работника для налаживания учета и отчетности по продовольствию».

Главный интендант группы в тот же день передал дело прокурору, который 15 декабря постановил: «...по изложенным обстоятельствам возбудить уголовное дело по признакам ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР...» против начальника АХЧ техника-интенданта 1 ранга Г. М. Говердова, начальника госпиталя военврача 2 ранга А. П. Соболева и комиссара госпиталя батальонного комиссара Н. С. Милюкина.

После произведенного расследования дополнительно вскрылось, что, например, Говердов с 12 ноября по 11 декабря 1941 года «снял с норм госпитального пайка команду выздоравливающих, переведя ее на общевойсковой паек, не додав им 8 кг сахара, 10 кг сливочного масла, 13 кг рыбных продуктов и прочее, излишки продуктов не оприходовались, в отчетах не показывались, скрывались в автомашине и

⁹ «Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий, с тем что осужденный направляется в действующую армию. В отношении указанных военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза ССР, допускается, по ходатайству соответствующего военного начальства, освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты, либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор» (Советское право в период Великой Отечественной войны.— Ч. II.— С. 3).

лесу и использовались сверх положенных норм Говердовым... лично Милюкиным... Соболевым и с их санкции частью работников госпиталя», а также обнаружилась другие правонарушения. При этом учитывалось, что 8 ноября 1941 года враг захватил Тихвин и перерезал последнюю железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, переправляемые затем в Ленинград, в связи с чем сложилось тяжелое положение с продовольствием на Ленинградском фронте.

Уголовное дело на командование госпиталя было передано в военный трибунал Приморской оперативной группы, который рассмотрел его 30—31 декабря 1941 года в открытом судебном заседании.

Военный трибунал признал всех троих виновными в совершении преступления и приговорил: Г. М. Говердова и А. П. Соболева «подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелять, лишив предварительно их воинского звания: Говердова — «техник-интендант 1 ранга», а Соболева — «военврач 2 ранга». Н. С. Милюкина «лишить воинского звания «батальонный комиссар» и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет, без поражения в правах. Не усматривая необходимости и целесообразности в изоляции Милюкина от общества, на основании применения п. 2 к ст. 28 УК приговор в отношении его исполнения отсрочить до окончания военных действий, с направлением Милюкина на передовую линию фронта. Если Милюкин проявит себя стойким защитником СССР, то военный трибунал может по ходатайству командования снизить ему меру наказания или вовсе освободить от такового».

3 января 1942 года А. П. Соболев обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. Он просил: «...дать... возможность искупить свою вину в качестве рядового бойца на передних позициях...» Учитывая положительную характеристику, данную А. П. Соболеву вышестоящим командованием, ходатайство было удовлетворено. Военный трибунал Ленинградского фронта 17 января рассмотрел его дело и определил ему такую же меру наказания, как и Н. С. Милюкину.

В отношении последнего в деле сохранились данные, что 14 мая 1942 года военный трибунал 48-й стрелковой дивизии рассмотрел ходатайство командования 268-го стрелкового полка, поддержанное командованием дивизии, «об освобожде-

нии от наказания красноармейца 4-й роты 268-го стрелкового полка». Трибунал определил освободить от наказания Н. С. Милюкина и возбудить ходатайство перед военным советом Ленинградского фронта о снятии с него судимости.

А на экране смонтированные Даниловым кадры: идут штрафники, окружая под Сталинградом крупную немецко-фашистскую группировку; форсируют Днепр; освобождают советские города и села; неизвестно зачем переходят государственную границу СССР; первыми врываются в Будапешт; решают судьбу Берлина. И конечно, «станковый пулемет заградотрядчика, нацеленный на идущих в это обреченное наступление, в котором не остановиться, не отойти ни на шаг...»¹⁰. Так зрителю и хочется спросить, неужели всё правда в фашистской листовке, продиктованной Геббельсом: «Вас назначили в заградительные отряды и объяснили, что вы должны уничтожить ТРУСОВ И ВРАГОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, т. е. стрелять в своих товарищей красноармейцев...»

ВАС ЗАСТАВЛЯЮТ БЫТЬ ПАЛАЧАМИ!
Вы позорите не только себя, но и своих родных, не только свой народ, но и звание бойца Красной Армии.

Ведь армия — это не охранка, не НКВД! А солдат-боец — это не арестант, не преступник!..

Вы пришли в армию, чтобы быть бойцами, защитниками народа, а теперь вас сделали его палачами. Вы стали, выражаясь блатным жаргоном, «лягавыми». С той только разницей, что «лягавые» охотятся за ворами и преступниками, А ВАС НАТРАВЛИВАЮТ НА НАРОД, НА БОЙЦОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ АРМИИ...

Железная немецкая армия несет свободу русскому народу и гибель его угнетателям и кровопийцам. ПОДЫМАЕТСЯ НА БОРЬБУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ И РУССКИЙ НАРОД. Уже много русских освободительных отрядов дерутся плечом к плечу с немцами...»¹¹.

Трудным для страны был и 1942 год. Мы это знаем и должны помнить. Знаем, а может, и не все, какой важный вклад в идейное воспитание советских людей внесли литература и искусство. Вдохновляемые партией, окрыленные ее высоким доверием, в годину тяжелых испытаний писате-

(Продолжение на с. 65)

¹⁰ Литературная газета. — 1990. — 31 января.

¹¹ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 164, лл. 26, 26 об.

Форма одежды защитного цвета в русской армии 1906—1917 гг.

На странице 1 цветной вклейки: 1 — пехотинец в летней форме одежды (приказ по военному ведомству № 632, 1907 г.); 2 — офицер кавалерии (1908 г.); 3 — рядовой стрелкового полка вие строя (1907 г.); 4 — пехотинец в летней форме одежды (приказ № 100, 1909 г.); 5 — погоны нижних чинов к 1907 г.: а) вольноопределяющегося 12-го гренадерского Астраханского полка; б) бомбардира-наблюдателя 8-й артиллерийской бригады; в) приказного 6-го Донского казачьего полка; 6 — изображения на бляхах и пуговицах пехотных, артиллерийских и инженерных войск (приказ № 552, 1907 г.): а) пехоты; б) артиллерии; в) инженерных войск; 7 — изображения на бляхах и пуговицах гренадерских частей (приказ № 552, 1907 г.): а) пехоты; б) артиллерии; в) саперного батальона и электротехнической школы; 8 — кокарда: а) для нижних чинов; б) для офицеров; 9 — фуражки: а) летняя пехотная (1907 г.); б) летняя — кавалерийских, казачьих войск, пешей и конной артиллерии (1907 г.); в) летняя офицеров, чиновников и нижних чинов управлений, заведений военного ведомства, пажей, юнкеров и студентов военно-медицинской академии 1907—1910 гг. (цвет околыша и кантов по роду войск и служб); г) походная фуражка для нижних чинов (приказ № 100, 1909 г.); 10 — нагрудный знак разведчика полевой артиллерии (приказ № 442, 1907 г.); 11 — нарукавный знак специалистов: а) сигналиста артиллерии; б) телефониста артиллерии (приказ № 442, 1907 г.); в) войскового сапера (приказ № 253, 1883 г.).

На странице 2 цветной вклейки: 1 — артиллерист в летней форме одежды лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (приказ № 100, 1909 г.); 2 — офицер лейб-гвардии Семеновского полка (1910 г.); 3 — унтер-офицер команды разведчиков пехотного полка (1910 г.); 4 — казак войск

на Донского (1910 г.); 5 — погоны личного состава гвардейских частей (1909 г.): а) цветная сторона — подпрапорщик; б) защитная сторона — младший унтер-офицер (цвет вышущек по месту полка в дивизии); в) капитан шефских рот; 6 — погоны личного состава пехотных полков (на рис. 200-й пехотный Кроншлотский полк): а) цветная сторона — фельдфебель; б) защитная сторона — старший унтер-офицер сверхсрочной службы (с 1911 г.); в) капитан; 7 — погоны личного состава кавалерийских полков (на рис. 9-й драгунский Казанский полк, до 1912 г. шифровка полагалась только в военное время): а) цветная сторона — старший унтер-офицер сверхсрочной службы (с 1911 г.); б) защитная сторона — разведчик; в) подполковник; 8 — нагрудный знак «За отличную стрельбу из винтовки» (III степень); 9 — отличия для нижних чинов специальных команд: а) охотничьих команд (команд разведчиков); б) пулеметных команд; в) унтер-офицеров пулеметных команд.

На странице 3 цветной вклейки: 1 — рядовой стрелкового полка в зимней парадной форме одежды (приказ № 106, 1913 г.); 2 — пехотинец в зимней парадной форме одежды; 3 — обер-офицер легкой артиллерии в зимней парадной форме; 4 — штаб-офицер инженерных войск; 5 — пехотинец в повседневной форме одежды; 6 — обер-офицерские эполеты: а) подпоручика 113-го пехотного Старорусского полка; б) поручика 4-го стрелкового полка; 7 — погоны гусарских офицеров (шифровка номера полка как в мирное, так и в военное время, в кавалерии введено приказом № 453, 1912 г.): а) корнета 8-го гусарского Лубенского полка; б) полковника 9-го гусарского Киевского полка; 8 — погон поручика 7-й артиллерийской бригады; 9 — воротники к парадной форме: а)

с офицерскими петлицами «За отличие» (артиллерия); б) с петлицами «За отличие» нижних чинов (пехота); в) с обычными офицерскими петлицами (пехота); г) с унтер-офицерским галуном (инженерные войска); 10 — офицерская фуражка (приказ № 106, 1913 г.); 11 — знак «За отличие» на головных уборах нижних чинов; 12 — офицерский знак по приказу № 347, 1909 г. (инженерные войска); 13 — обшлага для гренадерских частей: а) нижних чинов (кроме саперных); б) с петлицами «За отличие» для офицеров артиллерии.

На странице 4 цветной вклейки — защитная форма одежды русской армии в 1914—1917 гг.: 1, 3 — офицеры кавалерии; 2 — пехотинцы в походном снаряжении; 4 — пехотинец в зимней форме; 5 — погоны для нижних чинов: а) вольноопределяющегося разведчика 9-го драгунского Казанского полка; б) бомбардира-наводчика 3-й артиллерийской бригады; в) наездника унтер-офицерского звания; 6 — погоны офицеров и подпрапорщиков (приказ № 698, 1914 г.): а) подпрапорщика 23-го пехотного Низовского полка; б) прапорщика 90-го пехотного Онежского полка; 7 — погои охотника-добровольца (приказ № 560, 1916 г.); 8 — каска стального французского образца; 9 — папача солдатская; 10 — нарукавный знак офицерам и солдатам, бежавшим из плена (приказ № 607, 1917 г.): а) из германского; б) из австро-венгерского; 11 — отличия для раненых, контуженных или оравленных газами и возвращавшихся в строй (приказ № 710, 1916 г.): а) для нижних чинов; б) для офицеров; 12 — отличие за фактическое пребывание на фронте (приказ № 649, 1917 г.): а) для нижних чинов — желтая тесьма; для офицеров — золотой галуз, (одна нашивка — полгода).

5a

5б

5в

6a

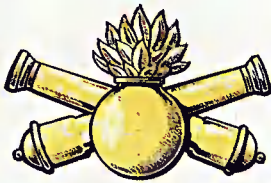
6б

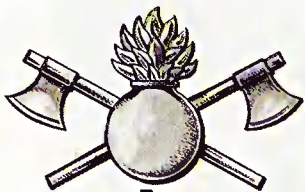
6в

7a

7б

7в

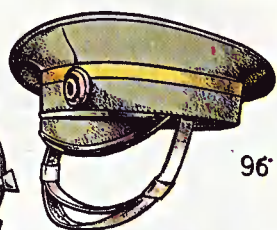
8a

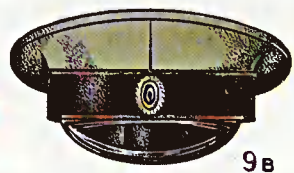
8б

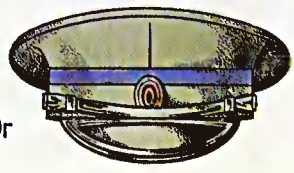
9a

9б

9в

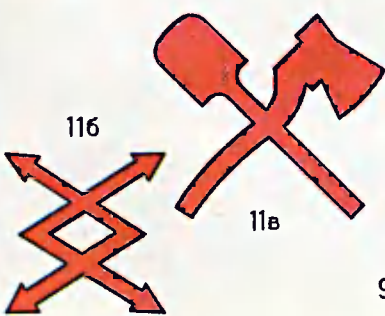
9г

11a

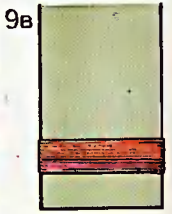
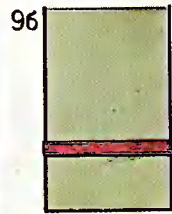
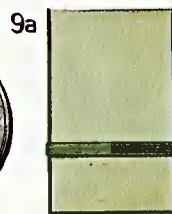
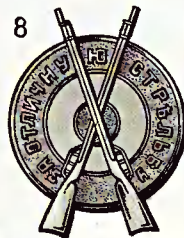
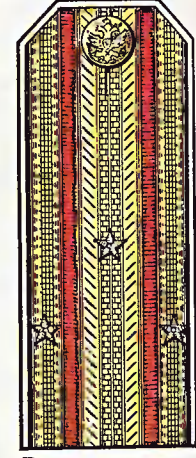
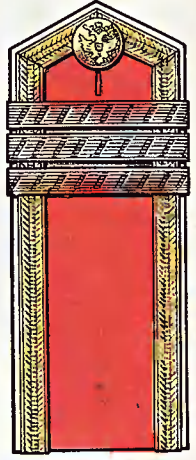
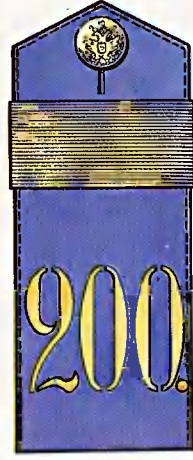
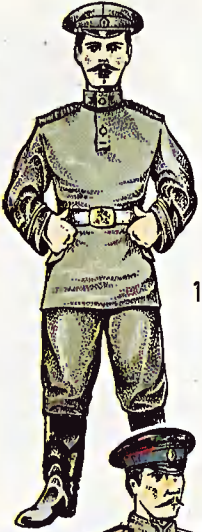

10

11б

11в

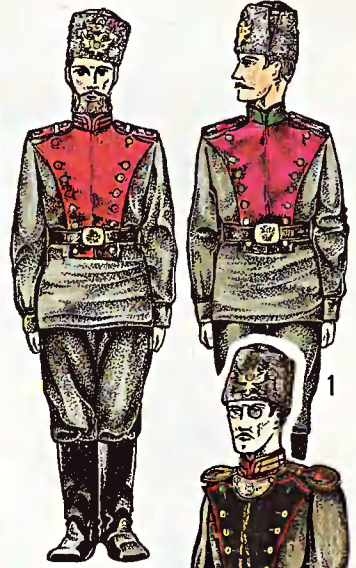

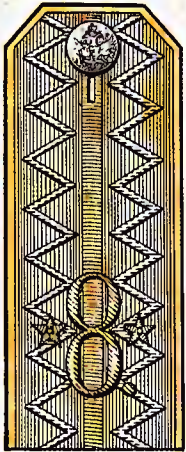
6a

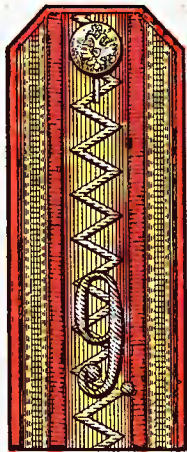
6b

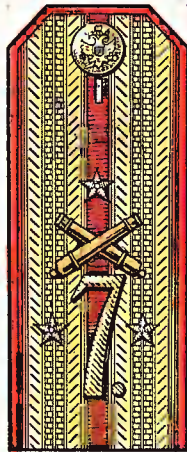
1

7a

7b

8

2

3

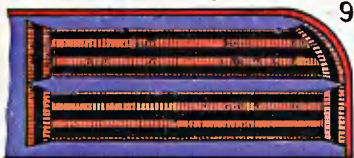

9a

10

4

9b

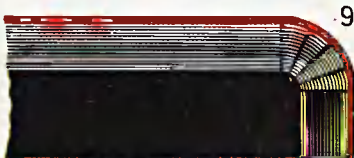
11

9c

12

9d

13a

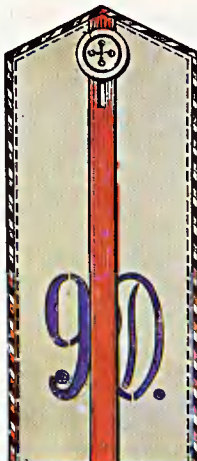
13b

5

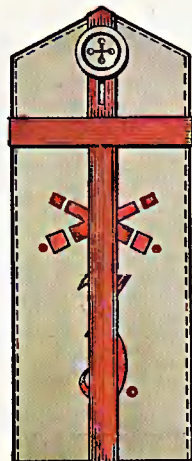

1

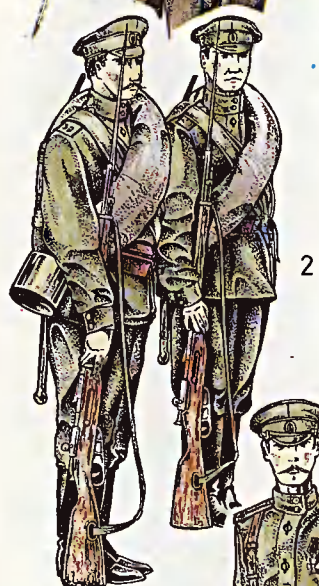
5a

56

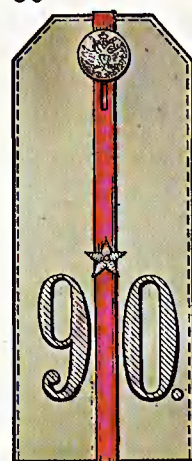
5B

2

6a

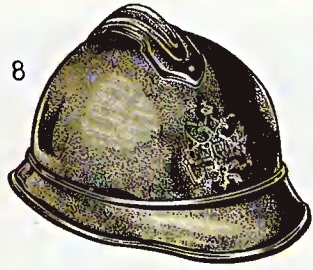
66

7

3

8

10a

4

9

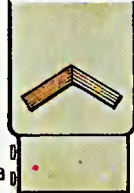
106

11a

116

12a

126

ли, художники, композиторы и кинематографисты по свежим следам событий создали многочисленные произведения, воодушевляющие советских людей на ратные и трудовые подвиги, укрепляющие в них чувство патриотизма. Во второй половине 1942 года были опубликованы публицистические статьи А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, И. Эренбурга и других, а также художественные произведения, посвященные Великой Отечественной войне: «Радуга» В. Василевской, «Письма товарищу» Б. Горбатова, «Морская душа» Л. Соболева, «Наука ненависти» М. Шолохова и другие. Большой популярностью пользовались пьесы «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова. Близкими каждому читателю стали герои поэтических произведений «Слово о 28 гвардейцах» Н. Тихонова и «Зоя» М. Алигер. В сентябре 1942 года начала печататься в газете Западного фронта «Красноармейская правда» поэма А. Твардовского «Василий Теркин».

Своим искусством помогали укреплять духовные силы народа и советские кинематографисты. Военной теме было посвящено творчество советских художников и композиторов. Большой силой воздействия обладали плакаты Б. Ефимова, Н. Жукова, П. Васильева, В. Корецкого, Кукрыниксов и других, созданные в 1942 году. Тема народного героизма получила отражение в песнях композиторов И. Дунаевского, А. Александрова, К. Листова, Б. Мокроусова, А. Новикова, В. Соловьева-Седого, Т. Хренникова и поэтов М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, М. Светлова, А. Суркова, в кантатах и ораториях Д. Кабалевского, Ю. Шапорина. Незабываемым событием в культурной жизни страны стало исполнение 7-й симфонии Д. Шостаковича.

В 1979 году по Центральному телевидению демонстрировалась правдивая, документальная двадцатисерийная кинолента «Великая Отечественная война». В создании ее участвовал и Л. С. Данилов. И вдруг — «Штрафники», в основу которых положены кинодокументы, смонтированные геббельсовским пропагандистским аппаратом. В каждом кадре тут видна рука фашистского режиссера, в каждом эпизоде — злобная ненависть к нашему прошлому. Как созвучно все с призывом измен-

ника Родины Власова: «Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!..

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину.

Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: Да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ!..»¹².

Однако вернемся к событиям 1942 года. В сложной стратегической обстановке на фронте и неблагоприятных экономических условиях в стране усиливается охрана социалистической собственности, еще решительнее проводится борьба со всеми посягательствами на нее. Ужесточается контроль за деятельностью должностных лиц, по вине которых наносился ущерб боеспособности Вооруженных Сил. В руководящих документах того времени отмечалось, что «хищение военного имущества военнослужащим является посягательством на боевую мощь армии...»¹³. «В ряды армии попадают преступные элементы, которые расхищают жизненно необходимые для снабжения армии предметы: оружие, снаряжение, обмундирование, горючее, продовольствие и пр. При этом преступниками нередко являются лица, непосредственно отвечающие за сохранность и сбережение имущества. Благоприятную почву для расхищения, разбазаривания утраты и порчи военного имущества создают преступная бесхозяйственность, невежественное хозяйствование, бесконтрольность, а иногда попустительство со стороны отдельных начальников, призванных оберегать военное имущество, плохая охрана хранилища, транспортов и т. п.

Важнейшая задача органов военной юстиции состоит в применении строжайших мер уголовного наказания не только в отношении лиц, непосредственно посягающих на военное имущество, но и в отношении тех должностных лиц Советской Армии, которые своей бездеятельностью или слабостью руководства создают ус-

¹² Там же, д. 163, лл. 10 об., 44.

¹³ Ч хиквадзе В. М. Военно-уголовное право. — Часть II. — Особенная. — М.: Изд РИО ВЮА. 1947. — С. 11.

ловия, благоприятствующие подобным посягательствам и затрудняющие борьбу с ними»¹⁴,

Рассмотрим еще одно судебное дело, относящееся теперь к 1942 году, после выхода к тому же и приказа № 227.

26 ноября 1942 года секретарь партийного бюро 27-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона старший лейтенант Анохин в рапорте доложил начальнику политотдела 153-го укрепленного района батальонному комиссару Грушкину следующее: «...31 октября 1942 года были отпущены командиром батальона майором В. Гринченко помощник командира батальона по материальному обеспечению лейтенант интендантской службы В. П. Подгорнов и шофер Б. В. Воловик в отпуск до 13 ноября 1942 года, но они приехали 16 ноября 1942 года.

Когда Подгорнов уезжал, забрал с собой сверх положенной нормы 10 кг мяса, 3 кг комбижира, 1 кг сахара, 10 пачек табака, 3 буханки хлеба. Это все получил шофер Воловик. Выдал кладовщик, но выписано было на кухню.

Обнаружено 9 поддельных накладных, о которых заведлопроизводством И. А. Ляпин донес рапортом интенданту С. Н. Власенко, но меры последний не принял. Хуже того, он скрыл преступление.

11 ноября 1942 года под руководством начальника интендантской службы Власенко организована пьянка, где участвовали...

Утром Власенко принес на квартиру шофера Г. И. Ломилина 10 кг мяса и ранее было принесено 10—15 кг муки... Это все за счет желудка красноармейцев...»

По данному рапорту и другим было назначено административное расследование, произведенное военным дознавателем 153-го укрепленного района лейтенантом Сердюковым. Вскрылось, «что Подгорнов В. П. с августа включительно по октябрь 1942 года занимался злоупотреблением по службе в корыстных целях. Подчиненным приказывал продавать дрова, деньги отдавать ему. В результате им получено денег до 45 тыс., и незаконно получал в кладовой продукты...»

Дело было передано в военную прокуратуру Московской зоны обороны, которая избрала меру пресечения, констатируя: «Оставление Подгорнова на свободе сопряжено с возможностью уклонения его от следствия и суда Военного трибунала».

В результате тщательной следственной работы военная прокуратура Московской

зоны обороны привлекла к уголовной ответственности «В. П. Подгорнова, С. Н. Власенко, А. В. Алимова, майора Гринченко, шофера Воловика и завскладом Рыбалка». Им вменялось: «Помощник командира 27-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона по материальному обеспечению Подгорнов Василий Павлович, начальник интендантской службы того же батальона Власенко Сергей Николаевич и кладовщик Алимов Антон Васильевич по предварительному сговору систематически злоупотребляли служебным положением в корыстных целях, т. е. совместно пьянствовали, а на закуску брали продукты, принадлежащие бойцам, этим возбуждали недовольство среди личного состава. Кладовщик Алимов, получая на мясокомбинате города Калуги сбой (головы, легкие и т. д.) из расчета 2 кг за 1 кг мяса, бойцам выдавал 1 кг сбоя за 1 кг мяса. Таким путем за октябрь и ноябрь недодало бойцам 245 кг мяса, из которого Алимов готовил разные блюда, употребляемые на закуску. Совместно с указанными лицами занимался пьянством командир батальона майор Гринченко, который не контролировал работу подчиненных, в результате чего Подгорнов на протяжении двух месяцев использовал автотранспорт, принадлежащий батальону, в личных корыстных целях. По его приказанию шофер Воловик возил в Калугу дрова, продавал от 1000 до 1500 руб. каждую автомашину и передал Подгорнову не менее 45 тыс. рублей. На свои нужды израсходовал 1500 руб. Завскладом Рыбалка не контролировал работу Алимова, поручая начальнику караула, охранявшему овощехранилище, выдавать картофель. Кроме того, при заготовке не перевешивал картофель, доверяя Алимову. В результате получилась недостача картофеля свыше 7 тонн. Таким образом, Гринченко, Рыбалка, Воловик совершили преступления, предусмотренные ст. 193—17 п. «б», но, принимая во внимание, что Гринченко своими действиями не причинил вреда государству, а за все материальные ценности отвечал его помощник по материальной части Подгорнов и начальник интендантской службы Власенко, поэтому его действия надлежит квалифицировать по пункту «в» ст. 193—17 УК РСФСР».

12 января 1943 года в открытом судебном заседании Военного трибунала 20-го района авиабазирования Западного фронта слушалось дело вышеназванных военнослужащих. Суд приговорил: В. П. Подгорнова к расстрелу, С. Н. Власенко к лише-

¹⁴ Там же. — С. 144.

нию свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет, А. В. Алимova — на 7, обоих без поражения в правах, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. В связи с этим оба подсудимых были освобождены из под стражи и направлены: Власенко — в штрафной батальон, а Алимов — в штрафную роту.

Итак, мы рассмотрели два судебных дела, относящиеся к 1941—1942 гг. Они показывают и теневую сторону состояния дел в Советской Армии в то время. Однако, как сказал В. Кондратьев, «чтобы осознать всю пропасть между полуправдой, которая, как говорится, хуже всякого вранья, и подлинной, беспощадной правдой...»¹⁵, это необходимо делать, а то так недалеко и до оправдания власовцев. Они ведь тоже призывали: «История не поворачивается вспять. Не к возврату к прошлому зову народ. Нет. Я зову его, — писал в так называемом открытом письме Власов, — к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа...

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнослужащих, но и в широких массах Русского народа в области, где господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность встать под знамена Русской Освободительной Армии, дает мне право сказать, что я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, — правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что

¹⁵ Литературная газета. — 1990. — 31 января.

русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, в корне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут верить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступал и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша. Прошлое Русского народа — наше! Будущее Русского народа — наше!

Многочисленный русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье»¹⁶.

Полковник В. П. КРИКУНОВ

¹⁶ ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 163, л. 44 об

(Продолжение следует)

РАССКАЖИТЕ О ВЛАСОВЕ

«Товарищи из редакции «Военно-исторического журнала»! Вам пишет ветеран Отечественной войны и труда из Башкирии Ф. А. КУЛУЕВ.

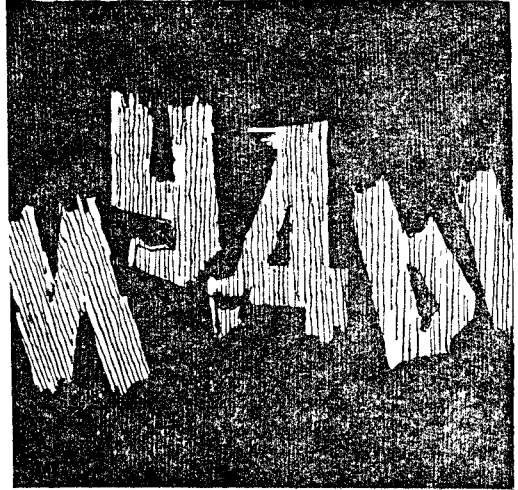
Я хочу поделиться с вами мыслями, так как выписываю и с удовольствием читаю журнал.

Мне сейчас 69 лет. Великую Отечественную войну прошел со своей частью гвардейских минометов с 1942 года (Волховский, Северо-Западный, 3-й Белорусский и 2-й Прибалтийский фронты), так что я много видел своими глазами. И сейчас вот о чем вспоминаю. Мне не раз вольно или невольно приходилось читать на фронте выброшенные немцами на нашу территорию разные листовки и газеты. Помню, однажды пришлось поднять газету власовцев («Русской освободительной армии», как они там писали). Под заголовком газеты было такое изречение: «Смерть Сталина спасет Россию», — и далее шли всякие факты о Сталине.

В настоящее время из печати мы узнали, что Сталин как бы оказался врагом Страны Советов.

Власовцы и сам Власов действительно были изменниками своей Родины и воевали против своего народа злее немцев, это знает каждый фронтовик. Но возникает вопрос, когда читаем сегодняшнюю прессу, о том, что, может, власовцы еще в те времена знали правду о Сталине и хотели нас в этом убедить, а мы тогда не понимали? Сейчас мы как будто становимся порой, читая нашу прессу, идеализирующую Власова, единомышленниками власовцев. У меня в голове никак не укладывается такая мысль. Наверное, о том, о чем я пишу, думают и многие другие ветераны войны, так как газеты власовцев встречал не я один.

Хотелось бы узнать об этом мнение нашего журнала и его читателей».

(Власовцы на службе у фашизма)

В ПОСЛЕДНЕЕ время в Главную военную прокуратуру хлынул поток писем с просьбой о пересмотре тех или иных уголовных дел. Какие только фамилии не упоминаются в этих письмах! Зачастую — отпетых преступников и предателей, к примеру приспешников Берии или же прислужников Гитлера. Вот и ка небезызвестных «героев» второй мировой войны — власовцев стремятся надеть терновый венок мучеников-страдальцев, представить их стойкими народными борцами против сталинизма...

Листаешь уголовное дело «власовского ядра» — двенадцати бывших советских генералов и старших офицеров, вчитываешься в страницы 29 томов и диву даешься спекулятивной предприимчивости, наглости и безнравственности торговцев честью, моралью, долгом, Родиной.

Приведем выдержку из приговора Военной коллегии Верховного суда СССР, где указывается, что в закрытом судебном заседании в городе Москве 30, 31 июля и 1 августа 1946 года рассмотрено дело по обвинению:

«1) б[ывшего] заместителя командующего войсками Волховского фронта и командующего 2-й Ударной армией генерал-

лейтенанта Власова Андрея Андреевича, 1901 г[ода] р[ождения], уроженца деревни Ломакино Гагинского района Горьковской области...

2) б[ывшего] начальника штаба 19-й армии генерал-майора Малышкина Василия Федоровича, 1896 г[ода] р[ождения], уроженца Марковского рудника Сталинской области...

3) б[ывшего] члена военного совета 32-й армии бригадного комиссара Жиленкова Георгия Николаевича, 1910 г[ода] р[ождения], уроженца гор[ода] Воронежа...

4) б[ывшего] заместителя начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-майора Трухина Федора Ивановича, 1896 г[ода] р[ождения], уроженца города Костромы...

5) б[ывшего] начальника Военно-морского училища ПЗО в городе Либаве генерал-майора Берсговой службы Благовещенского Ивана Алексеевича, 1893 г[ода] р[ождения], уроженца города Юрьевца Ивановской области...

6) б[ывшего] командира 21-го стрелкового корпуса генерал-майора Закутного Дмитрия Ефимовича, 1897 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Зимовники Ростовской области...

7) б[ывшего] начальника санатория Аэрофлота в г[ороде] Ялте полковника запаса Мальцева Виктора Ивановича, 1895 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Гусь-Хрустальный...

8) б[ывшего] командира 59-й стрелковой бригады полковника Буняченко Сергея Кузьмича, 1902 г[ода] р[ождения], уроженца села Коровякова Глушковского района Курской области...

9) б[ывшего] командира 350-й стрелковой дивизии полковника Зверева Григория Александровича, 1900 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Ворошиловска...

10) б[ывшего] заместителя начальника штаба 6-й армии полковника Меандрова Михаила Алексеевича, 1894 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Москвы...

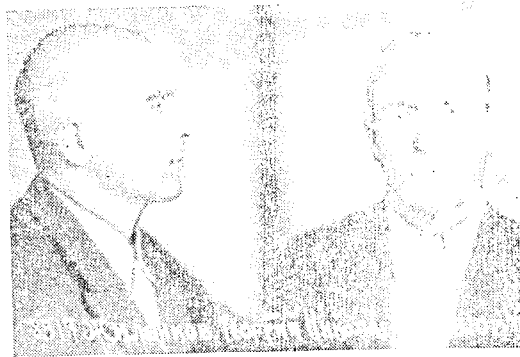
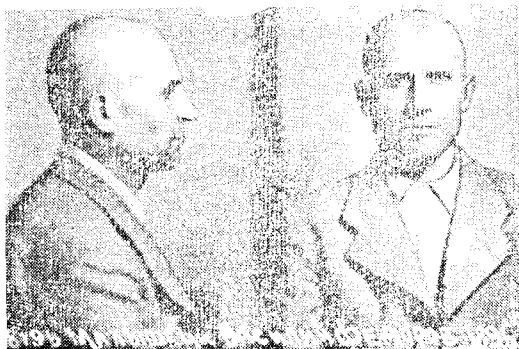
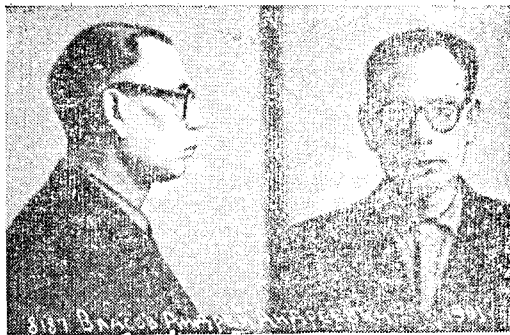
11) б[ывшего] помощника начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта подполковника Корбукова Владимира Денисовича, 1900 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Двинска...

12) б[ывшего] начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа подполковника Шатова Николая Степановича, 1901 г[ода] р[ождения], уроженца деревни Шатово Котельничского района Кировской области...

Предварительным и судебным следствием установлено:

подсудимые... являясь военными служащими и будучи антисоветски настроенными, в напряженный для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили социалистической Родине и в разное время добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск...

Анализируя эту выдержку, пытаешься осмыслить фразу «будучи антисоветски настроенными» и приходишь к выводу, что она

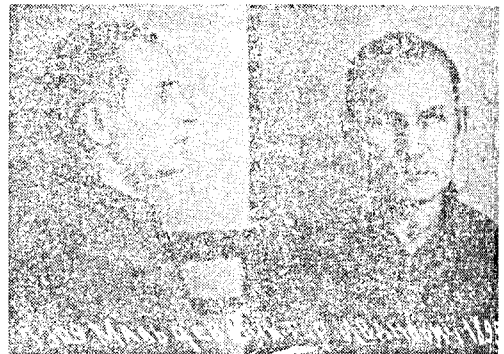
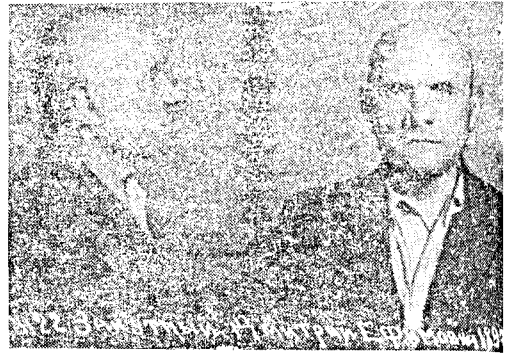
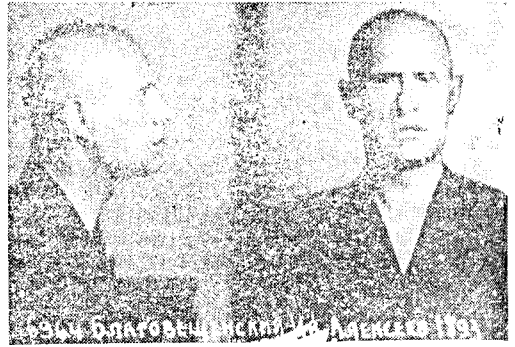

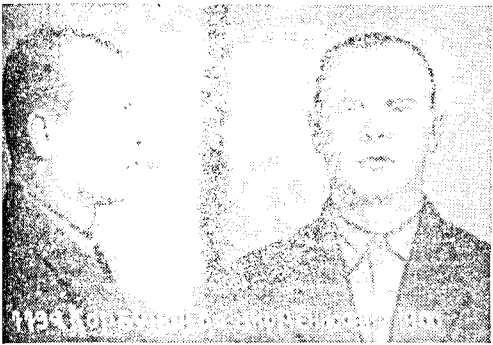
¹ В настоящее время Донецкая область.

не совсем точна и вставлена членами суда для придания большей весомости и преступникам, и следствию. Хотя что может быть страшнее предательства? И все же, если бы Власовым и его компанией действительно управляло последовательное неприятие социалистических идей и советского образа жизни, то оценить их враждебные поступки было бы в какой-то мере проще. Что ж тут судить столь строго, коль у людей иные взгляды на устройство жизни?.. Но это далеко не так. Изучая следственные и судебные материалы, сравнивая их с показаниями свидетелей и обвиняемых того времени и «примеряя» к высказываниям нынешних защитников «патриотов»-изменников, приходишь к закономерному выводу: Власов и его ближайшее окружение отнюдь не идейные борцы. В них было столько же идейности, сколько ее имеет флюгер, послушно поворачивающийся за ветром. А если они и боролись, то только за свое существование. В любой ситуации ставили во главу угла личное благополучие, стремясь отыскать наиболее безопасное и защищенное место обитания.

О каком идейном борении может идти речь, если все помыслы «борцов» уходили на то, чтобы перестроить всего себя под требования и уклад жизни приютившей их среды, на обдумывание ходов возможного возвращения в преданное ими общество. Шатов, к примеру, добровольно переходя на службу к оккупантам, на всякий случай припрятал в «надежном месте» билет члена ВКП(б), что не помешало ему затем активно «состоять» в антикоммунистической «партии»². Ну а Власов, тоже на всякий случай, почти всю войну держал при себе советскую партийную книжицу и расчетную книжку начальствующего состава Красной Армии. Их обнаружили при его аресте вместе с книжкой военнослужащего «Русской освободительной армии» (РОА), временным удостоверением о награждении «добровольческой» медалью, германскими имперскими марками (более 30 тыс.) и датскими кронами, золотыми «мирскими» вещами и золотым крестом... Так и напрашивается образ библейского Иуды Искариота, предавшего своего учителя за тридцать сребреников. Правда, Власов запросил за свое предательство более высокую цену, чем его древний предшественник. Возможно, считал, что сребреники иудиной поры котировались значительно выше фашистской валюты, а может, потому, что вместе с другими иудами — своими сообщниками предавал целый народ.

² Меандров же, прислуживая фашистам и работая на их разведку, в течение полутора лет сумел стать членом трех политических организаций, а именно: «Русской трудовой народной партии» (РТНП), «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП) и «Политического центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Все они объявили своей главной целью свержение в СССР советского строя и установление буржуазных порядков, но последняя из них, пожалуй, была наиболее враждебной и агрессив-

Продажный характер Власова подтверждало и другое содержимое его личного «сундука». Помимо перечисленного здесь, о чем свидетельствует протокол обыска, имелись переписка с фашистскими боссами и «открытое письмо солдат и офицеров 1-й дивизии РОА» к правительствам США и Великобритании с просьбой (это уже в 1945 г.) о предоставлении убежища «политическим эмигрантам». Так сказать, запастись разнообразными атрибутами для различной среды обитания, всевозможными «рекомендательными» предметами тем или иным хозяевам — «на предьявителя».

«Идейность» власовцев, подобно коже склонных к мимикрии рептилий, приобретала тот же «цвет», в какой были окрашены мысли, планы и дела их временных опекунов-попутчиков. Они — иуды-хамелеоны. Причем не только в переносном смысле. Стремление выжить в любой ситуации и при любом строе вынуждало их изменять «окраску кожи» — наряжаться то в советскую, то в фашистскую военную форму, а в последний год своей предательской карьеры подумывать об ином облачении (американском или английском мундире).

ной. «Разработанным планом практической деятельности ПЦБ, — показывал Меандров на допросе 16 марта 1946 г., — предусматривалось подготовить из числа пленных воздушный десант численностью до 5 тыс. человек, перебросить его с помощью авиации немцев в район рек Северная Двина—Обь и от Крайнего Севера до Сибирской железнодорожной магистрали захватить в свои руки расположенные в этих районах лагеря НКВД, привлечь заключенных и ссыльных на сторону повстанцев, вооружить их и вместе с ними, пользуясь отдаленностью районов от Западного и Восточного фронтов и от жизненных центров страны, а также отсутствием крупных военных гарнизонов, развивать повстанческую деятельность в направлении на юг. Расширяя таким путем районы действий повстанческих групп и привлекая к восстанию антисоветские и неустойчивые элементы, мы намеревались овладеть промышленными центрами Урала, отчленить Западный фронт от Дальнего Востока и лишить Советский Союз важнейшей стратегической базы на Урале...» Меандров, по его признанию, являлся членом руководящего ядра ПЦБ и принимал непосредственное участие в обсуждении планов проведения диверсионных операций в тылу советских войск. Вовлечение Меандрова в активную деятельность «Политического центра борьбы с большевизмом» значительно «обогатило» теоретическую и идеологическую платформу организации, а также «усилило» ее практическую направленность. Он к примеру, явился одним из соавторов популярной в то время среди антисоветчиков брошюры «СССР и мировая революция». По признанию Меандрова, «содержание этой брошюры сводилось к клеветническому утверждению, что Советское правительство якобы в течение долгих лет готовило агрессивную войну против народов Европы, в результате чего и возникла настоящая вой-

Показания власовской верхушки в ходе следствия и на суде убеждают, что «животное процветание» если не полностью удовлетворяло всех ее представителей, то и не вызывало у них особых угрызений совести. Выражая общую иудину настроенность, Жиленков заявил на суде: «Я жил у немцев неплохо, а поэтому и имел такой выхоленный вид немецкого генерала...»

Перечитываешь в который раз эти безнравственные строки и с тревогой думаешь о том, что ведь и сейчас по нашим улицам, в наших домах, в самых разных учреждениях ходят, копят богатства и владычества, спекулируя красивыми «идейными» фразами и доверием людей, не в таком уж малом числе приспособленцы и торговцы идеалами с психологией и нравственными устоями власовых, жиленковых, шатовых. Предел их мечтаний — ЖИТЬ НЕПЛОХО и ИМЕТЬ ТАКОЙ ВЫХОЛЕННЫЙ ВИД. А для этого нужно лишь, отвергнув принципы и понятия о совести и долге, подняться над «чернью», приобрести соответствующее кресло и оклад, научиться провозглашать декларативные и «декоративные» фразы.

Конечно, нельзя слишком упрощенно смотреть на предпосылки к предательству власовского «генералитета». Не на само предательство, а именно на предпосылки к нему. Взять, к примеру, Шатова. Вот как он излагал оправдательные мотивы, подтолкнувшие его к измене.

на с Германией». Так вот когда и где родилась клевета на СССР, кощунственное обвинение против нашей страны в чужих захватнических грехах! Так вот чьи лживые басни повторяют взахлеб нынешние зарубежные и доморощенные псевдоисторики и псевдодемократы, с упоением и озлобленностью муссируя геббельсовскую и власовскую сплетню о вине Советского Союза в развязывании второй мировой войны!.. Меандров был основным составителем «Устава военно-политической борьбы» ПЦБ. В «Уставе» подробно излагались инструкции предполагаемым диверсионным отрядам: действия в лесу после парашютной высадки, выбор места временного базирования, захват населенных пунктов и их последующая оборона, нападение на исправительно-трудовые лагеря НКВД, «освобождение» заключенных и их вербовка в диверсионные отряды. Меандров же проводил практические занятия по тактике с группой офицеров—членов ПЦБ. В июле 1943 г., выполняя указание высшего германского командования (задачу поставил гауптштурмфюрер СД Кюндель), он сколотил из членов ПЦБ карательный отряд для действий на территории СССР. С этим же отрядом (командир — лейтенант СС Фюрст) спустя непродолжительное время прибыл в город Остров. Здесь началась усиленная подготовка к карательным акциям. Но поскольку из отряда 15 человек перебежали к партизанам, немецкое командование всполошилось и отравило диверсантов с советской земли в польский город Радом, а оттуда, видимо, для профилактики в лагерь военноплен-

Во второй половине октября 1941 года он был вызван в штаб Северо-Кавказского военного округа (СКВО), где служил заместителем начальника артиллерии округа по артснабжению. Вызов исходил от маршала Кулика, «приехавшего наводить порядок в войсках» в связи с прорывом немцев к Таганрогу. От подполковника Шатова потребовался доклад об обеспечении двух вновь сформированных дивизий вооружением и о срочной эвакуации артиллерийских складов. Маршал не удовлетворился докладом и в присутствии командующего округом генерал-майора Ремезова³, члена военного совета корпусного комиссара Николаева, секретаря Ростовского обкома ВКП(б), тоже члена военного совета СКВО, Двинского и начальника штаба полковника Бармина обвинил Шатова во вредительстве. Тот в ответ попытался объяснить, что действует в соответствии с указаниями как командующего округом, так и начальника артиллерии генерал-майора Карпофилина. Грубой бранью маршал оборвал оправдания подполковника, выхватил пистолет. Увидев направленный на него ствол, оторопевший Шатов, по его словам, только и успел выдать: «Товарищ маршал!.. Я двадцать два года честно прослужил в армии, прошу пощадить!..» Вслед за этим Кулик несколько раз ударил его рукой по лицу.

Что сказать, ситуация и обидная, и унижительная для Шатова. Повинен в ней все-

ных — в Ченстохов. Самого же Меандрова, рвавшегося в бой с большевизмом, по его многочисленным просьбам и по ходатайству Кюнделя перевели в «свободный лагерь» под Бреславлем. Командантом здесь являлся сам Кюндель, а Меандров стал у него помощником. Их подопечными были советские военнопленные — в основном инженеры и техники, которых вынудили дать согласие работать в немецкой промышленности. Из них также была создана диверсионная группа в количестве 25 человек, усиленно изучавшая радиоаппаратуру. В конце декабря 1943 г. она, возглавляемая белоэмигрантами Семеновым и Кочубеем, куда-то выехала. Зарабатывая благосклонность и доверие хозяев, Меандров продавал «оптом и в розницу» всех своих бывших сослуживцев по Советской Армии. «В течение июня 1942 года, — откровенничал он на допросе, — я написал подробную докладную записку об известных мне секретных данных 6-й армии, в частности о ее численном составе, вооруженности, местах боевых действий, оперативных планах командования и по другим вопросам, которые могли интересовать немцев». Весь этот иудин материал Меандров носил частями офицеру германской разведки Ариолу. Ну а когда пришло время держать ответ за измену, он с такой же готовностью продавал «союзников» по предательству.

³ Шатов ошибается: Ф. Н. Ремезов в то время имел звание генерал-лейтенант.

цело Кулик, спровоцировавший конфликт. Но разве даже такая крайняя ситуация может оправдать то, что совершил Шатов? Разве должен был он обиду на обидчика переносить на всех своих сослуживцев, на всю армию, на весь народ? Да и осмысленная, неторопливая подготовка к предательству убеждает в том, что не сиюминутное оскорбление руководило Шатовым, сделавшим роковой шаг. Рассчитывая, что советские войска долго не продержатся под натиском германской армии, он решил сдаться на милость победителя и тем самым спасти свою жизнь. «Узнав в Батaysке, что разгрузка боеприпасов идет нормально, — рассказывал он на допросе 14 сентября 1945 года, — я оттуда в штаб СКВО не возвратился, а пошел на квартиру работавшей в то время у нас в отделе бухгалтерии... Нестеренко и попросил ее, чтобы она посидела со мной в подыскании квартиры, где бы я смог скрыться от командования Красной Армии и дожидаться прихода немецких войск. При этом мною руководило только, как я сказал, незаслуженное оскорбление от маршала, но не политические убеждения... На новую квартиру я переехал ночью и проживал в ней, скрываясь до прихода немцев, один месяц... С приходом немцев в Ростов... я явился в комендатуру, но принят не был, так как, очевидно, в связи с неустойчивым положением в Ростове в тот день комендатура не работала. В комендатуру я заходил в гражданском платье, в котором и до этого проживал на новой квартире. Все документы я имел при себе, за исключением партийного билета, который я спрятал во дворе... На второй день немцы покинули Ростов, и я также с группой гражданских лиц, не желающих оставаться в городе, пошел пешком в Таганрог, куда прибыл 28 или 29 ноября 1941 года...» Так что времени для того, чтобы опомниться, у Шатова было предостаточно. Ведь в Таганроге, ожидая, когда хозяева, на службу к которым он так стремился, обратят на «обиженного» подполковника внимание, он в течение полутора месяцев ходил в полицию отмечать свое терпеливое холуйское присутствие и иудину готовность к предательству. И дождался, подтвердив эту готовность в Хаммельбургском лагере советских военнопленных офицеров, куда был направлен после соответствующей обработки германской разведкой в июле 1942 года. «В этот же лагерь, — показывал следствию Шатов, — летом 1942 года приезжал полковник Боярский с целью вербовки во власовскую армию, я тоже изъявил желание и записался». К этому времени Шатов стал не только рядовым членом «Русской трудовой народной партии», но и председателем ее комитета. По его словам, эта организация ставила своей задачей свержение Советской власти и установление на территории Советского Союза (при помощи немцев) буржуазного строя. Для практического осуществления этой задачи намечалось создать «свою армию» из числа военнопленных. С теми же, кто не соглашался на предательство или мешал работе

активистов РТНП, жестоко расправлялись с помощью германской разведки, которую в Хаммельбургском лагере представлял зондерфюрер Арноль. Вот что сообщил об этом Шатов: «Являясь председателем комитета РТНП, я уже имел постоянную связь с Арнолем и доносил ему о лицах, которые проводили антифашистскую деятельность и противодействовали проведению антисоветской деятельности среди военнопленных лагеря... В сентябре — октябре 1942 года, бывая у Арноля, я донес ему, что содержащиеся в Хаммельбургском лагере пленные генерал Шепетов и майор Новодаров среди военнопленных проводят антифашистскую агитацию и мешают проводить антисоветскую работу комитету и членам организации РТНП. Фамилии других лиц, о ком мне приходилось сообщать немцам, я не помню...»

По словам Шатова, доносы он оформлял исходя как из личных наблюдений за соотечественниками, так и информации других членов РТНП. Особенно усердствовал в этом деле бывший командир 13-й стрелковой дивизии Наумов. В один из дней в умывальнике была обнаружена записка, в которой Наумов предлагалось снять с себя знаки отличия советского генерала, поскольку он, как изменник, носить их не достоин. Тот побегал жаловаться Шатову, высказав подозрение, что авторы записки — Шепетов и Новодаров. При этом сообщил, что генерал Шепетов не так давно заявил одному из активных членов РТНП бывшему майору Дикому: «Ты, Дикий, изменник Родины. Как только мы будем освобождены из немецкого плена, повесим тебя на первом сучке, петля для тебя готова». Информацию Наумова Шатов передал зондерфюреру Арнолю.

Продажную роль «народных партийцев» подтвердил и Благовещенский, который входил в руководящее ядро этой иудинской организации (он называл себя членом ЦК) с ноября 1941 по июнь 1942 года. В то время представителем германской разведки в Хаммельбургском лагере являлся капитан Зиферт, который, по словам Благовещенского, фактически руководил всей деятельностью «Русской трудовой народной партии» и ее «Центрального комитета» и с помощью членов так называемого «секретного отдела» РТНП собирал сведения о «неблагонадежных». По признанию Благовещенского, агенты-осведомители и полицейские лагеря выявляли среди военнопленных политработников, а также лиц, враждебно настроенных против немцев, и выдавали их руководству РТНП, а те в свою очередь — Зиферту. «Должен сказать, — сообщал Благовещенский, — отделяя себя от сообщников-иуд, — что их предательская работа была довольно активная, ибо мне известно, что в одном из своих отчетов немцам, составленном в феврале 1942 года... указывалось, что членами «Русской трудовой народной партии» было выявлено и предано в руки гестапо более 2000 советских военнопленных, которые затем были уничтожены».

В Хаммельбургском лагере хозяева предоставили «обиженным на Родину» еще одну возможность для изменнической дея-

тельности, организовав «Военно-исторический кабинет». Втянутые в это «научное общество» бывшие командиры, находившиеся в лагере, составляли справки по отдельным военным округам. Они отвечали на следующие вопросы: «Наличие войск к моменту начала войны с Германией?», «Развертывание военных действий?», «Формирование частей и их обеспечение?» и др. Эти материалы, по словам Шатова, отправлялись в Берлин, где они обрабатывались и систематизировались. «Я также писал справку по вышеуказанным вопросам, — сознался он, — по Северо-Кавказскому округу. За эти труды мы получали лишнюю порцию пищи». Даже не тридцать сребренников!..

Неистребимую «обиду» на Советскую власть затаил и Мальцев. Война с Германией застала его в Ялте в должности начальника санатория Аэрофлота. Там же и дожидался «освободителей», посчитав символическим вступление в город оккупантов в начале ноября, в дни 24-й годовщины Октябрьской революции. Раскрывая свою иудину душу капитану СС Хайнцу, Мальцев заявил, что ненавидит Советскую власть за свой арест органами НКВД в 1938 году и за то, что «после освобождения из-под стражи меня назначили начальником санатория, тогда как я имел звание полковника и занимал ранее видные командные должности в Красной Армии, в частности являлся командующим ВВС Сибирского военного округа». Немцы оказались «лояльны и щедры» к Мальцеву, доверив ему командовать авиацией власовской армии. И тот очень гордился таким доверием, а еще тем, что вербовал «под свое крыло» других бывших советских летчиков. «В январе 1944 года, — показывал он в ходе следствия, — я выезжал в [местечко] Зюдаун-Зюд (Польша), где содержались бывшие советские летчики, перешедшие на службу к немцам. Из их числа я завербовал в РОА 10 человек... Вербовку летчиков я также производил в лагере военнопленных в [городе] Морицфельде. В марте 1944 года там же был завербован в РОА Герой Советского Союза капитан Бычков, которого я длительное время обрабатывал в антисоветском духе... Из этих летчиков в начале февраля 1945 года мною была сформирована истребительная эскадрилья под командованием бывшего капитана Красной Армии Бычкова, получившего затем звание майора РОА».

Мальцев по указке хозяев активно занимался и антисоветской пропагандистской деятельностью. Любопытны его показания об одной радиопередаче, состоявшейся в апреле 1944 года в Кенигсберге, в которой ему пришлось участвовать. Эта передача носила такой же лживый характер, как и вся фашистская пропаганда, и предназначалась бывшим советским гражданам, на сильно угнанным на различные работы в Германию. Сценарий предписывал выступление Мальцева и других «патриотов» на рабочем митинге, причем в подготовленных и розданных им заранее речах указывалось, после каких слов следует ожидать аплодисментов и одобрительных выкриков. «Когда я явился для произнесения

речи, то увидел, что в зале вместо рабочих собраны сотрудники радиоцентра, которым заранее было сказано, где они должны аплодировать, — вспоминал на одном из допросов Мальцев. — Это мое выступление было направлено в основном против англичан и американцев в связи с ожидаемым открытием второго фронта. В своем выступлении я клеветнически утверждал, что большевики вместе с англичанами и американцами являются врагами русского народа. После меня перед микрофоном выступил диктор радиостанции, который изображал из себя русского рабочего. За ним выступила жена артиста Блюменталь-Тамарина, поддельваясь под русскую крестьянку. В конце выступил сам Блюменталь-Тамарин, заявивший, что он будто бы проездом оказался в Кенигсберге и случайно попал на этот рабочий митинг».

Буняченко и Зверев, командиры двух дивизий РОА, оказались в стане врага из-за боязни справедливого наказания. Первый из них еще в сентябре 1942 года был приговорен военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта к расстрелу. За месяц до этого он, командуя 389-й стрелковой дивизией, занимавшей оборону у реки Терек, преждевременно, не сообразуясь с обстановкой, разрушил железнодорожное полотно на участке Моздок — Червленная. Была создана угроза окружения не только для 9-й армии, куда входила дивизия, но и для других соединений и частей Северной группы войск. Но Буняченко простили его тяжелый проступок — расстрел был заменен десятью годами заключения в исправительно-трудовом лагере, причем была предоставлена возможность отбывать наказание в действующих войсках. После освобождения из-под стражи Буняченко назначили командиром 59-й отдельной стрелковой бригады. В период с 26 по 30 октября 1942 года бригада по вине командира понесла большие потери, которые день спустя еще больше возросли. Из-за нераспорядительности Буняченко, не выполнившего своевременно приказ об отводе бригады на новый рубеж обороны, подчиненные ему части прибыли к указанному месту с опозданием на 3 часа. Это дало врагу возможность опередить их и атаковать на подходе, нанеся бригаде большой урон. Не закрепившись, оголая фланги соседей, остатки бригады стали поспешно отходить на юго-восток по направлению к Алагиру. Еще некоторое время, встретившись в горах с командиром 351-й стрелковой дивизии генерал-майором Сергацковым и получив от него соответствующие указания, Буняченко командовал так называемой восточной группой, но затем, прослышав, что его снова привлекают к уголовной ответственности, решил дезертировать. «Опасаясь быть арестованным вторично... — сознался он в ходе послевоенного следствия, — 17 декабря 1942 года я перешел на сторону врага...»

Но славы немецкому и «власовскому» оружию он тоже не принес. На вопрос следователя: «Какие боевые действия велла 1-я дивизия РОА против Красной Ар-

мии?» — Буняченко сообщил, что в начале марта 1945 года дивизия в основном была сформирована и к этому времени насчитывала около 20 тыс. человек. 6 апреля части дивизии прибыли на фронт в район станции Либерозы. Неделю спустя, выполняя приказ Власова и фашистского командования, новоспеченный генерал-майор РОА Буняченко выделил для участия в боевых действиях против советских войск по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков, противотанковый дивизион и артиллерийский полк. «Эти части дивизии, — рассказывал Буняченко, — по приказу немецкого штаба вели бои с Красной Армией на реке Одер... После поражения моих частей на реке Одер я больше дивизии в бой с частями Красной Армии не вводил. При наступлении советских войск на Берлин я, поняв неизбежность поражения Германии, увел свои части на территорию Чехословакии с тем, чтобы после перейти на сторону англо-американских войск». Сдача американцам произошла в 80 км от Праги. «Оприходовав» вооружение дивизии на свой реестр, американское командование 14 мая 1945 года передало ее командиру вместе со штабом советским оккупационным властям. Увод частей РОА на территорию Чехословакии, осуществленный испуганным наступлением советских войск Буняченко, с тем чтобы поискать убежища у американцев и англичан, породил легенду, которая муссируется и сейчас, об «освобождении» Праги от фашистов власовцами.

Зверев же оказался в фашистском плену дважды. Первый раз «случайно». Произошло это в августе 1941 года в районе местечка Высокое (близ города Умани). Он являлся командиром 190-й стрелковой дивизии, входившей в состав 49-го корпуса 6-й армии. Во время выхода из окружения Зверев был пленен вместе с комиссаром дивизии Коладзе. Словчив, Зверев попал в группу раненых (у него на шее был фурункул) и, назвавшись украинцем Шевченко, якобы был освобожден немцами из лагеря военнопленных. Затем ему удалось перейти линию фронта и оказаться у своих. Ему поверили и назначили на должность командира В-й Семипалатинской дивизии. В марте 1943 года он, уже командуя 350-й стрелковой дивизией, снова оказался в окружении на территории Харьковской области. В плен к немцам на этот раз сдался добровольно.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и другие мотивы предательства. Взять того же Власова. Кроме трусости и растерянности, проявленных им в сложной фронтальной обстановке, кроме отчаяния, что поражение неизбежно, что враг одолеет Красную Армию и не пощадит тех, кто не сдлся на милость победителя, кроме стремления обезопасить себя и устроиться получше, им управляли еще и какие-то амбиции. Торговля с немцами о том, как выгоднее продать свое имя и авторитет советского генерала, видимо, породила надежды на возможность сделать политическую карьеру, выдвинуться с помощью хозяев в верховные правители будущей России. Но если и были эти притязания,

то их с первых же шагов укоротили, укавав иуде предназначенное ему место. Так, по признанию самого Власова, он предпринял попытки попасть на прием к Гитлеру, чтобы «решить свою судьбу» (не России, как утверждают нынешние защитники «героя»-предателя, а свою собственную!), так сказать, во время «договоров в верхах». Через фашистского посредника капитана Штрикфельда ему стало известно, что встреча с Гитлером не состоится. «...Я узнал, — сетовал впоследствии Власов, — что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских и что он поручил принять меня Гиммлеру». Но и Гиммлер поначалу не торопился вести переговоры с генералом-перебежчиком, выказывая ему откровенное презрение. Помог Жиленков, сделавшись агентом гестапо. «...Только после моей поездки в район Львова, — показывал он на суде, — и установления связи с представителем Гиммлера Далькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать Далькену, что Власов не свинья и не дурак».

Вот каков борец против диктатуры Сталина (именно так пытаются представить Власова ныне иные «историки»). Ему плюют в лицо, а он, утершись, продолжает выслуживаться перед чужеземным диктатором, несущим его стране разруху и рабство.

Не менее показательной в этом отношении является история предательства одного из ближайших помощников Власова Жиленкова. Стремление выжить любой ценой вынуждало его торговать своим именем дважды, а Родиной и того больше. Жиленков, по его словам, попав в районе Вязьмы вместе с советскими войсками в окружение, сдался в плен. Назвавшись рядовым Максимовым, шофером, он с ноября 1941 года по май 1942 года служил в германской 252-й пехотной дивизии. Но, по представлению бывшего бригадного комиссара, это вовсе не предательство, а военная хитрость. «Тогда у меня не было умысла изменить своей Родине», — с притворной наивностью рассуждал он. Правда, он тут же выдвинул «героическую» версию, согласно которой сколотил группу из шоферов, проводившую под его руководством «антигерманскую деятельность», совершившую несколько диверсий в тылу фашистских войск. При подготовке к очередной диверсии (взрыва Гжатского армейского склада) Жиленкова-Максимова якобы предал лесник Гжатского лесничества Черников. По этому доносу «комиссара-шофера» арестовали. Кто выдал остальных «подпольщиков», неизвестно, но в гестапо оказалась вся группа. Не исключено, что этим доносчиком был сэм Жиленков, ставший впоследствии постоянным осведомителем гестапо. Когда снова нависла угроза жизни, ЕГО ЖИЗНИ, Жиленков «спекульнул» фамилией и честью советского офицера-политработника. «На допросе у немцев мне было объявлено о том, — сознался он, — что я буду расстрелян за ан-

тиерманскую деятельность. Проявив трусость... я назвал свою действительную фамилию и выполняемую мною должность в Красной Армии — члена военного совета 32-й армии, при этом изъявлял готовность бороться против Советской власти».

О том, как контролировалась антисоветская работа гитлеровским гестапо и руководством рейха, как «дергали за нужные веревочки» марионеток их хозяева, каким презрительным недоверием были окружены «будущие правители свободной России», дает некоторое представление диалог между председательствующим суда и Жиленковым:

— Подсудимый Жиленков, вы являлись автором манифеста так называемого «Комитета освобождения народов России»!

— Для разработки манифеста была создана редакционная комиссия, председателем которой был избран я. Участие в подготовке проекта манифеста КОНР⁴ принимали: Малышкин, Трухин, Закутный, Ковальчук и Зайцев. Я лично принимал активное участие в обработке манифеста. После того как проект манифеста был составлен, он был дан для просмотра Гиммлеру, который и сделал несколько поправок, в частности в проект манифеста лично внес фамилию Сталина и упомянул правительство Англии и Америки. После чего манифест был утвержден Гиммлером. Формально манифест КОНР был принят на первом заседании «Комитета освобождения народов России» в Праге 14 ноября 1944 года, где участвовало около 200 человек гостей, представителей разных немецких организаций, белоэмигрантов и 50 человек членов «Комитета». На этом заседании присутствовал представитель Гиммлера Франк.

— С какой целью было открыто заседание «Комитета» в Праге, причем так торжественно!

— Все это затея немцев, на средства которых проводилось это заседание. В Праге же было организовано заседание с целью показать, что «Комитет» якобы независим от немцев⁵. К тому же некото-

рые члены «Комитета» не верили в победу Германии над СССР и мечтали в будущем перейти на сторону англо-американских войск для проведения своей антисоветской деятельности.

Имел такую мечту и Жиленков, для осуществления которой он к концу войны отправился в Италию. Формально его совместная с Малышкиным поездка была связана с установлением контакта с белоказаками. По пути эмиссары Власова остановились в Тироле, где и дождались прихода американских войск. Вот как рассказывал об очередном предательстве и безнравственном торге сам Жиленков: «При встрече с американцами я обратился к ним с просьбой о принятии под их опеку членов КОНР. Американцы меня и Малышкина пленили. Так я оказался на территории, оккупированной американцами. Там я начал искать себе нового хозяина и стал писать для американской разведки секретные сведения о Советском Союзе, а также написал ряд клеветнических документов о послевоенной политике ВПК(б) и Советского правительства. Кроме того, написал биографию и клеветнического содержания справки на некоторых лиц, интересовавших американскую разведку». Чтобы еще больше заинтересовать новых хозяев своими способностями на предательство и подлость, Жиленков предложил также им свои услуги по организации на территории СССР шпионской работы.

ление КОНР были переданы существовавшие воинские части и подразделения, созданные германским командованием из числа изменивших Родине советских военнопленных, на базе которых были сформированы новые части РОА. Кроме того, КОНР было передано все руководство пропагандой в лагерях военнопленных и наблюдение за лагерями ОСТ, в которых содержались советские граждане, насильно угнанные на работу в Германию. В правительственных кругах рейха «Комитет освобождения народов России» именовался не иначе как «Зондеркоманда В гауптamt СС», т. е. «особая команда Власова при Главном управлении СС». Практически «самостоятельная» деятельность КОНР направлялась специальной группой «Комитет», состоявшей из работников берлинского гестапо. Вот что сообщил об этом бывший начальник группы «Комитет» В. А. Анисин: «Вся работа по созданию «Комитета освобождения народов России» проводилась под руководством начальника 4-го отдела берлинского гестапо гауптштурмфюрера Эвелинга... Заместитель Власова генерал Малышкин, а также начальник управления пропаганды Жиленков и начальник гражданского управления Закутный являлись агентами гестапо, через которых мы направляли и контролировали деятельность «Комитета освобождения народов России»... В группе «Комитет» имелась картотека учета агентуры, и в ней я лично видел карточки на Жиленкова, Малышкина и Закутного как на информаторов гестапо... Нужно сказать, что большинство начальников отделов управления «Комитета освобождения народов России» являлись агентами гестапо».

⁴ «Комитет освобождения народов России».

⁵ Дополнительный свет на эту «независимость» проливают показания других предателей, в частности самого Власова. Вот что он сообщил о своей встрече с Гиммлером, в организации которой проявил участие осведомитель гестапо Жиленков: «Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем он этой работой будет руководить лично. Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначил Крегера. Для успешной борьбы против Советской власти Гиммлер предложил объединить все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр». По распоряжению Гиммлера в ве-

Подобно Жиленкову устроил «самосуд», конечно же, не без надежды на снисхождение и милосердие, и Малышкин. На дневном судебном заседании 31 июля 1946 года он сделал следующее признание: «Я признаю себя виновным... Из-за трусости я сдался в плен к немцам, изменил Родине... Как получилось, что я, состоявший больше 20 лет в партии и больше 22 лет служивший в Красной Армии, очутился в таком положении! В чем же дело? Я честно говорю, что до перехода на сторону немцев я не совершил ни одного преступления, но в тяжкой обстановке у меня не нашлось внутри стержня. Переломным годом был 1942 год — год немецких успехов, и это не могло не оказать на меня влияния. Я, свихнувшись, не имея внутренней опоры, оказался тряпкой, кислым интеллигентом, мной двигал животный страх. Моей деятельности трудно подобрать название, ей нет имени...»

Да, на счету Малышкина тяжкие преступления, в которых он полностью сознался. Сдавшись немцам, бывший начальник штаба 19-й армии рассказал все, что знал о своем объединении, а затем включился в активную пропагандистскую работу, прославлявшую силу и непобедимость рейха, призывал, где только мог, к моральной и «физической» поддержке «освободителей». Так, в июле 1943 года сотрудник отдела пропаганды германских вооруженных сил бывший советский генерал Малышкин выступил в Париже на митинге белоэмигрантов с клеветой, по его же словам, на Советское правительство, на Коммунистическую партию и русский народ. Его «патриотическая» речь, видимо, пришлась по душе «единомышленникам», поскольку была опубликована в белоэмигрантской печати. Еще большим успехом пользовался доклад Малышкина «Большевизм в Европе», сделанный им в декабре 1944 года на фашистской конференции в Веймаре и помещенный в газете «Воля народа». В том же году Малышкин в течение 5 месяцев совершал поездки по Бельгии, Голландии, Франции, где вел агитационную и мобилизационную работу в «добровольческих батальонах». Активнейшее участие он принял в создании «Комитета освобождения народов России»: подбирал кандидатов в его состав, участвовал в подготовке манифеста, возглавлял организационное управление КОНР, куда наряду с другими подразделениями входили разведка и контрразведка. Малышкин являлся вдохновителем организации в Мариенбаде школы шпионов и диверсантов, засылаемых в тыл Красной Армии. Он же явился инициатором сосредоточения частей «Русской освободительной армии» в Южной Баварии для перехода их на сторону американцев.

«...Мой план был принят, — рассказывал Малышкин на суде, — а сам я 29 апреля отправился к американцам с просьбой не выдавать нас Советской власти. Я, Власов, Жиленков, Закутный договорились о том, чтобы добиться у американцев их согласия на продолжение нами антисоветской борьбы. Находясь в плену у американцев, я занимался гнусной деятельностью. Я

имел связь с американской разведкой и выдал интересующие ее сведения...»

Поучительна и «исповедь» бывшего советского генерала — командира 21-го стрелкового корпуса Закутного. Попав в окружение, а затем в плен, он отвечал на все вопросы, которые ему задавали на допросах. Заинтересовавшись таким откровенным и немало знающим «собеседником», немцы перевезли его из Лодзинского лагеря военнопленных в Берлин. Там ему предъявили документы об укрепленных районах Северо-Кавказского фронта и секретное наставление. Закутный дал исчерпывающую и компетентную «консультацию», дополнил полученные немецкой разведкой сведения собственными уточняющими данными об укрепленных районах СССР. После этого с его согласия он оказывается в особом лагере военнопленных, где проводилась усиленная идеологическая обработка его обитателей группой белоэмигрантов под руководством Байдалакава. От последнего Закутный получил предложение войти в состав антисоветской организации «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП). Закутный «поторговался»: дескать, ему, бывшему члену ВКП(б) с большим стажем, вроде не с руки объявить себя бойцом такой известной организации (да и «мне... не будет доверия, ибо у меня осталась идеология, против которой боролась организация, возглавляемая Байдалаковым»). Но заниматься агитационной и пропагандистской работой (для чего же он был послан «хозяйевами» в этот лагерь!) среди военнопленных в интересах энтэсовцев «нового поколения» не отказался. Работу эту он, видимо, вел с большим усердием, поскольку по ходатайству Байдалакава был освобожден из лагеря и в феврале 1943 года поступил на службу в отдел «восточной пропаганды» германского министерства пропаганды, именовавшийся «Винета». Там он являлся авторитетным консультантом по выпускаемой антисоветской литературе. Закутный сообщил, что в «Винете» он был тесно связан с другим изданием Родины — профессором Минаевым, который во время формирования КОНР поручил Закутному войти в состав «Комитета» и наблюдать за деятельностью его членов. Закутный усердно выполнил это указание, кроме того, привлек для работы в КОНР несколько бывших советских научных работников⁶. Задания по вовлечению гражданских лиц в деятельность «Комитета» давал ему и Власов. Так Закутный стал руководителем гражданского управления КОНР. На суде он попытался у-

⁶ Власов уточнил показания Закутного, сообщив, что именно тот «завербовал в «Комитет» до 60 проц. членов», и в частности «из состава интеллигенции». Закутный же в свою очередь охарактеризовал возглавляемый Власовым и направляемый рейхом, в том числе гестапо, КОНР как организацию, которая ставила перед собой цель — «свержение Советской власти путем вооруженного выступления, террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, шпионажа и диверсий».

верждать, что возглавляемое им управление занималось «улучшением правового и материального положения советских граждан, угнанных на работы в Германию». В конце концов все же вынужден был сознаться, что эта «патриотическая благотворительная» деятельность была сведена всего лишь к докладной записке, которую Закутный после пражского заседания КОНР написал немецким властям, где осветил бедственное положение бывших советских граждан. Но цель этой записки преследовала интересы тех же властей, поскольку Закутный стремился, формально беспокоясь о бывших согражданах, заручиться поддержкой последних в своей предательской работе, а точнее, завербовать их, пообещав «улучшение жизни», в ряды КОНР. Да и немцы, по его словам, так ничего и не сделали, находясь накануне полного разгрома.

В апреле 1945 года Власов поручил Закутному особой важности задание. Он вручил ему удостоверение, свидетельствующее о том, что Закутный уполномочивается «Комитетом Освобождения народов России» вести переговоры с командованием американских войск о предоставлении КОНР убежища в американской зоне оккупации.

Подводя итог своей предательской деятельности, Закутный сказал: «В первые дни войны, когда немцы занимали нашу территорию, я потерял веру в победу советского оружия. Затем, когда я попал в плен и мне угрожали расстрелом, если я не буду работать в пользу немцев, я струсил и так оказался изменником своей Родины. В данное время я не могу отрицать своей предательской и шпионской работы, так как все это полностью подтверждается всеми материалами моего дела, и в частности моими показаниями, данными немцам в период моего пленения, моей активной антисоветской деятельностью, проводимой как членом «Комитета», которым руководило берлинское гестапо. В своих показаниях, данных немцам при моем пленении, я оклеветал честных советских граждан, в чем также признаю себя виновным...»

Предельно ясно и недвусмысленно объяснил суть своего иудиного предательства Благовещенский. После того как в лагере военнопленных немцы дважды его избili, он замыслил, по его словам, «невинность сохранить и капитал на этом нажить», а поэтому и решил заняться пропагандистской работой в пользу рейха, участвуя в антисоветских разговорах. Но нажить «капитал» этим было трудно. В декабре 1941 года Благовещенский совместно с Егоровым и Зыбиным составил обращение в адрес германского командования с просьбой разрешить им «сформировать русские части для борьбы против большевиков». Но «вождей» в предательском движении, а точнее «руководящих марионеток», рейху хватало, поэтому Благовещенскому и его компании ответили, что Мальцевым и другими «патриотами» уже создан комитет «Русской трудовой народной партии» (РТНП), преследующий ту же цель. Ведший с ними переговоры капитан германской разведки Зиферт предложил вступить в

эту партию. Благовещенский дал согласие и вскоре благодаря активности и разворотливости вошел в состав Центрального комитета РТНП, а заодно возглавил «военный отдел» организации. «...Я создал комиссию, — показывал он на суде, — для проверки военной квалификации военнопленных командиров Красной Армии. По существу, во время этой проверки производилась вербовка новых членов в РТНП. Боясь репрессий, около 75 проц. военнопленных изъявили свое желание участвовать в вооруженной борьбе против Советской власти».

В сентябре 1942 года Благовещенского назначили начальником «школы молодежи», созданной для подготовки фашистских пропагандистов. Как и Жиленков, Благовещенский старается вкряпнуть в свои предательские дела «героические» фактики. Вот и в руководимой им школе он, по его словам, не готовил нужные рейху кадры, поскольку набрал на учебу физически слабые мальчишки, которые через два месяца были отправлены на сельскохозяйственные работы из-за своей непригодности для серьезной работы. «Школа молодежи» тоже была ликвидирована. «В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, — старался обелить он себя на суде, — я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательной работы...» Он — «подпольщик», герой-одиночка, ни больше ни меньше. Он не только не хотел казаться безыдейным карьеристом и трусом, а «советски идейным», хотя и свою предательскую деятельность на оккупированной фашистами территории полностью признал. А деятельность эта довольно «богата» и разнообразна. После ликвидации «школы молодежи» капитан Штрикфельд, сотрудник отдела пропаганды верховного германского командования, рекомендует Благовещенского редактором антисоветской газеты «Клич», переименованной впоследствии в «Зарю». В этот же период (конец 1942 г.) происходит встреча и сближение Благовещенского с Власовым. В начале следующего года сотрудники редакции газеты во главе с Благовещенским дают присягу на верность «Русскому комитету». А принимает ее начальник отдела пропаганды верховного командования вооруженных сил Германии полковник Мартин под надзором капитана Штрикфельда и в присутствии генерала Власова. «После принятия присяги, — сообщал суду Благовещенский, — я был одет в форму немецкого генерала и получил повышение по службе — был назначен начальником курсов пропагандистов РОА. При непосредственном моем участии было выпущено около полутора тысяч пропагандистов... Бронзовую медаль за отвагу 2-го класса я получил от немцев за хорошую работу по должности начальника курсов пропагандистов РОА. Медаль мне вручил лично Мальышкин»⁷.

⁷ Мальышкин при этом сделал уточнение: «Подсудимый Благовещенский был награжден отделом пропаганды верховного командования германских вооруженных сил за

Дальше Благовещенский рассказал, что в связи с наступлением Красной Армии он вместе со всем составом «идеологической группы» выехал из Берлина в Карлсбад, а затем по указанию Жиленкова, под руководством которого якобы должен был разработать теоретические основы программы КОНР, переехал в Мариенбад. В апреле 1945 года по вызову Жиленкова снова возвратился в Карлсбад на совещание, где обсуждалась возможность подпольной деятельности КОНР. «После совещания я выехал в Мариенбад, куда вскоре приехал Власов, — давал показания Благовещенский, — и так как немцы меня выгоняли из Мариенбада, я получил от Власова удостоверение о том, что я являюсь представителем КОНР и остаюсь в Мариенбаде для оказания помощи остающимся в Мариенбаде русским гражданам. Данное удостоверение было написано с одной стороны на немецком языке для немцев и с другой стороны — на английском, на случай прихода в Мариенбад англичан или американцев. Из Мариенбада я нигде не выезжал. В Мариенбад вошли американские войска, а вскоре я был арестован органами Советской власти».

Не желал считаться безыдейным предателем и Малышкин, о котором уже шла речь. Приведем любопытный диалог, происшедший между ним и председателемствующим на суде:

— Ответьте, как вы попали к немцам!

— Я сдался немцам из-за трусости.

— А антисоветская деятельность проводилась вами из-за трусости или по убеждению?

— Только по убеждению...

Вот с какими безнравственными ухищрениями творили марионетки-хамелеоны свое черное дело. В следственных и судебных материалах содержится бесчисленное количество убедительных фактов и доказательств их предательства. Власов и его сообщники, возглавляя созданный

хорошо проведенную им работу по выпуску пропагандистов РОА. Медаль я получил для вручения Благовещенскому от капитана Штрикфельда». Но в этом случае более важно иное. Наградили Благовещенского отнюдь не за храбрость, а за иудову преданную старательность. Впрочем, это подтвердил сам Благовещенский. На допросе 6 марта 1946 г. он показал: «...в июне 1943 года, когда я был начальником курсов пропагандистов в [естечке] Дабендорф, ко мне пришел Трухин и показал полученную им от белоэмигранта Сергеева антифашистскую листовку, которая была написана Бушмановым. Я и Трухин взяли имеющуюся у меня рукописную работу Бушманова, сличили с ней почерк, которым была выполнена листовка, и, убедившись, что почерки идентичны, доложили об этом Власову... После разговора с Власовым я по его приказанию отнес листовку немецкому представителю в Дабендорфе Штрик-Штрикфельду, которому высказал также свои соображения о том, что автором листовки является Бушманов... На второй день после моего разговора с Штрик-Штрикфельдом Бушманов немцами был арестован».

немцами «Комитет освобождения народов России», обнародовали «свою» цель — вооруженную борьбу против СССР. Под руководством германского военного командования они участвовали в создании так называемой «Русской освободительной армии» и вели бои против советских войск. Власов еще в декабре 1942 года обратился к немецкому командованию с предложением своих услуг по руководству сформированными немцами к этому времени «добровольческими отрядами». Позже в ходе следствия он показал: «Формированием частей из числа русских военнопленных занимался немецкий штаб добровольческих войск, возглавлявшийся генералами Хельмигом и Кестрингом. В декабре 1942 года я поставил перед Штрикфельдом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию». Вместе с тем при поддержке гестапо и других фашистских карательных органов в «Русскую освободительную армию» вовлекались военнопленные. «Как правило, вербовка военнопленных на службу в создававшуюся Власовым «Русскую освободительную армию», — сообщил в своих признаниях бывший заместитель командира запасной бригады РОА И. П. Скугаревский, — проводилась не только с санкции германских органов в лагерьях, но и при их прямой поддержке и сопровождалась террором гестапо в отношении большинства военнопленных, не желавших сотрудничать с немцами и Власовым. Так... в мае 1943 года, в бытность мою в Ченстоховском офицерском лагере, бывший командир автотроты одной из танковых частей Красной Армии лейтенант Баев, который не дал согласия вербовщику Власова Калугину служить в РОА, неоднократно вызывался в гестапо, где подвергался избиению. В другом случае пленный военфельдшер Красной Армии Страхов, также не давший согласия Калугину пойти на службу в РОА, был арестован и расстрелян».

В РОА была установлена постоянная слежка за каждым человеком, которую осуществлял специально созданный «отдел безопасности». Через сеть широко разветвленной агентуры он выявлял в частях «освободительной армии» сомневающихся или просоветских настроенных лиц и подвергал их репрессиям. Все это делалось с ведома Власова. Особое усердие проявлял Трухин, возглавлявший разведотдел штаба РОА, а также курировавший созданные в дивизиях контрразведывательные отделы. Лица, заподозренные в действиях, направленных против немцев или властителей, арестовывались, подвергались допросам и жестоким избиениям, а затем расстреливались. Санкцию на расстрел давал и Власов. Это подтвердил на допросе Мальцев. «...Примерно 15 апреля 1945 года, накануне нашей эвакуации из Мариенбада, — рассказывал он, — заместитель Каскова Тухольников мне доложил, что в «отделе безопасности» содержится 18 арестованных, судьбу которых необходимо решить. Большинство арестованных обвинялись в деятельности против Власова, однако дела следствием были закончены лишь в отношении шести... Ту-

хольников предоставил мне список всех арестованных и предложил шесть из них, на которых были закончены дела, расстрелять. Я этот список представил Власову. Власов распорядился назначенных шесть человек расстрелять...»

Командир 1-й дивизии РОА Буняченко признался, что принимал все меры к тому, чтобы не допустить проникновения в свое соединение советских разведчиков, «могущих разложить дивизию», а также чтобы пресечь влияние тех, кто «высказывал симпатию к Советской власти». С этой целью по указанию Власова Буняченко создал в дивизии «контрразведывательный аппарат». 10 апреля этот аппарат арестовал группу из 10 человек, возглавляемую майором Погромским, которая готовилась к переходу на сторону Красной Армии. «Во время допроса, — сообщал Буняченко, — начальник контрразведки дивизии Ольховик подвергал Погромского избиению...»

Аресты и расстрелы лиц, отказавшихся от службы в РОА, продолжались и после капитуляции Германии. Власов и его ближайшие сообщники вынуждали личный состав подчиненных им частей снова «перекрещиваться», т. е. переходить на сторону американских войск, а тех, кто отказывался, подвергали репрессиям. Упомянутый уже здесь Скугаревский сообщил такие сведения: «...значительная часть рядового и офицерского состава, привлеченная на спунбу в РОА путем обмана и провокаций со стороны Власова и его сподвижников, не желала перехода на сторону американцев и не имела намерений продолжать борьбу против Советского Союза. Для того чтобы уменьшить количество перебежчиков из стороны Красной Армии, командование РОА предприняло ряд мер пропагандистского и карательного характера... Были мобилизованы все силы контрразведки РОА и полевой жандармерии, которые на марше беспрестанно преследовали уклонявшихся от движения в колонне. Отставшие подвергались избиениям и возвращались в свои подразделения, а некоторые из них арестовывались... Имевший намерение перейти на сторону советских войск начальник снабжения 2-й дивизии РОА капитан Владимирский был арестован контрразведкой и расстрелян».

Во время вербовки военнопленных уж какие золотые горы и какую перспективу ни сулил Власов неустойчивым или запуганным людям в обмен на предательство, на согласие бороться с оружием в руках против своего народа. Сейчас эту его авантюристическую и провокационную затею иные выдают за «патриотический подвиг», направленный якобы на облегчение участи военнопленных в концлагерях и спасение их жизней. Вот как «откровенничал» на суде об этом своем «патриотизме» и «благотворительности» сам Власов: «...после создания «Комитета освобождения народов России» Гиммлер, стремясь использовать советских военнопленных в борьбе с Красной Армией и видя, возможно, в этом известный выход из тяжелого положения, в котором очутилась Германия, стал настоятельно

требовать от меня ускорения формирования частей «Русской освободительной армии» и в этих целях предоставил нам в декабре 1944 г[ода] военные лагеря в Мюнзингене и Хойберге. В связи с этим мне удалось сформировать две дивизии. В Мюнзингене формировались первая дивизия, насчитывавшая до 20 000 человек и офицерская школа до 1000 человек... В Хойберге формировалась вторая дивизия, которая имела численность до 12 000 человек. В этих же лагерях размещалось несколько строительных батальонов и одна запасная бригада общей численностью до 5000 человек. Первую дивизию к концу войны удалось вооружить 100 орудиями, 12 танками Т-34, винтовками и автоматами...»

Ближайшим помощником Власова в «благотворительной» работе с военнопленными, а также по вооружению формируемых отрядов «освободителей» являлся Трухин. С этой целью, по словам последнего, были созданы и посланы в лагеря около десяти специальных комиссий, куда входило немало «власовских пропагандистов», окончивших курсы в Дабендорфе. Два такие комиссии возглавляли Зверев и Шатов. Первый из них за время командировки в Норвегию сумел завербовать в РОА около 300 человек бывших советских офицеров и солдат. «Все эти лица, — показывал Зверев, — были сконцентрированы в лагере № 303, а затем в первой половине декабря 1944 года были вывезены в Мюнзинген [Германия], где в то время начались формирования первой дивизии РОА...».

1-ю дивизию, как уже сообщалось, возглавил Буняченко, а 2-ю — Зверев. По мнению «комдива-1», вверенное ему соединение было отборным, поскольку в его состав полностью вошла карательная бригада СС, которой до этого командовал Каминский. Эта бригада, по словам Буняченко, состояла в своем большинстве из обстрелянных людей, приобретших боевой опыт в борьбе с партизанами на оккупированной советской территории и во время подавления варшавского восстания летом 1944 года. Правда, обследовавший «воинство Каминского» командир полка РОА Жуковский оценил ее состояние по-иному. «...После посещения нами этой бригады, — сообщил он, — мы составили акт о ее боевой готовности, где было также указано, что солдаты этой бригады являются морально разложившимися и занимаются бандитизмом и грабежом... Что у всех солдат при себе имеется большое количество золотых вещей, награбленных у мирных жителей. После ознакомления с нашим актом Власов приказал сформировать из этого контингента дивизию».

Из наиболее преданных ему людей Власов по разрешению «хозяев» создал особый отряд, командиром которого назначил белоземigrанта Сахарова. Отряд был направлен на советско-германский фронт и принял участие в боях севернее Кюстрина. За отличия он удостоился благодарности Гиммлера. Вслед за отрядом Сахарова была введена в действие и дивизия Буняченко.

Одновременно с формированием 1-й и 2-й дивизий Власов по указанию фашистского командования приступил к созданию спецчастей, в первую очередь авиации РОА. По «авиационному» вопросу в декабре 1944 года его вызывал к себе Геринг. На суде, вспоминая о встрече с Герингом, Власов сообщил, что тот назначил уполномоченным по авиации при РОА Ашенбренера...

Взаимоотношения марионеточной «освободительной» армии со своими «хозяевами» были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях пропаганды, стремясь придать РОА «патриотический, добровольческий» характер, на всех перекрестках объявляло о самостоятельности «команды Власова», дескать, лучшие представители русского народа да и сам народ восстали против Советов. Но глубокое знание сути этих «лучших представителей», их марионеточной психологии и шкурных интересов заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надежности сделать и «освободителей» агентами и осведомителями гестапо. Вот почему в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разногласных показаний. Так, бывший начальник разведшколы «Комитета освобождения народов России» Беккер показывал: «...немцы представляли «отделу безопасности» КОНР возможность самостоятельного проводить всю работу в частях РОА и готовить агентуру для заброски в тыл Советского Союза... Материальные расходы, связанные с подготовкой и переброской агентуры в Советский Союз, СД брало на себя... Власов не только был осведомлен о деятельности разведшколы, но непосредственно ею руководил и направлял ее работу...» Сам же Власов по-иному оценивал предоставленные ему «ответственность и самостоятельность». Вот что он сообщил на одном из допросов: «...должен признать, что после создания мною в ноябре 1944 года по указанию Гимmlера «Комитета освобождения народов России» СД предложило мне организовать подготовку и засылку диверсантов в тыл советских войск. В декабре 1944 года вместе с постоянным представителем Гимmlера при мне оберфюрером СС Крегером ко мне явился штурмбанфюрер СС Радецкий, который заявил, что ему руководством СД поручено договориться со мной о совместном налаживании диверсионной деятельности на советской территории... Я заявил Радецкому, что надо готовить тысячи таких агентов, которые могли бы после переброски в СССР стать руководителями повстанческих отрядов, наносящих удары Красной Армии с тыла».

«Инициатива» и «творческий зуд активности» Власова вполне понятны — выслужиться, оправдать расходы, которые тратят на «освободительную армию» и ее руководство «хозяева». «Плата по векселям», т. е. содержание РОА, — это еще один из самых болезненных вопросов в исто-

рии иудовской банды Власова. О какой самостоятельности могла идти речь, если рейх оплачивал любую акцию (пропагандистскую, террористическую) этой командой. «Я... ведал всеми финансовыми средствами «Комитета освобождения народов России...» — сообщил следствию бывший начальник главного финансового управления КОНР Андреев. — Все финансовые средства я получал из государственного банка Германии с текущего счета министерства внутренних дел, по заданиям которого был создан КОНР. Все денежные суммы из банка я получал по чекам, выписанным представителями министерства внутренних дел Сиверсом и Рюппелем, которые контролировали финансовую деятельность КОНР... По таким чекам из госбанка Германии я получил около двух миллионов марок».

В конце января 1945 года Власов был вызван в министерство иностранных дел Германии и имел там встречу с Риббентропом. Шеф фашистского МИДа довел до «вождей русских освободителей», что его ведомство предоставляет КОНР для организации антисоветской работы специальные денежные кредиты. В ходе заключенного между Риббентропом и Власовым «финансового соглашения» было оговорено, кто и за что платит и кто что делает за эту плату. Словом, как в известной поговорке: кто платит, тот и заказывает музыку. А «музыка», к примеру, была такой. О ней рассказал следствию один из предателей — Жиленков, который еще в 1943 году принимал участие в формировании из числа предателей «гвардейской ударной бригады», где готовились кадры террористов в соответствии со специальным планом их обучения. «Для проведения террористических заданий в Москве должны выделяться особо убежденные, специально подготовленные националистско-революционные гвардейцы «Русской освободительной армии», — откровенничал Жиленков. — В круг их деятельности входит покушение против Сталина, Молотова, Кагановича, Берия».

Гитлер стремился побыстрее закончить войну, а для этого не гнушался никакими средствами, ничьей помощью. Власов же и его «эсэсовская команда» усиленно способствовали стремящемуся к мировому господству фюреру достичь сумасбродной цели, подбирая с фашистского стола объедки и крохи. Власовцы были настолько ничтожными винтиками в гитлеровской захватнической машине, что их и «музыкантами» в фашистском «оркестре» не назовешь. Они за плату не играли свою «музыку», а «плясали» под дудку рейха. Уподобляясь исполнительным марионеткам, они суетливо двигались по замыслу тех, кто держал в руках концы их карьеры и судьбы. Как отъявленные иуды, они продавали врагу истинных патриотов, предавали народ и страну. Такова сущность власовщины, такова правда о распространяемой лжи.

*Генерал-лейтенант юстиции
А. Ф. КАТУСЕВ,
капитан 1 ранга
В. Г. ОПЛОКОВ*

Александр Федорович Редигер — крупный военный деятель России, один из последних в царском правительстве военных министров (июль 1905 г. — март 1909 г.). Окончив Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, Редигер участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., затем стал членом русской администрации в Болгарии. Длительное время он был преподавателем, профессором Академии Генерального штаба; много лет работал помощником начальника и начальником канцелярии Военного министерства, в июле 1905 года стал военным министром. В 1909 году вышел в отставку в чине генерала от инфантерии. Умер на Украине, в Переяславе-Хмельницком, в 1918 году (точная дата пока не установлена).

А. Ф. Редигер и его воспоминания

В ЦГВИА СССР имеется личный фонд А. Ф. Редигера, состоящий из восьми единиц хранения. Все эти дела — авторская рукопись «История моей жизни». Рукопись представляет собой 8 тетрадей, являющихся в свою очередь частями одной большой тетради общим объемом 1012 рукописных листов. Известно, что записи велись генералом в основном в 1917—1918 гг., последняя, относящаяся к событиям апреля 1918 года, написана в августе того же года.

Частично записки А. Ф. Редигера были опубликованы в журнале «Красный архив» (Т. 45. — М., 1931; Т. 60. — М., 1933). Сверка опубликованных текстов с оригиналом показала, что публиковались они со значительными купюрами. Очевидно, объясняется это тем, что редакция журнала ставила задачу раскрыть темы, вынесенные в заголовки публикаций: «О революции 1905 г.», «О работе Государственной думы в 1906 г.». Полностью воспоминания А. Ф. Редигера никогда не публиковались.

Записки написаны живым языком, легко читаются и представляют, на наш взгляд,

значительный интерес. Они охватывают практически всю жизнь Редигера и начинаются с характеристики его предков. Очевидно, что «История...» была написана на основе систематических дневниковых записей. Это подтверждается содержанием рукописи, в которой много дат, имен, мелких деталей семейной жизни и служебной деятельности автора, характеристики современников и основных исторических событий, происходивших в России. Так, в ней мы находим сведения о работе Военного министерства, Государственного совета и Государственной думы, Военного совета и Совета государственной обороны, Особого совещания по обороне государства, Николаевской академии Генерального штаба. В записках Редигера говорится также о революции 1905—1907 гг., Февральской и Великой Октябрьской революциях и реакции на эти события в армии; о подготовке и начале мировой войны 1914—1918 гг. Значительное место в рукописи отводится внешнеполитическим вопросам и военно-историческим событиям, таким, как русско-турецкая война 1877—1878 гг. и деятель-

ность русской военной администрации в Болгарии, русско-японская война 1904—1905 гг. и отношения с Японией и Китаем и т. п.

Как уже отмечалось, в воспоминаниях Редигера описывается бытовая сторона жизни не только самого Редигера и его семьи, но и окружающего его общества. Даются меткие характеристики царю Николаю II, его министрам и царедворцам: Столыпину, Витте, Куропаткину, Поливанову, Сухомлинову, Распутину, а также военному историку Лееру и многим другим.

А. Ф. Редигер широко освещает в записках свою деятельность в качестве участника подготовки и проведения реформ 1905—1912 гг. в армии: работу в комиссии по составлению «Положения о полево́м управлении», Главного военно-кодификационного управления и т. д.; подготовку военных кадров — чтение Редигером лекций в академии, издание работ по вопросам комплектования и устройства вооруженных сил, подготовку статей для «Военно-энциклопедического лексикона», сотрудничество в журнале «Разведчик» и т. д. Записки А. Ф. Редигера отражают события, происходившие в России во второй половине XIX — начале XX века.

В настоящую публикацию небольшого отрывка из текста «Истории моей жизни» А. Ф. Редигера включены записи, относящиеся ко времени его отставки с поста военного министра в 1909 году. Предложить вниманию читателей именно эту часть записок нас побудило то обстоятельство, что описываемые в ней события послужили поводом для начала работы над «Историей...».

Даже этот небольшой отрывок позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что военный аппарат отражал двойственность политики самодержавия. Редигер — военный министр эпохи подавления революции 1905—1909 гг. — типичный представитель царской бюрократии, хорошо сочетал интересы помещика и буржуа. Подавляя огнем и мечом революционное движение, он в то же время стремился затушевать черты, которые особенно резко обнаруживали роль армии как опоры классового насилия и пытался, насколько ему позволяли интересы дворянства, улучшить ее на основе буржуазных, по существу, мероприятий. «Записки» в целом подтверждают этот вывод.

Л. Я. САЕТ, старший научный сотрудник ЦГВИА СССР

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

А. Ф. РЕДИГЕР

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ думе 23 февраля 1909 г. произошел инцидент, явившийся причиной моего увольнения с должности министра. На секретном заседании Думы, при обсуждении кредита в 39 млн. руб. на пополнение финансов и материальной части армии, Гучков заявил, что «как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей власти и даже вне пределов нашей критики, мы не можем считать, чтобы дело стояло благополучно. Мы не видим там понимания тяжелой ответственности, не видим там того подъема духовного, который должен помочь возродиться нашей стране. Возьмите хотя бы область высшего командования нашей армии¹. Вы мне скажите, есть ли во главе всех округов люди, которые могут в мирное время воспитывать нашу армию к тяжелому боевому опыту и могут повести наши войска к победе?» Гучков выразил в заключение надежду, что голос Думы дойдет до престола и «вызов там то беспокойное чувство за нашу родину, от которого мы только и можем ожидать и возрождения нашей обороны, и создания безопасности нашего государства».

Коковцев, бывший в заседании, предложил ответить за меня Гучкову, чтобы «отделывать его», но я это отклонил и ответил сам. По поводу заявления Гучкова, что за оборону государства можно быть спокойным лишь тогда, когда во главе армии и отдельных ее частей будут люди, которые действительно могут быть ее вождями, я сказал, что вопрос этот находится на рубеже, а может быть, даже за рубежом тех вопросов, которые подлежат рассмотрению с думской кафедры; поэтому я в этот вопрос входить не стану и лишь упомяну, что именно в отношении командного состава за последние годы были приняты самые решительные меры к его улучшению. Однако при выборе на любую высшую должность приходится считаться с имеющимися кандидатами на такую должность,

¹ Цитирую по «Новому времени» от 24 февраля 1909 г., № 1183. В действительности Гучков указал на неувольнительность командования в Хабаровске, Варшаве, Одессе и Вильне (здесь и далее примечания автора записок. — Л. С.).

существенного улучшения состава начальствующих лиц можно достигнуть лишь постепенно, т. к. с младших должностей нельзя выдвинуть прямо на высшие, а приходится на промежуточных ступенях выяснять, насколько данное лицо в состоянии оправдать надежды, которые на него возлагаются. Поэтому лишь остается сказать, что для улучшения командного состава меры уже приняты и что мы в этом отношении, несомненно, идем вперед.

От имени фракции правых член Думы Марков 2-й заявил, что мое заявление о недостатках подходящего материала для назначения хороших начальников оскорбительно для русской армии.

Я ему ответил, что Военное министерство тотчас по окончании войны занялось обновлением и улучшением командного состава армии, но оно никому очков не втирает и не заявляет, что командный состав нашей армии в настоящее время является идеальным; оно надеется этого идеала достигнуть, но оно достигнет его постепенно. Оно никому не заявляет, что во главе нашей армии уже теперь стоят вожди, лучше которых не бывает и не надо, но оно твердо надеется, что русская армия таких вождей будет иметь, но получит их постепенно.

Гучков заявил, что большим грехом старого порядка была боязнь говорить правду верховной власти в глаза, и приветствовал мужество военного министра, признавшего наличие известных недостатков.

Я помню, что я там же, в заседании Думы, создавал, что мой ответ не удовлетворяет государя и вызовет негодование высшего командного персонала армии, но я иначе поступить не мог. Гучков был прав, указывая на опасность, которой нам грозил плохой командный состав армии. Из-за него мы проиграли войну с Японией, и он же мог погубить нашу армию в новой войне. Во все время управления министерством я сам вел наиболее упорную борьбу именно по вопросу об обновлении верхов армии. Меня мало интересовал вопрос, имеет ли Дума по букве закона право касаться этого вопроса, но нравственное право ее для меня было вне сомнения, т[ак] к[ак] она вполне патриотично шла навстречу всем нуждам армии, не жалея на это средств, которые, однако, устранили лишь сравнительно мелкие недостатки по сравнению с основным грехом армии — отсутствием хороших вождей. Я поэтому не мог заявить в Думе (ни лично, ни устами Коковцева), что вопрос этот ее не касается, и она не имеет права затрагивать его; отвечая же на этот вопрос по существу, я не мог говорить ничего иного, как правду. Я после того много раз вспоминал об этом инциденте и неизменно приходил к выводу, что я иначе ответить не мог.

Органы правой печати стали на точку зрения Маркова 2-го, что я оскорбил армию, признав неудовлетворительность командного состава, а Воронежский отдел «Союза русского народа» нашел нужным выразить мне (письмо [от] 8 марта) «свое крайнее недоумение по поводу моего заявления, будто при выборе командного и начальствующего состава русского воинст-

ва может не быть в избытке и в любое время безукоризненного очередного материала, полагая, что всегда высокие патристические качества, присущие всему доблестному российскому воинству, для применения их, скорее имеют нужду в руководителе, обладающем в такой же мере этими качествами».

Такого рода самообольщение в известных кругах считалось проявлением патристизма, хотя оно на деле могло бы лишь привести к повторению бедствий японской войны.

Государь в течение двух недель не говорил мне почти ничего по поводу этого инцидента. Он лишь при моем докладе 24 февраля сказал, что Гучкову следовало бы дать резкий отпор, и более не возвращаясь к этому вопросу, хотя у меня были личные доклады 28 февраля, 3 и 7 марта; только к 10 марта он принял решение. При моем докладе в этот день² он был немногословен и сух и по окончании его сказал мне, что я вследствие слабого моего возражения в Думе 23 февраля потерял его доверие как военного министра; он далее сказал, что ему очень жаль говорить это теперь, когда трудные времена прошли и все налаживается, и что его отношение ко мне остается прежнее.

Я ему сказал, что знал, что он будет недоволен, но не мог поступить иначе, т. к. в Думе я считал долгом говорить одну правду; что я все же не считал себя вправе сойти с поста, хотя были очень тяжелые минуты. Государь мне на это сказал, что и часовой может просить смены, если ослаб. Я спросил, когда сдать должность. Он сказал, что в конце недели, не называя заместителя.

После меня должен был при мне докладывать Сухомлинов, и я встал, чтобы приставить другой стул (как я это делал всегда), и он сказал: «Да, вы можете еще остаться при докладе, а с Сухомлиновым я потом переговорю». Только из этих слов я узнал, что моим преемником будет Сухомлинов. Государь подошел ко мне и благодарил за службу; я сказал, что делал, что мог. Сухомлинов был призван; после его доклада я был отпущен, а его оставили в кабинете.

По возвращении из Царского я принял доклады так же, как и в среду. В среду 11 марта были подписаны высочайший рескрипт и указ о моем увольнении, объявленные 12 марта. Привожу текст рескрипта:

«Александр Федорович, вступив в 1905 г. в трудное для армии время в управление Военным министерством, Вы в течение почти четырех лет прилагали напряженные усилия, чтобы оправдать мое доверие и провести в жизнь ряд мероприятий, направленных к усовершенствованию различных отраслей военного управления. Труды эти не могли не отразиться на состоянии Вашего здоровья, требующего и ныне продолжительного отдыха и надлежащего о нем попечения.

² Это был мой 260-й личный доклад; и здесь цифра 13 играла роль.

Снисходя к Вашей просьбе об увольнении Вас от должности военного министра, отмечаю с особой признательностью целесообразность многих Ваших начинаний, и особенно те меры, которые имеют задачей усовершенствование системы войскового хозяйства. Уверен, что начинания эти послужат одним из тех оснований, на которых в ближайшие годы Вашим преемником должно быть завершено переустройство наших вооруженных сил.

Выражая монаршую мою благодарность за Ваши труды, жалею Вас кавалером ордена святого благоверного великого князя Александра Невского.

Я уверен, что, восстановив Ваши силы, Вы будете в Государственном совете и впредь продолжать Ваше плодотворное служение на пользу мне и родине.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный и благодарный

НИКОЛАЙ.

Царское село, 11 марта 1909 года».

Таким образом, мое увольнение состоялось в самой милостивой форме, якобы по моей просьбе, мотивированной расстройством здоровья, мне был дан рескрипт с благодарностью за мои труды и с признанием «целесообразности многих из моих начинаний»; наконец, меня украсили орденом Александра Невского, словом, уволили честь честью. Самый рескрипт был малосодержателен, глухой, но Главному штабу пришлось составить его насех, да и вообще трудно составлять рескрипт увольняемому сановнику.

По министерству я 10 марта отдал приказ: «Покидая должность военного министра, прошу всех чинов министерства принять мою искреннюю, сердечную благодарность за помощь, которую они мне оказали своей дружной самоотверженной работой».

В пятницу 13 марта я в канцелярии министерства прощался с ее чинами, а затем и с членами военного совета, и начальниками главных управлений.

Через неделю, 20 марта, канцелярия давала мне прощальный обед; в этот день минуло 25 лет со времени моего вступления в канцелярию, в списках которой я с тех пор состоял. Сколько перемен за эти 25 лет! Вступал я в канцелярию молодым 30-летним подполковником, а покидал ее как уволенный от должности военный министр. Мне поднесли жетон канцелярии, а жене букет цветов.

Лицу, занимавшему высокий пост, тяжело оставаться в том же городе и в той же среде после его увольнения на покой, особенно когда все знают, что он не ушел по своей просьбе, а его уволили: отношение к нему большинства лиц сразу меняется. Я был уволен по личному неудовольствию государя, притом за недостаточную защиту его прерогатив, остатков самодержавия. Это окончательно роняло меня в глазах не только тех, кто ценил людей по степени царской к ним милости (придворные круги и гвардия), но и всех лиц непосредственного направления (крайне правых). Масса же недругов, которых я успел себе создать, ликовала и злословила по моему адресу более, чем когда-либо.

Крайне желательно было возможно скорее уехать из Петербурга и на некоторое время удалиться от общества. В рескрипте было указано на расстройство моего здоровья и необходимость надлежащего о нем попечения; это давало мне несомненное право просить об отпуске, хотя сессия Сената была в полном разгаре. Мы решили ехать в Крым, чтобы насладиться тамошней весной.

За полученные мной рескрипт и орден мне надо было благодарить государя, и я записался в число желающих представиться ему; прием мне был назначен 18 марта. Государь меня принял в своем кабинете, стоя у первого окна. Я его благодарил за оказанные мне милости. Он мне сказал, что собирается на днях прислать мне свой портрет. Я его поблагодарил и сказал, что я только и мечтал, чтобы он по моему уходу сохранил [ко] мне свое расположение; ведь когда-нибудь уходить надо, а меня так ругали со всех сторон. Он мне сказал, что ругань Меншикова (в «Новом времени») вредна, но для него не имеет значения, и прибавил: «а мое расположение, как видите, я вам сохраняю»...

После моего увольнения от должности я провел в Петербурге 3 недели без всякой работы, чего со мной не бывало за исключением случаев болезни. После напряженной работы последних лет такая свобода при жизни в Петербурге является весьма непривычной и странной...

Я решил взяться за писание своих воспоминаний за время управления Военным министерством. На это меня наталкивали две причины: я уже издавна привык к работе и даже во время отпусков всегда обзаводился каким-либо чтением или занятием, чтобы только не быть праздным, и теперь переход от форсированной работы к полному безделью меня тяготил, а затем я считал, что на носту министра я принес посильную пользу, (fecit quod potui), и чувствовал себя обиженным непрошеной отставкой, почму хотел хотя бы для будущих историков военного управления в России нарисовать картину моей деятельности и той обстановки, в которой она протекала, в надежде, что они отнесутся к ней более справедливо, чем современники. Писанию этих воспоминаний я ежедневно уделял несколько часов; за недостатком нужных материалов, особенно для установления последовательности событий, эти воспоминания, обнимавшие 1905 и 1906 годы, были неполны, отрывочны и в них много места было отведено отдельным личностям; тем не менее, они, как записанные вскоре после описываемых событий, дали мне хороший материал для настоящего труда. Как тогда, так и теперь я хотел бы дать будущему историку возможно правдивую критику моей деятельности на посту министра. Мало того, постараюсь и сам подвести ей итог, хотя сознаю, что едва ли буду в состоянии быть беспристрастным; но это обрисует мой личный взгляд на мою деятельность.

В 1905 году я был призван на должность военного министра, когда еще не было ре-

чи о каком-либо ограничении самодержавия, каждое министерство еще составляло особый мир, и связь между ними поддерживалась исключительно указаниями государя.

Перед моим призванием министерство было разделено. Общее руководство военным делом было вверено Совету государственной обороны, а военному министру была поручена вся административная часть и хозяйство, то есть те отрасли управления, к заведыванию которыми я был подготовлен. Выделение Генерального штаба и создание генерал-инспекторов, которым намечалось предоставить значительные распорядительные права, приводили к многовластию в военном управлении; но этот недостаток был бы устранен, если бы председатель Совета государственной обороны взял на себя объединять все эти части военного управления или государь сам (как в Пруссии) взял на себя обязанность; но так как такого объединения, требующего знания и большого труда, не было, то легко могла получиться полная неразбериха. Точных указаний для деятельности вновь созданных органов и для определения их отношений к военному министру не было дано, и все они были готовы толковать свою автономию в широком смысле. Я уже говорил, что, пользуясь отсутствием новых законов, я в сомнительных случаях брал власть в свои руки; протестов не было, все сознавали, что объединяющая власть нужна и дело шло; в этом, конечно, была большая заслуга и со стороны лиц³, которые могли бы протестовать против захвата мною власти, но которые для пользы дела мирились с этим.

Совет обороны, составленный до крайности неудачно, на первых порах до ноября тормозил мою деятельность, навязывая мне нелепые и невыполнимые решения. Моя сравнительная молодость и отсутствие у меня строевого опыта давали членам Совета основание смотреть на мои новшества, как на опасные бредни теоретика или (hogribile dictu!) как на либеральные уступки духу времени. Лишь постепенно удавалось разубедить в этом членов Совета и приобрести в нем должное влияние для проведения моих взглядов; решения же, с которыми не был согласен (Туркестан), я оставлял без исполнения, хотя они и были утверждены государем. Это лучше всего доказывает, до чего «лишней мебелию» был Совет обороны и до чего отсутствовала всякая объединяющая власть в военном управлении. Замечу при этом, что в Совете все дела шли «по-хорошему», без всяких резкостей и инцидентов, за исключением лишь одного случая (по делу о Влади-

востоке), когда я прочел Совету резкую нотацию, которая, однако, была принята как заслуженная действительным легкомысленным решением дела. Предел центробежным стремлениям был положен в 1907 году, когда сами генерал-инспектора пришли к убеждению, что они для пользы дела должны быть подчинены военному министру.

Вне Петербурга власть военного министра оспаривал лишь наместник Кавказа; не взирая на разделение министерства и понижение положения министра, все командующие войсками ему подчинялись вполне, и я имел право сказать, что не представляю себе такого командующего войсками, который не исполнил бы моего приказа. Таким образом, дисциплина на верхах армии была восстановлена. Жажда твердой власти так сильна была в армии, что все же все командующие войсками в начале 1908 г. заявили о необходимости единства в военном управлении, что и было достигнуто (без моей о том просьбы) увольнением от должности вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича с фактическим упразднением Совета государственной обороны и подчинением мне Генерального штаба. Своей заслугой я считаю, что, несмотря на разделение министерства, дело шло и что я сдержал центробежные стремления отдельных частей министерства, а в конце концов привел государя к убеждению в необходимости восстановить единство военного управления с передачей его всецело в руки министра.

Далее, я вменяю себе в заслугу, что, не взирая на понижение должности министра, я восстановил дисциплину на верхах армии, заставив командующих войсками [о]сознать, что они не полновластные пожизненные сатрапы, а должностные лица, обязанные добросовестно исполнять свои обязанности, начальники частей единой армии, управляемой единой волей, которой они должны подчиняться.

Введенному мной новому порядку аттестования я придаю особое значение, как единственному способу к улучшению командного состава; этот новый порядок мне лишь с большим трудом удалось провести в жизнь, несмотря на противодействие Советов: обороны и военного. В связи с новым пенсионным законом, составленным по моим указаниям, появилась возможность очистить ветхие верхи армии. Происходившая первое время частая смена начальствующих лиц была явлением вредным, но временным, тогда как достигнутые положительные результаты (освежение и некоторое улучшение состава начальников, чувство ответственности за свою деятельность) являлись положительным приобретением для армии.

Содержание офицеров мне несколько удалось улучшить; быт же нижних чинов мне удалось улучшить радикально: с 1906 года уже не могло быть речи о недостаточности их питания или о необходимости вольных работ для восполнения артельных сумм⁴.

³ Это Палицын, 4 генерал-инспектора и даже вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич; при этом я знаю, что подчиненные им лица наталкивали их на оппозицию; так, например, члены главного управления Ген[ерального] штаба считали, что главой военного ведомства является начальник Генерального штаба, а военный министр должен быть исполнителем его указаний. Замечу, кстати, что чины Главного управления военно-учебных заведений (с Анчутинским во главе) тоже мечтали о выделении из министерства.

⁴ К сожалению, я не успел провести в жизнь уже подготовленное введение разнообразия в пищевой режим нижних чинов.

Для освобождения же их от нестроевых обязанностей вещевое довольствие стало отпускаться в готовом виде, а число денщиков было сокращено. Для привлечения на сверхсрочную службу были приняты решительные меры, уже давшие решительный результат.

Таковы меры, проведенные мной по личной моей инициативе большей частью после упорной борьбы моей с занятыми сторонниками исконных порядков нашей армии, либо с министром финансов, и мерами этими я считаю себя вправе гордиться.

Равным образом я с удовольствием вспоминаю, что я для обеспечения мобилизационной готовности значительной части армии на свой страх и риск исполнил высочайше утвержденное решение совета министров о сдаче в казну экономических сумм без предварительного приведения в порядок войскового имущества, а равно о позиции, занятой мной в отношении Государственной думы: отказ от предельного бюджета с подчинением общему порядку испрошения и расходования средств и установление по отношению к Думе полной правдивости и откровенности, благодаря чему Дума стала относиться с доверием к Военному министерству.

Некоторые другие полезные (по моему убеждению) меры были мной подготовлены и отчасти уже проведены: изменение путевого довольствия было введено, но лишь в виде временной меры, так как мне не удалось иначе провести его. Новый порядок введения войскового хозяйства уже испытывался в широком масштабе, дал отличные результаты и подлежал распространению в ближайшем будущем на всю армию. Оставляя должность, я полагал, что польза этих двух мер настолько очевидна, что окончательное принятие их не подлежит сомнению; между тем после моего ухода обе они были отменены: первая — в интересах самого Сухомлинова, который стал наезжать (использовать. — Ред.) прогонные деньги, а вторая — в интересах его приятелей — кавалерийских начальников. Однако я убежден, что с восстановлением (после революции) в нашей армии нормальных порядков обязательно вернуться к моим начинаниям.

Еще я находил нужным упорядочить обозное дело в войсках, но все мои предложения по организации обозных войск бы-

ли заброшены моим преемником так же, как уже начатое устройство в округах школ стрельбы.

Наконец, я считаю себя вправе гордиться тем, что я всячески боролся с nepoтuзмом* и лично не позволил себе при каком-либо назначении руководствоваться чем-либо иным, кроме пользы и службы, и что я никогда не вмешивался в деятельность судов и не оказывал на них какого-либо давления.

Все приведенные меры относились к ряду забот о личном составе армии; они клонились в пользу младших офицерских и нижних чинов и были неприятны старшим их начальникам. По вопросам же организационным и снабжения армии я не сделал почти ничего. Коренное изменение организации тормозилось сокращением срока службы в армии, а затем Палицыным, который должен был выработать проект и взяться это сделать, но дал нечто куда не пригодное. Для снабжения армии не было средств, и первый чрезвычайный кредит на этот предмет мне удалось получить лишь летом 1908 года, так что при мне лишь успели выдать заказы, и самые поставки едва начались. Армия еще была вовсе не готова к походу. Имея в виду, что новая большая война должна была поставить на карту самые жизненные интересы России, я считал, что мы должны вступать в нее лишь вполне готовыми, с армией обученной и снабженной и с надлежащими вождями, и что для достижения этого нужно не менее десятка лет, и что мы до тех пор должны вести самую мирную политику...

В течение четырех лет я работал усердно, и моя совесть была чиста в том отношении, что я сделал, что мог. Внезапное увольнение от должности вызвало во мне чувство обиды, которое держалось долго и лишь много позже сменилось благодарностью судьбе за то, что мне суждено было уйти вовремя, чтобы не нести какой-либо нравственной ответственности за политику, приведшую к войне 1914 года и заступление в эту войну с недостаточно подготовленной армией...

* Nepoтuзм (лат.) — замещение по протекции доходных или престижных должностей «своими людьми», кумовство. — Ред.

(Продолжение следует)

РАТНАЯ СЛАВА ОТЧИЗНЫ

ИСТОРИЯ всегда играла и играет сейчас большую роль в формировании мировоззрения, воспитании людей, особенно молодежи. Она является важным средством обеспечения преемственности, духовной связи поколений.

Именно поэтому особого внимания заслуживает вышедшая в Военном издательстве Министерства обороны СССР в серии «Ратная слава Отчизны» книга «М. И. Кутузов. Письма. Записки».

М. И. Кутузов более 50 лет жизни отдал беззаветному служению Родине. Его жизнь и деятельность протекали во второй половине XVIII — начале XIX века. Это время крупных исторических событий и перемен, кровопролитных войн. Михаил Илларионович — активный участник многих из них.

Книга содержит богатый фактический материал, представляющий большую ценность. Она открывает новые возможности

объективно, в духе современных требований осмыслить крупные события той бурной эпохи, критически проанализировать прежние труды русских и советских историков, более беспристрастно оценить роль М. И. Кутузова в истории, его заслуги перед Отечеством.

В зарубежной литературе нередко не объективно, односторонне трактуется личность М. И. Кутузова как великого полководца, преуменьшается его роль в сокрушительном разгроме и изгнании наполеоновской армии. По этим вопросам ведется острая идеологическая борьба. Письма М. И. Кутузова — неоспоримые аргументы для разоблачения антинаучных, антисоветских, буржуазных концепций, фальсификаторов русской и советской истории. Великий полководец был и крупнейшим военным мыслителем. Его письма содержат ценные выкладки по проблемам войны и мира, связи войны и политики. В них определяется роль народных масс в войне, рассматриваются вопросы стратегии, тактики, управления войсками, организации

1 Кутузов М. И. Письма. Записки / Сост. П. И. Ризанов. — М.: Воениздат, 1989. — 591 с.

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор письма обращается к товарищу С. Киселеву, автору статьи «Штыком колю, прикладом бей!», напечатанной в «Литературной газете» № 5 за 31 января 1990 года.

Я ЧИТАЛ статью В. Бушина «Мы не рабы. Рабы немцы», напечатанную в «Военно-историческом журнале», а в «Литературной газете» ознакомился с Вашей заметкой «Штыком колю, прикладом бей!». Заметка в общем интересная, хотя она могла быть короче, т. е. квинтэссенция уместилась бы в трех-четырёх предложениях.

В. С. Бушин — журналист как и Вы. И он, как каждый из нас, имеет право на

свое личное мнение, тем более что крик об этом праве сквозит в каждой строчке Вашей заметки (или Вы имели в виду только исключительное свое право?). Почему же тогда Вы уличаете его в «печатной гримасе»? А может быть, право нести «сермяжную правду» в массы, в своей, конечно, интерпретации. Вы приписываете только себе, как собственному корреспонденту «ЛГ» по Украине? Непонятно, почему не по СССР?

Вашу статью вполне можно считать не только провокационной в политическом смысле, но и бестактной по отношению к своему коллеге. Провокационной — потому, что Вы подстрекаете общественное мнение к незаслуженному осуждению Бушина и «Военно-исторического журнала» как певцов застоя, а следовательно, и как врагов перестройки. Вы также подталкиваете общественное мнение к мысли о начавшейся «штыковой ата-

ке на демократию», т. е. искусственно создаете образ врага там, где его нет, и в отношении тех, кто таковым не является. Правда, не Вы первый будоражите этими байками большое воображение обывателя. Мы все уже слышали и о «генеральных репетициях» военного переворота, и о других очень ужасных вещах. Соответствующие оценки подобному подстрекательству и кликушеству уже даны. Не совсем понятна пока цель всего этого. Может быть, Вы подсказаете ее нам?

Бестактной — потому, что Вы не служили в японской армии, да еще в первую мировую войну. И посему не можете знать, что «растормаживает и расковыляет» и кто (!) способен «крушить, калечить, убивать». Кроме того, Вы же не видели, как «Бушин, прихлопывая в ладоши, кричал стране...» и т. д., и т. д.

Подобные сравнения не только показывают уровень

боя и сражения, определяется значение морального фактора в войне, воинской дисциплины, даются рекомендации по обучению и воспитанию войск и организации тыла. Эти мысли, сыгравшие большую роль в развитии отечественной военной науки и военного искусства, не потеряли актуальности и сегодня.

В структурном плане все письма М. И. Кутузова объединены в пять разделов. Составитель Н. И. Рязанов руководствовался принципом единства исторического и логического. Исторические рамки каждого раздела связаны с важными этапами жизни и многогранной деятельности полководца. У читателя складывается цельное представление о М. И. Кутузове как военном деятеле, дипломате, педагоге и т. д. Наибольший интерес представляют четвертый и пятый разделы: военно-боевая деятельность М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года; военно-боевая деятельность М. И. Кутузова в кампании 1813 года.

В начале каждого раздела в кратком вступлении перечисляются важнейшие войны, походы, события, в которых участвовал Михаил Илларионович, занимаемые им должности, миссии, выполнявшиеся полководцем. Это облегчает поиск нужных писем, сокращает время работы с ними. Предисловие можно было бы несколько расширить, дать более подробную информацию о деятельности М. И. Кутузова в описываемый период. Это повысило бы интерес читателя к письмам, входящим в данный раздел.

Высокой оценки заслуживает приложение. Эти небольшие по объему справки

о русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года содержат: общие сведения о вооруженных силах России, народном ополчении 1812 года, насчитывавшем 230 тыс. человек, о родах войск русской армии (пехоте, кавалерии, инженерных войсках, артиллерии и др.), об оружии различных родов войск, об организационной структуре и военных чинах русской армии в 1805—1815 гг.

Весьма интересен раздел, в котором раскрываются основные вехи жизненного пути М. И. Кутузова, дается пояснительный материал к его письмам. Здесь же обращается внимание на сведения о том, какие письма публикуются впервые, историю их написания, логику изложения. В книге коротко дается биография М. И. Кутузова, прослеживается его становление как военного и политического деятеля. Будучи великим патриотом, Михаил Илларионович глубоко верил в силы и способности русского человека, высоко ценил патриотизм русского народа и армии. «Если Россия, — писал он, — всегда будет сражаться за веру своих прародителей и честь народную, то Слава будет вечным их спутником, и горе злодею, покусившемуся на хранимую богом святую Русь» (с. 548).

В заключение обстоятельно говорится о коренном изменении отношения к фельдмаршалу, его теоретическому и практическому наследию после Великой Октябрьской социалистической революции. Подробно описываются почести, которые отдаются великому полководцу советским народом.

*Полковник в отставке И. А. КЛИМОВ,
доктор философских наук, профессор*

воспитанности выступающего, но и не уместны вообще, тем более в печатной форме, так как от них отдает складкой на коммунальной кухне.

Что же касается «Военно-исторического журнала» (как я понял, сейчас настала его очередь) и его воспевание войны в Афганистане, то и здесь Вы, Сергей, несколько не точны! Журнал войну не воспевал. Журнал воспевал седых мальчишек, которыми может гордиться любой Народ. Журнал воспевал героизм и честь Советского Солдата. А это ведь разные вещи! Или для Вас нет разницы? К сожалению, не все могут осмыслить эту категорию. И если Вы внимательно смотрели и слушали материалы Съезда, а также телематериалы в перерыве между Съездами, то не можете не знать, что руководство Вооруженных Сил СССР (кроме Д. Ф. Устинова, который, несмотря на маршальское звание, являлся таким же военным,

как и Л. И. Брежнев) было решительно против ввода войск в Афганистан. Но, к сожалению, в нашем многострадальном государстве правительство редко когда прислушивается к мнению военных и их трезвым оценкам, за что всегда платит Народ, и очень большой кровью! Этим самым могли бы заплатить и Вы. Так что нальма утверждений о бессмысленности афганской войны принадлежит отнюдь не Андрею Дмитриевичу, а нашим военным, печатным органам которых является и «Военно-исторический журнал», который Вы незаслуженно разделили в пух и прах. И Вы, Сергей, не могли не знать позиции военных.

Ну, а если Вы ее (позицию) знаете, но сознательно передергиваете факты и события — какое определение можно дать такому человеку?

Честно ответив как само-

му себе, так и всем тем, кто читал Вашу заметку в «ЛГ» № 5, на поставленные вопросы, Вы ответите и на вопрос: «Кто есть кто?». Но думаю, что для этого у Вас не хватит ни духу, ни других качеств, так как от этого зависят уже Ваши гонорары.

Хочу Вам посоветовать (хотя пока Вы, видимо, ни в чьих советах не нуждаетесь): надо быть объективной и честной. Поменьше допускайте вертлявости в Вашем святом деле и побольше добросовестности, тем более что Вам предоставлена честь быть опубликованной и печататься в таком уважаемом издании, как «Литературная газета», которая во все времена стояла на позициях объективности в освещении жизни Народа. Не надо подводить коллектив и редактора.

В. КУДРИСТЕНКО

(г. Белогорск)

ОРДЕН СЯГО СТАНИСЛАВА

(К странице 3 обложки)

ПОСЛЕ присоединения к Российской империи Королевства Польского император Александр I начал жаловать уроженцев Польши орденом Святого Станислава. Этот орден учрежден в 1765 году польским королем Станиславом-Августом (Понятовским) в память его патрона и покровителя Польши Святого Станислава.

1 декабря 1815 года (даты указаны по старому стилю) император Александр I издал Манифест об ордене Святого Станислава. Данным документом вводились четыре степени этого ордена.

Следующий Манифест об ордене Святого Станислава был издан 2 сентября 1829 года. Им сохранялись четыре степени ордена, определялись заслуги, дающие право на пожалование им, а также права и преимущества кавалеров ордена.

17 ноября 1831 года орден Святого Станислава был присоединен к орденам российским. Новый статут ордена был утвержден императором Николаем I 28 мая 1839 года. При этом была упразднена четвертая степень ордена. Этот статут действовал до 1917 года с незначительными изменениями.

Согласно статуту орденом Святого Станислава могут быть награждены любой подданный Российской империи или Королевства Польского, «кто пруспением в Христианских добродетелях или отличною ревностию к службе на поприще военном, как на суше, так и на морях, или гражданском, или же в частной жизни, совершенном какого-либо подвига на пользу человечества или общества, или края, в которых живет, или целого Российского государства, обратит на себя особенное... внимание» (Исторический очерк рос-

сийских орденов и сборник основных орденских статутов. — Изд. 2-е. — СПб., 1892. — С. 253).

Для рассмотрения кандидатур к награждению орденом Святого Станислава 3-й степени была учреждена Кавалерская Дума ордена Святого Станислава. Она составлялась из двенадцати старших кавалеров каждой степени ордена, находившихся в Петербурге в период проведения заседания под председательством старшего кавалера 1-й степени ордена. Кавалерская Дума собиралась ежегодно в начале апреля. Грамоты, пожалованные кавалерам 2-й и 3-й степени, подписывали члены Капитула Ордена, а лицам, удостоенным 1-й степени ордена, грамоту подписывал лично император.

Знаки ордена Святого Станислава устанавливались «в награду заслуг спешествующих общему благу Российской Империи и нераздельного с нею Царства Польского» (там же. — С. 250).

Орден Святого Станислава 1-й степени представлял собой четырехконечный крест с разделенными концами, покрытый с лицевой стороны красной финифтью и имеющий по краю двойную золотую кайму. Восемь концов креста украшены золотыми шариками и соединены между собой золотыми полукругами в виде полосатых раковин. В углах креста с четырех сторон расположены четыре золотых российских двуглавых орла (рис. 5а).

В середине креста на белом финифтевом круглом медальоне с золотой каймой и изображением зеленого лаврового венка красной финифтью выписан латинский вензель Святого Станислава «SS». Обратная сторона креста — зо-

лотая с круглым белым финифтевым медальоном в середине, на котором изображен тот же вензель «SS».

Орденский крест крепился на красной муаровой с двойными белыми полосами по краю ленте шириной 11 см, носившейся через плечо (рис. 1). Звезда носилась на левой стороне мундира и вщмундира. Каждый случай ношения ордена оговаривался в «Правилах ношения орденов, медалей и других знаков отличия», утвержденных для военного и гражданского ведомств.

Серебряная кованая (рис. 2б, 2в) или шитая (рис. 2а) восьмиконечная звезда имела в середине белый круглый медальон, в малом золотом обруче которого был выписан красной финифтью вензель Святого Станислава «SS». По внешней окружности малого обруча по белому полю нанесены золотые латинские буквы орденского девиза: «Praemiando incitat» («Награждающая поощряет»), разделенные золотым цветком. Белый медальон заключен в зеленое финифтевое кольцо, с обеих сторон которого — золотая кайма, причем внутреннего кайма уже наружной. На зеленом кольце изображены четыре золотые лавровые ветви, связанные по середине каждой двумя цветками.

Орден 2-й степени — золотой крест, подобный установленному для 1-й степени, но меньшей величины. Носился на шее на орденской ленте шириной 4,5 см.

Статутом 1839 года было отменено пожалование российским кавалерам ордена Святого Станислава 2-й степени орденской звезды. Этот знак, но без наплечной ленты, стал вручаться только иностранцам. Для российских подданных вводилось два вида ордена 2-й степени: крест, украшенный императорской короной (рис. 3а), и крест без короны (рис. 3в).

Орден 3-й степени — крест, подобный знакам 1-й и 2-й степени ордена, но еще меньшего размера. Носился в петлице или на груди на ленте шириной 2,8 см.

С 1844 года на звезде и крестах всех степеней ордена, жалующимся лицам нехристианского вероисповедания, изображенное вензелевое имени Святого Станислава стало заменяться черным императорским российским орлом (рис. 2в, 3б).

Статутом 1839 года устанавливались «официалы ордена»: церемониймейстер, секретарь и два герольда. Официалы ордена носили особо установленный официальный знак, представляющий собой крест ордена Святого Станислава величиной чуть меньше орденского знака 3-й степени, обведенный в окружность двумя золотыми обручами с вензелями Святого Станислава.

Церемониймейстер носил официальный знак на шее на ленте, определенной для креста 2-й степени, а секретарь и герольды — в петлице на ленте для креста 3-й степени.

Орден Святого Станислава был самым младшим в порядке старшинства российских орденов, но даже получение ордена самой низкой 3-й степени представляло кавалеру права потомственного дворянства.

Полагая, что правила статута ордена Святого Станислава открывают слишком легкий путь к приобретению потомственного дворянства, император решил несколько изменить их. В 1844 году последовало высочайшее повеление о составлении особого комитета для пересмотра статута ордена Святого Станислава. Сливив статуты орденов Святого Станислава, Святого Владимира и Святой Анны, комитет распределил между ними статьи, в которых перечислялись права на получение ордена, после чего статуты орденов были изданы вновь в 1845 году. Согласно им права потомственного дворянства получали кавалеры орденов Святого Владимира всех степеней, Святой Анны 1-й степени и Святого Станислава всех степеней. Тогда же, в 1845 году, последовало высочайшее повеление «впредь никого не представлять к награждению *вторую и третью* степенями ордена Святого Станислава...» (там же. — С. 24). Возобновлено было пожалование ор-

дена 2-й и 3-й степени лишь десять лет спустя, 28 июня 1855 года, но права потомственного дворянства оно уже не давало.

С 1855 года к знакам ордена Святого Станислава, жалующимся за воинские подвиги, стали присоединяться два скрещенных меча, проходящих через середину креста и звезды (рис. 2б, 4). В тех же случаях, когда кавалера ордена с мечами награждали тем же орденом, но более высокой степени не за военные, а за другие заслуги, мечи помещались сверху креста (рис. 3б) (под короной, если она имела) и на верхнем луче звезды.

С 1857 года к знакам ордена Святого Станислава 3-й степени, жалующимся за военные заслуги, кроме скрещенных мечей стали присоединять бант из орденской ленты (рис. 4).

По Указу от 3 декабря 1870 года присоединение мечей сверху креста и на верхнем луче звезды было отменено, а с 17 февраля 1874 года высочайшим Указом императорская корона как элемент, повышающий награду, упразднена.

Некоторые изменения внешнего вида орденских знаков были произведены при Временном правительстве в 1917 году: золотые двуглавые орлы, расположенные между концами креста, стали изображаться с опущенными крыльями и без императорских корон (рис. 5б).

Награждение орденом Святого Станислава, как и другими орденами, кроме привилегий накладывало на награжденных и ряд определенных обязанностей. Со всякого новопожалованного кавалера любой степени ордена (кроме иностранцев, не состоявших на русской службе) и лиц, оговоренных в статье 68 статута от 1839 года, взималось единовременное денежное высье в орденскую казну. Эти деньги расходовались на дела богоугодные и благотворительные. В пользу лиц, пожалованных орденом Святого Станислава, из Государственного российского казначейства ежегодно выделялась определенная (статутом от 1839 г.) сумма, которая составляла 66 тыс.

рублей, для выплаты из нее пенсий кавалерам ордена. По каждой степени ордена назначалось определенное количество кавалеров, которым ежегодно сверх жалованья выплачивалась пенсия, о чем им сообщалось от «Капитула Орденов» «через публичные ведомости или чрез их начальства...» (там же. — С. 267). Пенсионные суммы, выдаваемые назначенным пенсионерам, не подвергались вычетам на пенсии вдовам и сиротам и на госпиталь. После смерти пенсионера ордена вдова могла пользоваться пенсией еще год.

В тех случаях, когда кавалер, получающий пенсию по младшей степени ордена, награждался более высокой степенью того же ордена, его право на получение пенсии прекращалось, и он должен был ожидать пенсионной вакансии, но по более старшей степени ордена. Кроме этого, награжденный орденом Святого Станислава, получавший пенсию как кавалер этого ордена, мог получать еще пенсию и по другим орденам, которыми был награжден.

Особое внимание уделялось «недостаточным» кавалерам ордена, в Российской империи состоявшим в чинах не выше обер-офицерского или 9-го класса и имевшим в своем владении не свыше ста душ крестьян. Таким кавалерам предоставлялось право помешать для воспитания своих дочерей от семи- до четырнадцатилетнего возраста в С.-Петербургский Мариинский институт за счет Капитула Российских орденов по комплекту пенсионных вакансий.

Согласно статье 102 статута 1839 года, «при выпуске из Института девицы, отличившиеся успехами в науках и поведением своим, получают от Капитула Орденов, в награждение, единовременно по *шестисот рублей*, а все прочие пенсионерки Капитула по чтыреста рублей каждая» (там же. — С. 271).

День учреждения ордена Святого Станислава праздновался ежегодно 25 апреля.

С. П. СЕРКОВ

«МНЕ С ТОБОЙ, ЖУРНАЛ, ИНТЕРЕСНО...»

В № 12 за 1989 год нашего журнала была опубликована «Анкета читателя». Редакция получила большое количество писем с ответами на предложенные вопросы. Многие читатели высказали просьбу ознакомить их с результатами опроса. Выдержки из некоторых анкет уже были опубликованы в 3-м и 4-м номерах журнала. Одно письмо, в котором даны наиболее типичные ответы на вопросы, помещаем ниже.

1. Знакомлюсь с журналом в библиотеке, поскольку сама библиотекарь. Очень люблю ваш журнал. Он один из самых интересных, какие сейчас выпускаются. Спасибо вам.

2. Если есть время, читаю журнал «от корки до корки», и мне трудно выделить в нем что-то особенно интересное. Однако всегда стараюсь прочитать материалы под рубриками: «Трибуна писателя», «В помощь изучающим военную историю», «Дискуссии и обсуждения», «Армия и культура», «В поисках правды», «Точки зрения, суждения, версии», «Воинская дисциплина: уроки истории» и другие.

3. Рубрику «В помощь изучающим военную историю» читаю постоянно, ибо от нас скрывали нашу историю, а вы стираете ее «белые пятна» и, что важно, делаете это на основе фактов, документов, а не просто под воздействием сомнительных эмоций и желаний, как «Огонек».

Для публикации можно предложить, например, такие вопросы, как хрущевские «реформы» в армии в 50-е гг., о разгроме антоновщины у нас в Тамбовском крае, роли Тухачевского и других «пламенных революционеров» в истреблении русских крестьян. И вообще — новый взгляд на гражданскую войну, кому она была нужна и за что погибли миллионы русских и украинцев... Что такое черносотенство? Течение? Военная организация? Кто его лидеры, участники? А может быть, это были настоящие патриоты, ведь мы уже знаем об истинных причинах «еврейских погромов».

4. Расскажите о детях Троцкого и Свердлова, подробнее об их сыновьях, которые, как известно, были в органах НКВД и на их счету немало погубленных душ. Возможно, надо открыть рубрику «Палачи

народа», в которой печатать биографии начальников лагерей ГУЛага, рассказы об их деятельности. Известно, что свыше 90 проц. руководителей карательных органов составляли выходцы из сионистских организаций и близкие им по духу и происхождению троцкисты... Народ должен знать не только своих героев, но и палачей.

5. Публикации журнала мне помогают, подкрепляя фактами мою позицию.

6. Оформление журнала стало очень интересным. Хорошо, что есть цветные иллюстрации, усиливающие эмоциональное воздействие статей, оживляющие их. Изложение нравится — серьезно и доступно.

7. Материалы, которые запомнились в 1989 году, — К. Раш «Армия и культура» и В. Бушин «Мы не рабы. Рабы нёмы». Запомнились потому, что пробуждают людей от спячки, открывают нам глаза, заставляют оглянуться на самих себя, свою историю, заставляют думать, размышлять, сопоставлять факты и то, что нам кричат иные средства информации, — все-де плохо, черно, страшно, дико, беспросветно. Да не все уж так-то. За плечами у нас великая история, культура, гении и герои, которыми можно и должно гордиться. Пора нам встать с колен, перестать каяться даже в том, чего не было, пора осознать себя нацией, а не народом расчуженным и пора бороться и за свою историю, и за свое настоящее, и за свое будущее, которого может и не быть, если мы не объединимся, а будем смотреть в рот «Огоньку» и прочим оракулам.

8. Мои интересы — познавательные.

И. Беляева (г. Тамбов)

Публикуя анкету, редакция прежде всего хотела узнать, в какой степени журнал удовлетворяет интересы читателей, их потребности в документальной информации, касающейся исторического процесса. Судя по ответам на вопросы анкеты, особое внимание вызывают публикации о дореволюционном периоде в жизни страны. «Наши знания истории столь малы, что легче сказать, что мы знаем, чем то, о чем не знаем, — пишет наш читатель П. С. Строжаев из Киргизской ССР, — Россия до Петровской эпохи — темный лес. О времени от Петра I до 1914 года — весьма жалкие сведения. Мировая военная история — чистый лист бумаги с двумя крохотными крапинками: нападение японцев на Пёрл-Харбор и вьетнамская война». В то же время 40 проц. наших читателей больше интересуют материалы о Великой Отечественной войне, и в особенности — о ее начале.

Очень многих волнуют публикации, посвященные истории военного искусства. Эта тема, как и прежде, остается одной из основных в журнале. Материалы, опубликованные под рубрикой «Советское военное искусство», как показывает анализ анкет,

заинтересовали читателей, вызвали широкий отклик. Среди лучших, в частности, названы такие статьи, как «Хроника воздушных таранов» А. Д. Зайцева, «Разгром группы армий «Южная Украина» В. П. Крикунова и другие. Тема военного искусства поднимается и в воспоминаниях «Солдатский долг» К. К. Рокоссовского, которые помещаются под рубрикой «Купюры, пропуски, изъятия». Но некоторые читатели просят писать об истории военного искусства в несколько ином плане. «А теперь о предложениях и просьбах. Ни в один журнал не писал и, по-видимому, не буду. Вам пишу с уверенностью, что найду отклик, хотя журналистам придется покопаться в архивах и библиотеках», — пишет Н. В. Гусаров из Киева и предлагает рассказать о «развитии военной науки в трудах М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова и других, о развитии военно-педагогической мысли в трудах М. И. Драгомирова, М. В. Фрунзе...».

Почти все подписчики журнала, заполнившие анкету, заметили, что в последние полтора-два года изменилось его направление. Предпочтение отдается материалам, освещающим наиболее сложные периоды жизни страны, публикации архивных документов. Анализ анкет показывает, что читатели расценили этот факт как положительный. «Целиком одобряю и поддерживаю происходящий в последние полтора года поворот в содержании и оформлении журнала. Содержание стало больше соответствовать названию и задачам такого издания. Сейчас необходим журнал военно-исторического профиля, выполняющий функцию патриотического воспитания», — пишет В. С. Криволапов из Оренбурга. За публикацию как можно большего количества архивных материалов выступают 80 проц. читателей. Но «форма подачи архивных документов нуждается в значительном улучшении», — замечает читатель П. И. Пустовойт (г. Реутов Московской области). Он просит снабжать документы соответствующим комментарием, давать им оценку, иллюстрировать. К его просьбе присоединяются и другие авторы писем.

По откликам читателей, наиболее популярные рубрики — «Из архивов Министерства обороны СССР», «Трибуна писателя», «В поисках правды», «Гриф секретности снят», «В помощь изучающим военную историю». Интересные предложения были высказаны по поводу рубрики «В помощь изучающим военную историю». Большинство опрошенных считают ее нужной, полезной, содержащей ценную информацию. «Рубрика представляет не только значительный интерес, но и, несомненно, способствует формировать историческое мышление, особенно в наше неуравновешенное время, когда «зашаталась» привычные взгляды на прошлое», — таково мнение Д. А. Гаврилина из Родненской области.

Буквально единицы высказались против рубрики. Одни считают, что журнал сам по себе весь является подспорьем в изучении истории и выделение этой рубрики искусственно, другие боятся, что публика-

ции в ней упадут до уровня простых методических разработок. «Предлагаю печатать здесь все, — пишет В. Я. Каштанов из г. Бийска, — кроме разработок, материалов, схем, расчетов, ведь журнал не учебник, а популярное издание». Однако высказывания большинства читателей свидетельствуют, что подобные опасения излишни.

Именно поэтому многие предлагают сделать рубрику «В помощь изучающим военную историю» ведущей, поскольку «для журнала нет ничего важнее, чем помочь читателям если не в изучении, то в ознакомлении с правдивой, объективной оценкой отечественной военной истории» (П. И. Пустовойт). «Статьи рубрики должны не столько повторять то, что ранее писалось в различной литературе, сколько приводить какие-то факты, документы», — пишет А. В. Котловский из Киева. Его мысль предлагает тов. Котельников, который предлагает «опираться на факты во взаимосвязи с конкретными условиями того или иного периода». «А выводы делает сам читатель», — резюмирует он. «Вообще же эта рубрика должна быть одной из основных, если журнал действительно военно-исторический», — отмечает А. Д. Каверкин из Ленинградской области. В 1989 году под этой рубрикой было опубликовано семь материалов, что, безусловно, мало, чтобы серьезно помочь в изучении военной истории. Таков окончательный вывод читателя. Есть и такое пожелание — к материалам рубрики давать списки литературы для подробного изучения изложенной темы.

Что же касается предложения некоторых читателей систематизировать материалы начиная с древнейших времен и кончая современностью, по эпохам, годам, главным героям, то оно вряд ли осуществимо. Скорее всего, такая задача не под силу одному журналу, поскольку предлагаемый материал колоссален по объему. Но в любом случае редакция может заверить, что публикации под рубрикой «В помощь изучающим военную историю» будут продолжены с учетом критических замечаний и предложений, высказанных читателями.

Так как позиция «Военно-исторического журнала» в отличие от многих других средств массовой информации строится не на безудержной критике всего того, что было, а на тщательном анализе документов прошлого, объективном освещении военной истории, редакцию интересовал вопрос, в какой степени наши публикации воздействуют на общественное сознание. С удовлетворением можем отметить, что на вопрос о том, влияют ли публикации журнала на личную позицию при оценке тех или иных исторических событий, 70 проц. заполнивших анкету ответили утвердительно.

«Журнал помогает обрести твердую почву под ногами, ибо, к сожалению, многие наши общественно-политические да и научные журналы занимаются «игрой в фактики», «игрой в примеры», — пишет С. А. Выхварко из Закарпатской области. Ему вторит читатель Д. А. Гаврилин из

Гродненской области: «Несомненно влияют, особенно теперь, когда многие исторические события легко искажаются современными публицистами и недобросовестными историками, подвизающимися в «модных» журналах». «Материалы журнала становятся оружием, действующим безотказно в многочисленных спорах, которые приходится вести с идейными противниками», — таково мнение читателя **З. Тоду** из Кишинева. Но даже тогда, когда публикации не влияют на позицию, как пишут некоторые читатели, они «рождают большое желание докопаться до истины» (**И. А. Барановский** из Московской области). А это тоже, как нам кажется, очень важно.

Безусловно, многие читатели имеют собственную точку зрения на те или иные события, свое сформировавшееся суждение. Однако при этом они отвечают так же, как и **В. И. Лапшин** из Москвы, который написал, что «совпадение со своей позицией нахожу здесь гораздо чаще, чем в других изданиях...». «Пытаюсь извлечь пользу из всякой вашей публикации. Одни возвышают душу, вызывают радость и гордость за свое Отечество, другие — досаду и огорчение» (**К. Н. Андреев** из Москвы). А вот как ответила на этот вопрос **Г. Ф. Белоусова** из Кировограда: «Мне с тобой, журнал, интересно встречаться. Ничью позицию я не занимаю и не отстаиваю. Ненавижу всякое насилие в любой форме, тем более когда оно применяется к воину. Я просто мать и женщина».

Много интересных предложений высказали читатели, отвечая на вопрос анкеты о том, как каждый из них оценивает форму подачи материала (язык, стиль изложения, оформление и т. д.). 80 проц. опрошенных удовлетворены журналом в этом отношении. Однако есть претензии к полиграфическому исполнению. Некоторые отмечают плохое качество фотоиллюстраций. Иные указывают на сухость языка, его официальность. «Форма подачи материала нередко не исторична, — пишет **С. И. Воронов** из Калуги, — много воды, рассуждений, нет безукоризненной убедительности. Ваш журнал должен быть солидным и высокомерным в лучшем смысле этих слов».

Или вот такое высказывание. «У вас, видимо, слабая полиграфическая база, и поэтому качество публикуемых фотографий оставляет желать лучшего. И все же на первое место ставлю материалы под рубрикой «По трофейным фотодокументам». Более 15 лет собираю фотографии, отражающие историю Вооруженных Сил. Использую все советские полиграфические источники, обширный иллюстративный материал иностранных издательств. Работая профессиональным фотографом, имею возможность получать неплохие кадры непосредственно с экрана. Так что, думаю, могу объективно судить о технической стороне снимка, его оригинальности. Должен сказать, что подача этого материала стала настоящей революцией для советских печатных органов. Ничего по-

добного не было с 1941 года. Да и снимки, несмотря на плохое качество, весьма оригинальны, ранее нигде не публиковались», — пишет **А. В. Ефремов** из Тюмени. Таким образом, и читателям, и редакции остается только надеяться на усиление нашей полиграфической базы.

А теперь о наших публикациях. Наибольший интерес у читателей вызвали статьи **К. Раша** «Армия и культура» и **В. Бушина** «Мы не рабы. Рабы немцы». Обе статьи оцениваются далеко не однозначно. Читатели спорят между собой, высказывают схожие и противоположные мнения. Но главное, что никого из тех, кто прочел эти статьи, равнодушными они не оставили. «Раш запомнился патристичностью и аргументированностью», — пишет **А. С. Лукьянов** из Ставропольского края. Приведем еще одно мнение, которое, как нам кажется, и дает ответ на вопрос, почему именно эти статьи, и особенно **К. Раша**, вызвали наибольший отклик у читателей. «Раш поднимает актуальную проблему защиты армии от проявлений пацифизма, нигилизма, бьет тревогу в условиях морального разоружения нашего народа, дегероизации нашей истории. С автором можно спорить, но в целом его публицистическая статья — на злобу дня» (**В. В. Даценко**, г. Кировоград).

По мнению некоторых читателей, много ценных страниц отдается для публикации материалов о современности в то время, когда не хватает статей на чисто исторические темы. На это хотелось бы сказать следующее. Сегодняшний день невозможно отделить от нашего прошлого. Ведь только чувствуя неразрывную связь времен и зная наши истоки, постоянно сравнивая и сопоставляя события, можно разобраться в современных проблемах. История в чистом виде до 1917 года — это учебник, а не публицистика, которая обязана быть злободневной. А день сегодняшний вобрал в себя и то, что пережило наше Отечество до 1917 года, и то, чем жило после него.

Среди лучших статей 1989 года читатели в анкете назвали следующие: **А. А. Брусилев** «Мои воспоминания», **К. К. Рокоссовский** «Солдатский долг», **З. В. Вичис** «Уроки служения Отечеству», **А. А. Васильев** «О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении», **С. Ф. Бегунов**, **А. В. Литвинчук**, **В. А. Сутулов** «Вот где правда, Никита Сергеевич!», **Я. М. Горелик** «Конец гитлеровской Германии», а также ряд других. Большим успехом у читателей пользуются статьи **А. Н. Колесника** «Взлет и падение Василия Сталина», «Главный телохранитель вождя», «Дочь Сталина»; **В. Г. Оппокова**, **Б. С. Попова** «Бериевщина» и **Н. Л. Анисимова**, **В. Г. Оппокова** «Происшествие в НИИ-3».

Особо хотелось бы выделить статью **А. В. Короткова** «Георгиевские кавалеры», потому что именно так к ней отнеслись наши читатели. Они не просто называют статью среди лучших или запомнившихся публикаций прошедшего года, а посвящают ей отдельные строки в анкете. Процитируем выдержки из одного такого письма. «Перехватили дыхание и ком подступил

к горлу, когда, перелистывая страницы журнала, увидел статью директора ЦГВИА СССР А. В. Короткова * «Георгиевские кавалеры». Лихорадочно взглядывался в фотографии, перечитывал статью с надеждой узнать хоть что-то о своем отце. Сам факт такой публикации свидетельствует о том, что я дожил до того дня, когда, не скрываясь, можно узнать о человеке, давшем мне жизнь, отстоявшем Россию в страшной войне, завоевавшем для меня Советскую власть, вложившем все силы в дело ее становления, но не выдержавшем жестоких сталинских репрессий», — пишет Н. Ф. Левандровский. «На мой взгляд, такие публикации, — продолжает он, — должны быть систематическими, несмотря на низкое качество фотографий. Народ должен знать о подвигах своих предков, независимо от того, в какой войне они их совершили во славу России... Это к тому же очень важно сейчас, когда в наше беспокойное время под предлогом переоценки воинских ценностей поднимается все самое негативное и льется порой грязная клевета на армию и флот, заливая мутью светлые страницы нашей истории».

А теперь несколько слов о том, кто вы, наши читатели. В возрасте до 20 лет — 6 проц.; от 20 до 60 — 43 проц.; после 60 — 17 проц. Военнослужащие — 10 проц.; историки 20 проц.; участники Великой Отечественной войны, в том числе военнослужащие в отставке, — 22 проц.; школьники — 5 проц.; служащие, рабочие и крестьяне — 43 проц.

В заключение мы еще раз публикуем «Анкету читателя» и просим ответить на ее вопросы наших новых подписчиков, а также тех, кто уже прислал нам письма, но хочет что-либо добавить или предложить.

* Ныне работает в Главном архивном управлении СССР.

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ

1. Каким рубрикам и разделам вы отдаете предпочтение!

2. Ваше мнение о рубрике «В помощь изучающим военную историю».

3. О каких исторических событиях, государственных, политических и военных деятелях вы хотели бы узнать! Какие проблемы должны быть подняты на страницах журнала! Интервью с какими из видных деятелей современности (экономисты, политики, писатели) вы хотели бы прочесть!

4. Влияют ли публикации журнала на вашу позицию при оценке тех или иных исторических событий!

5. Как вы оцениваете форму подачи материала (язык, стиль, оформление и т. д.)!

6. Какие материалы, опубликованные в 1989—1990 гг., вам запомнились и почему! Назовите две-три, по вашему мнению, лучшие публикации.

7. Расскажите, пожалуйста, о себе (возраст, образование, место службы, работы, учебы).

Отвечая на шестой вопрос, укажите автора, название материала и номер журнала. Ответы на вопросы могут быть краткими и развернутыми, с размышлениями о журнале в целом и об отдельных его рубриках, публикациях.

Наш адрес: 103160, Москва, К-160.

Не забудьте пометить на конверте: «Анкета читателя».

Read in this issue:

J. A. Gorkov — By the sources of defensive doctrine ● P. P. Lebedev — National defence ● N. A. Andreeva — Historical whims ● G. G. Alov — Executioners ● P. S. Petrov — The factual side of lend-lease aid ● John N. Hazard — For defence of American self-interest (Some American reviews) ● L. G. Ivashov — From «Junkers», 1941 to «Cessna», 1987 ● J. N. Zoria — Nuremberg boomerang ● V. P. Krikunov — Penalty military men ● A. F. Katushev, V. G. Oppokov — Judases (Vlasovtsy in fascism's service) ● A. F. Rediger — My life story ● I. A. Klimov — Military glory of the native land (M. I. Kutuzov's letters) ● S. R. Serkov — Order of St. Stanislaw ● Letters survey. «It is interesting with you, magazine»

Lesen Sie in diesem Heft:

J. A. Gorkow — Am Anfang der Verteidigungs Doktrin ● P. P. Lebedew — Die nationale Verteidigung ● N. A. Andreeva — Die historischen irreführenden Gedanken ● G. G. Alov — Die Henker ● P. S. Petrov — Die faktische Seite der lend-lease Hilfe ● John N. Hazard — Zum Schutz der amerikanischen Interesse (Einige amerikanische Notizen) ● L. G. Iwaschow — Von «Junkers» 1941 bis «Cessna» 1987 ● J. N. Sorja — Bumerang von Nürnberg ● W. P. Krikunow — Soldaten der Strafabteilungen ● A. F. Katussev, W. G. Oppokow — Die Judasen (Die Vlasow — Soldaten im Dienst des Faschismus) ● A. F. Rediger — Die Geschichte meines Lebens ● J. A. Klimow — Der Kriege ruhm des Vaterlandes (Briefe von M. J. Kutusow) ● S. R. Serkow — Orden des Heiligen Stanislaw ● Briefumschau. «Es ist interessant dich zu lesen, Zeitschrift»

ПРАВО, странные дела творятся на белом свете. Взять хотя бы наших артистов. Сколько их у нас прекрасных! А вот в Штатах признали только одну-единственную. Ту, которая сыграла роль проститутки. Фамилия этой актриски в буквальном переводе на русский звучит так — Дрянь. Прогрессивная пресса нам твердит, будто проститутки были у нас в СССР всегда, только о них не писали.

Кстати, о русских, о рашен, о рашизме. Недавно копался в архивных документах. Наткнулся на огромный пласт литературы, которая издавалась в гитлеровской Германии. Тема ее... русский фашизм, советский фашизм. Сегодня, кажется, эту тему с увлечением разрабатывает и «Огонек». Кто его раньше знал в тех же Штатах! Пусть не обижаются Сафронов, но «Огонек», как и ту актриску с дрянной фамилией, в Штатах никто не знал и знать не хотел. Ну ладно, дряннушка стала звездой за демонстрацию половых актов, а «Огонек»!

Я знаю, «Огонек» ни черта не боится — ни папу, ни маму, ни бабушку, ни дедушку. Сегодня «Огонек» — наш твердокаменный большак. Но знаю я и другое: «Огонек» начинает вибрировать, как дранка в заборе, только в одном случае — это когда вы попытаетесь выяснить связь публикаций в «Огоньке» и в американских изданиях, когда вы приложите «Огонек» физиономией о стол, давая понять, что весь «Огонек» — это плагиат, это воровство сюжетов, мотивировок, аргументов и фактов из самых злобствующих американских журналов и газет. Кстати, первым, кто оправдал американских головорезов во Вьетнаме, приравняв наших «афганцев» к ним, — был «Огонек». Я был во Вьетнаме, знаю, что творили американцы там. Помните, именно после этой акции в Штатах «Огонек» официально был объявлен лучшим журналом в мире.

Конечно, понимаю, что какая-то часть людей живет сегодня в условиях лихорадочной конверсии: приворывывает танки, подводные лодки, стрелковое оружие, боеприпасы, дезертирует из армии... Нет слов, «Огонек» танки не ворует, и смею вас уверить — никогда не будет их воровать. Другое дело — подстрекать. Вот, например, подстрекает захватить, то бишь передать, здание Генштаба под что-то. В этом подстрекательстве я лично ничего страшного не вижу. Как сказал один член Политбюро: «Нормальная борьба». Я, к примеру, с лета могу предложить тот же «Огонек» передать, допустим, животноводам. Уверен, если положить рядом кусок свинины и номер «Огонька», то всякий здравомыслящий человек в наше время возьмет кусок свинины. Какой вывод! «Долой «Огонек» — даешь свинину!» Конечно, я не имею в виду само помещение, где располагался «Огонек». Но и для помещения можно найти более продуктивное применение. Например, почему бы не передать его колхозникам! А что! Базар рядом с

редакцией, а переночевать бедолаге с картошкой из Тамбова или бедолаге с капустой из Рязани негде. Все тут логично: если человек не берет «Огонек», а берет свинину, то и помещение надо отдать тому, кто выращивает эту самую свинину.

Но ничего из этой конверсии, дорогие мои, не получится. Штаты не позволят. Ведь что получилось. Едва «Огонек» объявил о требовании передать здание Генштаба не то под поликлинику, не то под детсад, как снова в Штатах «Огонек» был объявлен лучшим журналом мира. Ну прямо читай: «За победу над Советской Армией». А почему бы и не отлить такую медаль. Ведь есть медаль у футболистов — «Кривая нога!» А медаль «За победу над Советской Армией» можно было бы вручать ежемесячно. И не только зарубежным журналам, газетам и отдельным журналистам, но и своим, главным образом своим, то есть тем, кто находится на территории СССР. Претендентов очень много. И я не считаю, что председателем жюри должен быть тот же Коротич. Он не потянет. Почему? Потому что он не первое лицо. Первое лицо не у нас. В этой связи время от времени ходят слухи по Москве, будто скоро Коротича вызовут на Старую площадь или на Красную и там снимут. Меня от этих слухов смех разбирает. Дорогие мои, не на Старой и не на Красной площади его назначали и не на Старой и не на Красной площади его будут снимать. Это надо давно понять. Пока в Штатах он лучший в мире, никакая Старая и никакая Красная площадь не снимет его. Руки коротки. Во всем мире так: снимает тот, кто назначает. От себя же скажу: если бы не было Коротича, было бы очень скучно. Как в цирке без коверного. Хотя многие и твердят, что «Огонек» — глупый журнал. Я где-то с ними согласен. Хорошо бы ему ума побольше. Ну, к примеру, если уж ты борешься за закрытие советского полигона в Семипалатинске, так ты же хотя бы раз упомяни о еще большем в Штатах. Не обнаруживай себя так откровенно. Или, если ты требуешь выселения Генштаба, то ты хотя бы намекни об этом и в адрес Пентагона, у него здание-то во много раз лучше и больше. Я не думаю, что те, кто присуждает «Огоньку» медали «За победу над Советской Армией», то бишь премии вождя всех времен и народов, не подсказывают ему это. Подсказывают. Но Коротич не слушает. В этом я усматриваю, как и многие другие, что «Огонек» глуп или по крайней мере мог бы быть поумнее.

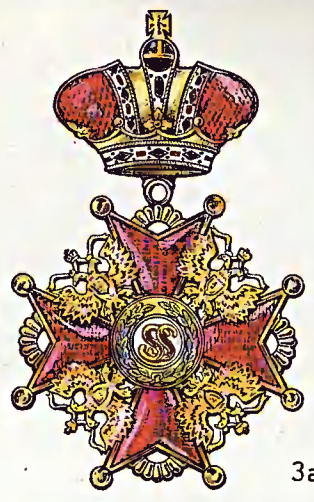
Впрочем, о чем тут говорить. Сегодня «там» большой спрос на тех, кто играет роль проститутки. И я согласен с прогрессивной печатью — проститутки у нас всегда были. Только тогда их и называли проститутками, а сегодня их называют — звездами.

Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет № 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

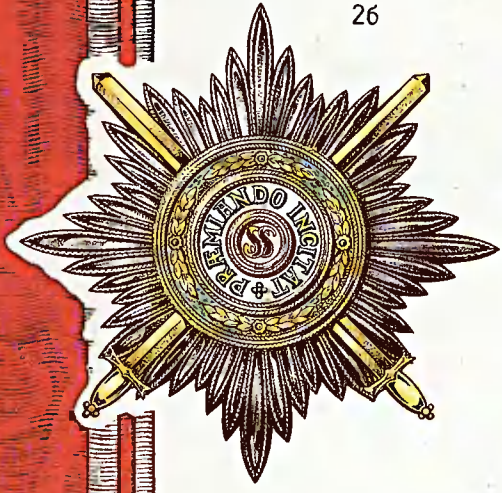

1

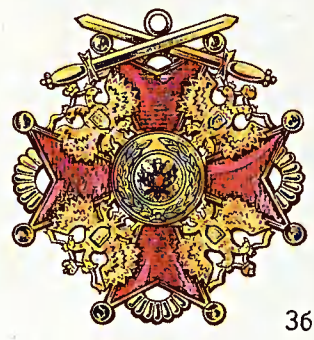
2a

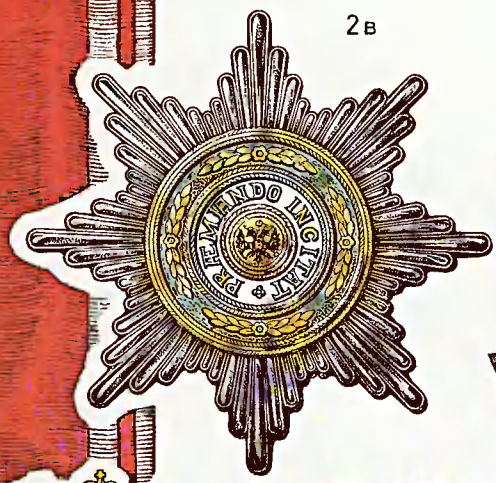
3a

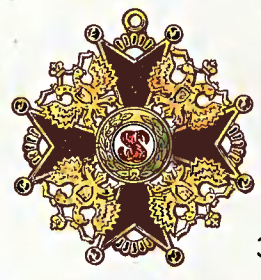
26

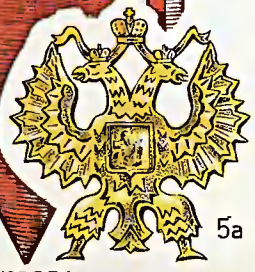
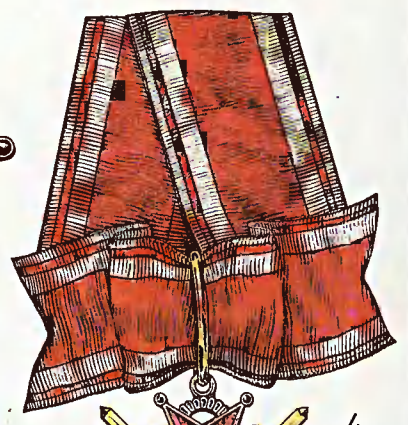
36

2b

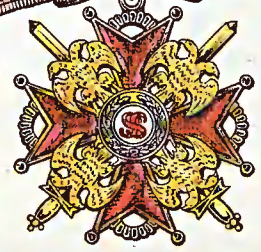
3b

5a

5b

4